

Союз театральных деятелей России

Сюжеты

издается с 1990 года

Содержание

Виктор Алексеев ВЕРТОЛЁТ	3
Артём Ефименко САМАРА НАВСЕГДА	56
Роман Козырчиков РУССКАЯ СКАЗКА	141
Мария Малухина МОРЕ. ЗВЕЗДЫ. ОЛЕАНДР	188
Александр Новожилов ТАБЛИЧКИ	217
Елена Саморядова ШАНС	272

УДК 821.161.1-2

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-6

С98

Серия «Сюжеты» – это сборники пьес молодых современных авторов, адресованные как профессионалам и поклонникам театра, так и широкому кругу любителей русской словесности.

Предлагаемый вниманию очередной сборник серии (№ 37) включает шесть пьес:

«Вертолет» Виктора Алексева (г. Иркутск); «Самара навсегда» Артема Ефименко (г. Москва); «Русская сказка» Романа Козырчикова (г. Екатеринбург); «Море. Звезды. Олеандр.» Марии Малухиной (г. Москва – София); «Таблички» Александра Новожилова (г. Липецк); «Шанс» Елены Саморядовой (г. Калининград).

Это талантливые авторы. Они уже засветились на разных драматургических конкурсах и семинарах попаданием в лонг- и шорт-листы. Их новые пьесы, безусловно, достойны внимания театрального сообщества. Пьесы очень разные по жанру, по манере письма, по восприятию и реакции на окружающий мир. Авторы молоды и пишут о том, что хорошо знают. Отсюда и эмоциональная насыщенность текстов и откровенность авторского высказывания.

Все названные пьесы отобраны через всероссийский конкурс, постоянно действующий в рамках Союза театральных деятелей России.

Три пьесы – «Море. Звезды. Олеандр.» М. Малухиной, «Самара навсегда» А. Ефименко и «Русская сказка» Р. Козырчикова выдвинуты Комиссией СТД РФ по драматургии для участия в конкурсе конкурсов «Кульминация – 2020».

Сборник можно заказать, обратившись в Кабинет драматургии по электронной почте: stdrf-novikova@mail.ru или воспользоваться обычной почтовой связью. Он будет незамедлительно выслан. Электронную версию «Сюжетов» можно найти на сайте СТД РФ: www.stdrf.ru на странице Комиссии по драматургии.

При перепечатке ссылка на «Сюжеты» обязательна.

Все материалы печатаются на правах рукописи

© Составление, оформление.

Союз театральных деятелей РФ (ВТО),
2020 г.

ISBN 978-5-6040301-6-5

Виктор Алексеев
ВЕРТОЛЁТ

Действующие лица:

КОСТИК.

ЛЕНА.

СЛАВА.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА.

МАРИНА ДЕНИСОВНА.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

Картина 1

Комната в квартире Дарьи Максимовны. Костик спит на диване, накрывшись с головой одеялом. На полу возле дивана стоят тарелки с крошками и кружки, на письменном столе – пустая коробка Доширака. Окно задёрнуто плотными тёмными шторами, через которые едва пробивается дневной свет. Вибрирует телефон, Костик поворачивается на другой бок. Некоторое время спустя в комнату входит Лена, осматривается, затем отдёргивает штору, открывает окно, подходит к дивану и стягивает с Костика одеяло.

КОСТИК. Какого хера! Блин, Лена!

ЛЕНА. Ты бы хоть изредка проветривал. Добрый день.

КОСТИК (*накрывает голову подушкой*). Уже не добрый.

ЛЕНА. Ты почему не на работе?

КОСТИК. У меня выходной. Дай водички. Там, на столе.

Лена оглядывается, видит на столе кружку, передаёт её Косте.

ЛЕНА. Почему трубку не брал?

КОСТИК. Не слышал.

Снова вибрирует телефон.

ЛЕНА. Конечно, он у тебя на вибрации стоит. Ответишь?

КОСТИК. Потом посмотрю. Ты чего в такую рань?

ЛЕНА. Алё, уже одиннадцать.

КОСТИК. Я и говорю.

ЛЕНА. Костя, почему Саша вчера весь вечер трещал про вертолёт?

КОСТИК. Какой вертолёт?

ЛЕНА. Который ты ему обещал на первое сентября.

КОСТИК. А этот – увидел у какого-то пацана, захотел такой же. Папа, папочка, он такой классный. В смысле вертолёт, не пацан.

ЛЕНА. А деньги у тебя есть? Сегодня уже тридцатое, если ты забыл.

КОСТИК. У китайцев должны быть вертолёты незадорого.

ЛЕНА. У китайцев он сломается через два дня.

КОСТИК. Так он им дольше всё равно играть не будет.

ЛЕНА. Ещё неизвестно из какой пластмассы они эти вертолёты делают, может они ядовитые. Хочешь дарить, дари нормальный.

КОСТИК. А ты думаешь, в магазинах не китайские продают?

ЛЕНА. Там хотя бы фабричный Китай, а не это дерьмо.

КОСТИК. И сколько эти фабричные стоят?

ЛЕНА. Не знаю, тысячи полторы, наверное. Может, дороже.

КОСТИК. Придумаю что-нибудь.

ЛЕНА. Ты придумаешь, ага. Где его танк на пульте управления, который ты обещал прислать? Даже не позвонил, не поздравил.

КОСТИК. Я тебе уже говорил, я не мог. Весь день на прослушивании, а потом уже поздно было. Ты часовые пояса хоть немного учитывай.

ЛЕНА. А на следующий день? Или на неделе?

КОСТИК. Тоже что-то было, наверно. Я не помню. Но если бы мог, обязательно позвонил.

ЛЕНА. Позвонил бы, как же. Ты там со своей шлюхой вообще про всё забыл. Тоже, наверно обещал и врал, раз и она тебя выгнала.

КОСТИК. Никто меня не выгонял! *(Встаёт с дивана, начинает одеваться, его покачивает.)* Всё, давай. Мне на работу пора.

ЛЕНА. Ты же говорил, у тебя выходной.

КОСТИК. Деньги пойду на вертолёт зарабатывать. И на танк тоже. Чтоб не говорила потом. Я люблю сына, поняла? Я, может, не самый хороший отец, но если надо, я инкассаторов ограблю ради этого вертолёта.

ЛЕНА. Тебе всё шуточки! Это его первая линейка, и если ты его опять обманешь...

КОСТИК *(перебивает)*. Будет ему вертолёт, не парься. На работе не дадут, у Славы, значит, возьму, он мне должен. На край, у матери перехвачу.

ЛЕНА. Тебе, кстати, привет от неё.

КОСТИК. В смысле?

ЛЕНА. В смысле она знает, что ты уже месяц в городе болтаешься.

КОСТИК. Откуда?

ЛЕНА. Саша сказал. Он так обрадовался, что папка вернулся, всем растрезвонил. Я ему говорила про бабушку, но он не удержался.

КОСТИК. Почему она тогда не звонит?

ЛЕНА. Ждёт, наверно, когда сам объявишься.

КОСТИК. Ну всё, теперь начнётся.

Пауза. Лена смотрит, как Костик одевается.

ЛЕНА. Ты в этом пойдёшь?

КОСТИК. А что?

ЛЕНА. Ты когда её стирал?

КОСТИК. Помочь захотела?

ЛЕНА. Сумка есть? Побольше.

КОСТИК. Не трогай! Обойдусь, спасибо.

ЛЕНА. Почему ты не можешь быть обычным ровным человеком? То бегаешь за нами, то лаешься как собака.

КОСТИК. Плохо мне, не видишь? Приболел я.

Костик пинает грязные вещи под диван. Лена в это время берёт с пола грязную посуду, ставит на письменный стол.

ЛЕНА. Что ты ешь? Бутерброды? Доширак завариваешь?

КОСТИК. Лена, ты со мной развелась, забыла?

ЛЕНА. Чтобы развестись, нужно быть замужем. А я подала на алименты.

КОСТИК. Тоже не лучше, сделала из меня алиментщика с долгами. Теперь даже не выехать никуда.

ЛЕНА. Так это я виновата, что у тебя долги? И куда это ты собрался?

КОСТИК. Ой, всё, никто не виноват. На выход. Давай-давай, мне ещё голову помыть надо.

ЛЕНА. Скотина ты, Блужнёв. С тобой по-человечески вообще нельзя.

КОСТИК. Все музыканты такие.

Стук в дверь. В комнату входит Дарья Максимовна.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Леночка, там Барсик возле ваших туфелек кружит, не насрал бы, паразит. Я его, конечно, отгоняю, но он такой вертлявый. *(Уходит.)*

ЛЕНА. Ничего получше не мог найти? За такие деньги можно было однушку в Берёзовом снять.

КОСТИК. А мне тут нравится, центр и набережную из окна видно.

ЛЕНА. И хозяйка.

КОСТИК. Что хозяйка?

ЛЕНА. Ничего. Не забудь, первое – послезавтра. *(Уходит.)*

Костик держится за стену, зажимает ладонью рот. Снова входит Дарья Максимовна.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Костик, тебе плохо?

КОСТИК. Сейчас пройдёт. Вскочил резко.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Тебе может рюмочку налить?

КОСТИК. Спасибо, не надо. Меня от рюмочки сейчас вывернет.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Тогда кофе с парой ложек коньяка.

КОСТИК. Не надо, всё нормально.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Иначе так и будешь весь день маяться.

Дарья Максимовна уходит на кухню, Костик укладывается обратно на диван прямо в одежде, его потряхивает. Входит Дарья Максимовна с подносом. На подносе большая кружка, тарелка с оладьями и баночка джема. Костик садится, кутается в одеяло. Дарья Максимовна ставит поднос на стул, стул пододвигает к дивану.

Зря ты её не слушаешь, она хоть и стерва, но беспокоится о тебе. Твоё питание, между прочим, и меня настораживает.

КОСТИК. Дарья Максимовна...

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Я же просила, Даша.

КОСТИК. Даша, да всё нормально у меня с питанием. Сколько денег, столько танцев.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Вот это вообще не разговор. Взрослый мужчина должен нормально питаться.

Костик пьёт, морщится – Дарья Максимовна не пожалела коньяка.

Ешь, набирайся сил.

КОСТИК *(ест, сначала через силу, потом всё с большим аппетитом)*. Вкусные. Как у бабушки.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Про бабушек не надо. Это тема здесь – ты понял.

КОСТИК. Да не, я так просто, к слову. Вам может в магазин сходить?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Костик! Если надо будет, я сама схожу. А если хочешь помочь, вернись сегодня вечером часов в восемь. Сможешь?

КОСТИК. Конечно. А что нужно будет?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Мне телевизор из магазина привезут. Я подъём не стала оплачивать, у нас же лифт. Потом можем футбол посмотреть. Сегодня наши с хорватами играют. Ну, или фильм скачаем.

КОСТИК. Для пенсионерки у вас хороший доход. Ремонт недавно сделали и техника вся новая.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Костик, пенсионерки это те, кто с палочкой и в платочке ходят. А я – женщина на заслуженном отдыхе. У меня свой маленький бизнес, могу позволить.

КОСТИК. К вам в четверг Сева Зотов приходил. Вас дома не было.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. А ты его откуда знаешь?

КОСТИК. Город-то маленький, мы с ним в одной школе учились. Сева сказал, вы ему работу подкинули.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Он сказал какую работу?

КОСТИК. Зотов вообще трепло. Зря вы с ним связались. Я только поэтому и вспомнил, а так я не вмешиваюсь, каждый крутится, как может.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Съехать не захотелось?

КОСТИК. Меня всё устраивает. Не понятно только, зачем вам жилец? Посторонний человек в доме, неудобно.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Одной скучно. Раньше подруги приходили. Потом появился мужчина. Остался надолго, подруг всех отвадил, а потом и сам ушёл – нашлась моложе и красивее. Были и другие мужчины, но все бесцветные, скучные.

КОСТИК. Вроде отпустило.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Тебе бы ещё душ принять.

КОСТИК. Некогда, на работе уже потеряли.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. А надо?

КОСТИК. Что?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. На работу идти.

КОСТИК. Никому не надо.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Тогда не ходи.

КОСТИК. По природе-то, конечно, каждый принадлежит только себе. А по факту тому, кто даёт тебе деньги, и тому, кому ты эти деньги потом приносишь. Спасибо, очень вкусные оладьи.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Не простудись, там ветрено.

КОСТИК. На самом деле, может, вы и правы, что детей не завели от того мужика. Одни несчастные люди приводят в мир других несчастных людей. Потом наши дети начинают ненавидеть нас за то, что мы их так подставили, а мы чувствуем вину и за это ругаем их.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Я под машину попала на восьмом месяце. Потом уже не могла иметь. Иногда надо просто молча послушать. Иди уже работать.

КОСТИК. Извините, я не знал.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Не забудь, сегодня в восемь.

Дарья Максимовна уносит тарелки, Костик надевает куртку, берёт ведро с клеем и кисточкой, сумку с афишами и выходит из дома.

Картина 2

Рабочий кабинет Игоря Владимировича, Костинного начальника. Игорь Владимирович, сидя за столом, разговаривает по телефону. Костик стоит в дверях, ждёт, Игорь Владимирович не сразу замечает его.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Нет, я сказал!.. Значит, ходи пешком... А не надо было пьяным за руль садиться... Я с тобой не договорил. Только попробуй бросить трубку, щенок!.. Ах, ты...

КОСТИК. Можно?

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Подожди. *(Трёт глаза под очками, несколько раз глубоко вдыхает и выдыхает воздух, затем откидывается на спинку кресла и нервно барабанит пальцами по столу.)* А, Костик. Заходи, дорогой. Поклеил?

КОСТИК *(проходит, садится на стул)*. Всё, что было. Игорь Владимирович, тут такое дело.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Вещай, интересно послушать.

КОСТИК. Я сыну вертолёт на пульте управления обещал, а сам на голяках. Парень ждёт, не хочется его расстраивать.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Я так понимаю, аванс нужен?

КОСТИК. Очень.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. А ты помнишь, что брал уже аванс, когда квартиру снимал? Ты ведь ещё даже месяц не отработал, а уже второй просишь.

КОСТИК. Давайте я ещё маршрут возьму, или два. Вам на даче ничего покрасить не нужно?

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ *(надевает очки, берёт телефон)*. Так-так, поклеил, говоришь. *(Показывает Костикю дисплей телефона.)* Смотри. Это в десять утра. Ничего нет.

КОСТИК. Да я чутка приболел – в автобусе какая-то зараза начихала – с утра плохо себя чувствовал. Но я уже всё поклеил. Можем проехать, сами посмотрите.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Кто на что начихал это ещё вопрос. Что ты продаёшь?

КОСТИК. Вообще-то, я не продаю, я клею.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Все мы продаём. Я вот продаю свою голову, свои знания и жизненный опыт. Ещё я вложил капитал в это предприятие. А ты, дружок, продаёшь свои руки, потому что ничего другого у тебя нет.

КОСТИК. А ещё время и душевное тепло.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Не отвлекайся от темы. Душевное тепло – это к попам. Значит, ты продаёшь свои руки. Но чтобы руки работали, голова должна быть ясной, так ведь?

КОСТИК. Необязательно. Я когда клею, голову отключаю. Иначе я начинаю понимать, чем занимаюсь.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. От тебя водкой несёт. И не в первый раз, кстати.

КОСТИК. Это джин.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. По-твоему это нормально? Приходить на работу пьяным?

КОСТИК. А я и не пил, это вчерашнее.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Костя, ты разгильдяй и безответственный работник.

КОСТИК. Почему нет, я же не на кране работаю.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. А ты считаешь, что работа на кране более ответственная? Может, скажешь ещё, более нужная?

КОСТИК. Да уж наверняка. Или дома строить, или афиши расклеивать, разница?

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. А тебе не кажется, что каждый человек, приступая к работе, за которую ему платят, должен думать, что он трудится на кране?

КОСТИК. Из афиш дом не построишь. Максимум можно шапку сложить.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Умный, да?

КОСТИК. Не без этого.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Какого года?

КОСТИК. Что?

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Года рождения, спрашиваю, какого?

КОСТИК. Девяносто первого.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ (*бьёт ладонью по столу*). Так и знал! У меня младший того же года. Вам что, витаминов в детстве не хватало? Или может это всё космическое излучение? Почему у вас вместо мозгов мармелад получился? Девяностый, девяносто второй – все нормальные, но девяносто первый... Ты же бренчишь? На чём?

КОСТИК. Ну, на гитаре, дальше что?

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. А мой на барабанах стучит. Сидит на всём готовом, учиться не хочет, работать не хочет. Да он даже на барабанах своих нормально играть не может! Там же надо целый день репетировать, а ему лень. Бац-трах, а дальше пиво пьёт с друзьями, вот и вся репетиция. Ты вот, сколько часов в день играешь?

КОСТИК. Пока нисколько. Я всё продал, чтобы домой вернуться.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. А зачем? Кому ты здесь нужен такой красивый? На заднице ты и там мог посидеть. Мы для вас все дороги открыли, но вам же ничего не нужно. Даже барабаны ваши не нужны.

КОСТИК. Это какие же дороги вы для нас открыли? За прилавком орать «свободная касса»? Или телефонами торговать?

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Да ты же афиши во время поклеить не можешь! Предлагаешь в конструкторское бюро тебя устроить? Так ты там или проспичь с похмелья, или придёшь пьяным и вместо двух нолей

три напишешь. У нас потому ракеты и падают, что на смену советским инженерам такие как ты пришли.

КОСТИК. Да где эти ваши ракеты? Спасибо отцам, всё просрали! Ни одного завода в городе нет. Предлагаете закончить политех, чтобы монтёром в ЖЭКе работать? Про гуманитариев я вообще молчу, те нахер никому не упали.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Да вы просто работать не хотите, вот и ищите оправдания. Вам лишь бы на гитаре тренькать да девок тискать. В прежнее время из вас, тунеядцев, уже давно бы людей сделали. Или в тюрьме сгноили.

КОСТИК. В прежнее время за эту частную лавочку вас бы самого под суд отдали.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Да такие, как я, только и тащат эту страну. Вот сдохнут последние старики, что вы делать будете? Родину продавать за телефон да за бургер. Ещё и спасибо этим пиндосам скажите.

КОСТИК. А ты что, до хера важным делом занят?

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. А ты мне не тыкай! Я с тебя могу штаны снять и ремнём всыпать.

КОСТИК. Может ты ГЭС построил, или метро? Нет! Ты топишь за честных рабочих, а сам плодишь АУЕ. Спешите, блядь, видеть – Сява Карманов, звезда шансона!

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. А чем тебе Карманов помешал? Это часть культуры, между прочим. Почти фольклор.

КОСТИК. Да тут же выть хочется! Вокруг только серые панельки, грязные остановки и ямы на дорогах, а ты своими афишками делаешь этот город ещё

отвратней. Да, я раздолбай! Но когда я играл, парни загорались, а у девок слетали трусы. После концерта они шли домой, ломали там кровати и хотя бы на один вечер забывали, какое убожество ждёт их за окном: сплошные, блядь, помойки да заборы с твоими бумажками. Это я делаю мир лучше, это я приношу пользу, а не ты. Дашь аванс или нет?

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Хер тебе, а не аванс!

КОСТИК (*встаёт*). Хер у твоей жены во рту, пока ты тут штаны протираешь.

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ. Ах ты сучонок! Уволен! Пошёл на хер отсюда!

КОСТИК. Сам пошёл, козлина.

Игорь Владимирович встаёт из-за стола, делает движение подойти к Костику и схватить его.

КОСТИК. Только попробуй, сразу в окно полетишь. Что, зассал? (*Выкидывает «зигу»*) Хайль Гитлер, сука!

Костик уходит, Игорь Владимирович с силой захлопывает ноутбук.

Картина 3

Комната в квартире Славы. Мебель старая, ремонта давно не было. В углу стоят бас-гитара, акустическая гитара, музыкальная аппаратура. Аппаратура зачехлённая, чехлы новые. Костик сидит в кресле. Слава ходит вокруг кресла, рассматривает Костю как диковинный экспонат.

СЛАВА. Хиппуешь, Костян? Вид такой, будто в подъезде ночевал.

КОСТИК. Make love, not war.

СЛАВА. Может вискаррика?

КОСТИК. Можно и вискаррика.

СЛАВА. Да ты, походу, с утра уже зарядился. А, Костян?

КОСТИК. Это вчерашнее.

СЛАВА. Скажи ещё, позавчерашнее.

Слава достаёт початую бутылку виски, два стакана, наливает себе и Костику. Костя принимает стакан.

Костян, а ты спецом бороду отращиваешь?

КОСТИК. Я тебе что, манекен. Руки убрал.

СЛАВА. Брат, ты бы знал, как я рад тебя видеть. Давай, за тебя.

Слава и Костик чокаются, выпивают.

Все говорили, Костя в Москве большим человеком станет, про нас, простых работяг от музыки, даже не вспомнит. А ты вот он, сидишь в моём кресле, пьёшь мой «Джек Дениелс». И никаких между нами понтов, да, Костя?

КОСТИК. По-моему, в кресле пружина вылезла.

СЛАВА. Рассказывай, как вообще всё? Судя по виду, опять в поисках вдохновения.

КОСТИК. Вроде того.

СЛАВА. Почему из Москвы уехал? Не приняла Белокаменная?

КОСТИК. Суета надоела. Решил здесь пока отдохнуть.

СЛАВА. Бабосиков, наверно подкопил?

КОСТИК. Есть немного. Но надолго не хватит.

СЛАВА. Да уж, наверно немного, раз не на Бали, а к нам в «Мухосранск» приехал.

КОСТИК. Слава, у тебя какие-то проблемы?

СЛАВА. Всё ровно, брат. Чем собираешься жить, когда лавэ закончится?

КОСТИК. Как раз хотел насчёт работы узнать.

СЛАВА. А знаешь, какая у меня мелодия на тебя стоит?

КОСТИК. Без понятия. Может, из Мюнхгаузена?

СЛАВА. А ты позвони.

КОСТИК. Можешь так сказать.

СЛАВА. Нет, ты позвони, тебе понравится.

Костик звонит, играет песня «Rockstar» Nickelback.

Ты что такой серьёзный? Давай за встречу.

Слава тянет руку, хочет чокнуться, но Костик не двигается, тогда Слава выпивает один.

А я на днях Лену видел с Сашкой. Разговорчивый пацан растёт.

КОСТИК. Разговорчивый, даже слишком.

СЛАВА. Говорит, ты ему вертолёт обещал на пульте управления.

КОСТИК. К первому сентября. Вот и хотел спросить, может, вам гитарист нужен? Похоже, зря.

СЛАВА. А что сразу к нам не пришёл? Лена говорит, ты уже месяц здесь болтаешься. У нас как раз сейчас всё нормально, без работы не сидим. Один дядя приглашал в Питере поработать, но решили пока не спешить. Мы-то звезд с неба не хватаем.

КОСТИК. Думал, вы ещё обижаетесь. Да и работа как-то сразу нашлась.

СЛАВА. А сейчас?

КОСТИК. А сейчас всё равно новую галеру искать, так думаю, к вам сначала зайду, узнаю.

СЛАВА. Костян, извини, никак.

КОСТИК. Я так и понял.

СЛАВА. Спросил бы сразу, не надеялся бы зря. Ты же нас тогда конкретно подставил. Ваня уже с площадкой договорился, через неделю выступать, а у нас гитарист слился. Ваня тогда вообще распсиховался.

КОСТИК. Меня самого тогда перед фактом поставили. Позвонили, сказали, вы прошли, послезавтра съёмки. Оказалось, один из участников на байке разбился.

СЛАВА. Я-то понимаю, но для парней ты предатель. Если бы ты не по телефону сказал, а лично пришёл, тебе бы точно морду набили.

КОСТИК. Я давно говорил, что уйду. Вам же всем бабки нужны, а меня от каверов уже тошнило.

СЛАВА. А что плохого в каверах? Людям нравится.

КОСТИК. Мы грабили кладбища и продавали тухлятину. Действительно, что тут такого, все так живут.

СЛАВА. Да кто бы стал звать неизвестную группу, которая поёт свои песни?

КОСТИК. Стоящая группа тем и отличается от дешёвки, что прорывается со своим материалом.

СЛАВА. А что ты тогда не вспомнишь, что предлагал только свои песни? Ваня тоже, кстати, писал, и я, но ты же нас всех высмеивал. В хороших группах так поступают?

КОСТИК. А чем тебе мои песни не нравились?

СЛАВА. Костян, ты хороший гитарист.

КОСТИК. Если что, я охеренный гитарист.

СЛАВА. Но музыку писать не твоё. Про стихи я вообще молчу. Да и голос у тебя, прямо скажем, слабоватый.

КОСТИК. Про Ванины песни я помню, там мат на мате. А про твои – впервые слышу. Ты же раньше всегда помалкивал, это сейчас что-то разговорился. Видать, почву под ногами почувствовал.

СЛАВА. Да, почувствовал, дальше что? Кто-то скачет с места на место, а кто-то работает над собой.

КОСТИК. И много наработал? Наверно, уже играешь, как Фли?

СЛАВА. Может мне и не хватает природных данных, но я стою крепко посередине. И руки у меня не дрожат.

КОСТИК. А ты вот так сыграй даже без тремора, а я посмотрю. *(Берёт гитару, играет.)*

СЛАВА. Конечно, давай, обижайся. Костик же у нас звезда. Девочки, хотите познакомиться? Ой, а как вашего гитариста зовут? Ты забыл, что это я первый познакомился с Леной? Это меня она пришла тогда послушать.

КОСТИК. Помню, дальше что?

СЛАВА. А ты её бросил. С ребёнком.

КОСТИК. Вы что, решили мне сегодня всю печень склевать? Не хочешь помочь с работой, хер с тобой. Но ты у меня занимал. Надеюсь, память не отшибло? Если вернёшь прямо сейчас, можешь отдать половину.

СЛАВА. У нас через неделю гастроли.

КОСТИК. Опять по Алтаю поедете? «Машину времени» по санаториям играть?

СЛАВА. Приедем, тогда и отдам.

КОСТИК. Мне сейчас нужно.

СЛАВА. Придётся подождать.

КОСТИК. Кайфуешь, да?

СЛАВА. Не без этого.

КОСТИК. Правильно, кто такой теперь Костя? Херня из-под ногтя. Но ведь и ты, Славик, не лучше. Точно также просрал свою жизнь. Ни работы нормальной, ни семьи, болтаешься как говно в проруби.

СЛАВА. Да ты знаешь, сколько я за сезон зарабатываю? Сказать?

КОСТИК. Да я и так вижу. Как жил в бабулиной квартире, так и живёшь. *(Подходит к стене и отрывает кусок отставших обоев.)* Даже ремонт нормальный сделать не можешь. А в этом шкафу ты ещё в пя-

том классе сигареты прятал. И чем ты тут мериться собрался?

СЛАВА. Я здесь всё поменяю. И ремонт нормальный забабахаяю.

КОСТИК. Сколько вы без меня играете? Пять лет, шесть? А ты даже окна нормальные не поставил. И подруги у тебя нет, потому что на тебя без слёз не взглянешь. Тебе даже суррогатная мать не даст, испугается, что такой же большеголовый полезет. А у меня хотя бы сын есть, который меня любит. Ему ведь не вертолёт нужен, а моё внимание. Тебя хоть кто-нибудь встречает с радостью? Нет, потому что ты нахер никому не нужен.

СЛАВА. У меня много баб! Захочу, могу сразу двух сюда привести.

КОСТИК. Ну, давай.

СЛАВА. Что?

КОСТИК. Приведи пару баб. Или хотя бы пару фоток покажи с прошлых приключений.

СЛАВА. У меня телефон новый.

КОСТИК. А может ты просто на всех фотках только с мамой и бабуленькой?

СЛАВА. Через час зайди. Я тебе эти деньги в харю брошу. Гнида поганая.

КОСТИК. В жопу себе их засунь. Говно собачье. Будет он ещё передо мной пальцы гнуть. *(Идёт к двери.)*

СЛАВА *(кричит вдогонку)*. Летом мы поедем на фестиваль, в Москву! А ты к тому времени станешь бомжом!

КОСТИК. По мне хоть кто-то заплачет, а ты и к лету никому нахер не будешь нужен. Не провожай. (Уходит, хлопнув дверью.)

Картина 4

Комната в квартире Костиной мамы Марины Денисовны. Чистота и порядок, каждая вещь на своём месте. Посреди комнаты круглый стол накрытый скатертью. За столом сидит Костик. Перед ним стоит кружка с чаем. Марина Денисовна приносит с кухни вазочку с печеньем.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Спасибо, вспомнил про мать. Через месяц.

КОСТИК. Я только чай.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Помру, даже не узнаешь. Буду лежать здесь, вонять.

КОСТИК (*ньёт*). Хороший, что за марка?

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Ждёшь, наверно, когда подохну, перестану надоедать?

КОСТИК. Перестань, ничего я не жду. Сахар есть?

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Забыл, что у матери диабет?

КОСТИК. Может, что-то изменилось.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Ничего не изменилось. Как был свиньёй, так остался. Весь в отца.

КОСТИК. Спасибо, мама, с пяти лет слышу, ещё не надоело.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Где ты сейчас живёшь?

КОСТИК. Комнату снимаю.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Ну, конечно, больше-то жить негде. Ленка твоя говорит, ты афиши расклеиваешь.

КОСТИК. Уже нет. И не моя и не расклеиваю.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Что так?

КОСТИК. Уволили. За пьянку.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Вот молодец! И ещё гордо так, за пьянку!

КОСТИК. Новую найду.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Кем? Дворником пойдёшь?

КОСТИК. Могу и дворником.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Расклейщик, дворник, а потом что? Бутылки собирать?

КОСТИК. Могу ещё собак выгуливать, говно за ними подбирать.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Вот спасибо, сынок, утешил, без работы не останешься.

КОСТИК. Знаешь, почему я к тебе в последнюю очередь пришёл?

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Потому что стыдно. До чего докатился, лицо-то какое. Сколько дней уже пьёшь?

КОСТИК. Стыдно, ага. Именно поэтому.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Весь в отца, ни ума, ни способностей. Даже институт закончить не смог.

КОСТИК. А я говорил, что не хочу учиться на переводчика. Окей, давай я выучу язык в свободное

время, но учиться я хочу в театральном. А ты что? «Совсем крыша поехала? Мне ещё алкоголика в доме не хватало!»

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Скажите, пожалуйста! Оказывается, из меня великий артист вывалился! И куда бы ты пошёл?

КОСТИК. Не знаю, мама. Может, всё туда же, афиши клеить.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Ладно бы на врача или инженера, но рожу корчить.

КОСТИК. А журфак тебе, чем помешал? «Много вас таких! За книжкой жопу просиживать, а потом дворы мести с дипломом. Или у мамы на шею сидеть».

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Ты бы и сидел, если б я позволила.

КОСТИК. Нет, мама, на чьей угодно, но только не на твоей. Я же хороший сын.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Хороший сын, нечего сказать, всё поперёк меня. Жизнь просрал, лишь бы мне насолить.

КОСТИК. Неправда, мне нравилось то, как я жил. Я любил музыку, любил слова.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Ну и где она, твоя музыка? Музыкант херов. Ты даже это просрал.

КОСТИК. Просрал, мама. Потому что ни способностей, ни ума, правильно ты сказала. Спасибо, было вкусно. *(Встаёт, хочет уйти.)*

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Сиди.

Костик продолжает стоять, но не уходит.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Ты Саше вертолёт купил?

КОСТИК. Мама, ты хотя бы не начинай!

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Денег нет?

КОСТИК. Да куплю я, куплю!

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Послезавтра уже линейка. Нет денег, так и скажи.

КОСТИК. От тебя мне ничего не надо. Родила и на том спасибо.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Вот так ты с матерью разговариваешь! Спасибо, сынок. До полутора лет за мной бегал, за юбку дёргал: «Мама сись, мама сись». По четыре раза за ночь просыпался. А потом подрос, и началось: отиты, гаймориты, драки, двойки, прогулы, а в конце гитара эта проклятая. У меня, как ты родился, дня спокойного не было. Мужика в дом боялась привести, вдруг он тебя обидит, и что? Зачем это всё было?

КОСТИК. Надо было привести, хоть иногда бы от меня отвлекалась.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Чем я тебя такого заслужила?

КОСТИК. Да всем, мама, всем. Я же для тебя боксерская груша, потому что на отца похож. А как он на самом-то деле выглядит? Он брюнет или блондин? А может, он рыжий? Нос с горбинкой, это от него? Дома ни одной фотографии. Я даже не знаю, жив он или умер.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Надеюсь, сдох уже.

КОСТИК. Ты же меня половины родственников лишила. Возможно, самых нормальных. Как его фамилия?

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Твой отец хоть в женщинах разбирался, не то, что ты, привёл в дом хабалку деревенскую. Вчера ещё лопухом подтиралась, а туда же язва, слова не скажет, чтобы не укусить. Ни разу по имени-отчеству не назвала, даже «тётя Марина» не обратилась.

КОСТИК. У тебя хоть кто-нибудь хороший есть?

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Всё, что есть в Саше хорошего, всё от бабушки. Жаль тебе ничего такого не передалось.

КОСТИК. Слушай, а может мне рассказать Ленке, как ты о ней говоришь за глаза? Как думаешь, ты ещё раз Сашку увидишь после этого?

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Да я и в глаза скажу, что она хабалка. А попробуете внука забрать, я вас обоих на клочки порву.

28

КОСТИК. Хоть кого-то ты любишь. Даже не знаю, что хуже.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Ты деньги брать будешь? Сам же всё равно не зарабатываешь, руки-то из жопы.

КОСТИК. Как у отца, наверно. Одну хорошую вещь ты могла для меня сделать, но не сделала.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Это какую же?

КОСТИК. Аборт.

Костик идёт к дверям, быстро одевается. Марина Денисовна идёт за ним следом до двери.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Знала бы, какой ты вырастишь, сама бы вырезала и свиньям скормила!

КОСТИК. Увидимся на линейке, мамуля. Целовать не буду, ты уж извини. *(Уходит.)*

Картина 5

Ночь. Комната Костика. Костик в одних трусах курит у окна, Дарья Максимовна лежит на диване, накрывшись одеялом.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Ты разговаривал во сне.

КОСТИК. Что говорил?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Ты просил вертолёт, а тебе отвечали, что остались только боковушки в плацкарте.

КОСТИК. Какое сейчас?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Уже тридцать первое. Ты докурил?

КОСТИК. Да.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Ложись.

КОСТИК. Теперь не усну.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Тебе противно?

КОСТИК. Перестань, ничего мне не противно.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Я старая.

КОСТИК. А где ты берёшь «соль»? Ту, которую Сева Зотов толкает.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Тебе зачем?

КОСТИК. Просто.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Вот просто ложись и спи. Весь на нервах.

КОСТИК. Деньги нужны.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Сколько?

КОСТИК. Полторы.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Я уж думала что-то серьёзное. Тебе зачем?

КОСТИК. Хотел взять кредит, но не нашёл паспорт. Похоже, выронил где-то. Одно к одному.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Ладно, не хочешь, не говори.

КОСТИК. Сыну обещал игрушку к первому сентября.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Возьми у меня.

КОСТИК. Так мне не надо.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Давай тогда займу. Отдашь, когда сможешь.

КОСТИК. Я заработаю. Возьмёшь в своё ИП?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Костя, нет.

КОСТИК. Сева же работает.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Севе можно, его не жалко.

КОСТИК. А если его примут?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Получит от восьми до пятнадцати.

КОСТИК. А ты?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. А я откуплюсь. Если получится.

КОСТИК. Его выкупать не станешь?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Это невыгодно ни мне, ни ментам. Им ведь отчётность нужна.

КОСТИК. Если что, меня можешь не выкупать.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Не волнуйся, не буду.

КОСТИК. Вот и отлично. Договорились.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Не буду, потому что не придётся. Деньги всегда можно заработать по-другому.

КОСТИК. Я вижу, что есть люди, к которым деньги липнут, а есть те, кого эти финансовые потоки огибают. Ну вот, протрезвел и голова заболела. А в доме ни одной таблетки.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Таблетки старят. Приляг и полежи с закрытыми глазами.

Костик ложится на диван, Дарья Максимовна накрывает его одеялом.

Где ты так напился? Еле через порог зашёл.

КОСТИК. Извини, что не помог с телевизором.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. По старым знакомым ходил?

КОСТИК. На лавочке в парке, я там когда-то Лене первое свидание назначил. А потом она меня возле этой лавочки бросила, когда узнала одну историю. А ещё позже она сказала мне, что беременна и я запаниковал. Но это было уже в другом месте.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Ты его не хотел?

КОСТИК. Мне тогда было девятнадцать, и я думал, что в двадцать у меня будет толпа фанатов и нос

в кокаине, а в двадцать семь я умру от передозировки. А тут, на тебе, отвечай за нового человека. Вокруг уже давно был кризис перепроизводства, и я сам был лишним продуктом. Мы с ним серийная безотцовщина.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. У тебя было много женщин?

КОСТИК. Были. Серьёзных не так много. И все чего-то от меня хотели. Мать хотела, чтобы я стал переводчиком, приличным человеком. Лена хотела, чтобы я больше зарабатывал и покупал ей платья. Хуже всех была Рита, та, с которой я жил в Москве. Она говорила, что твой рок, кому он сейчас нужен, вот рэп – другое дело. Какой нахер рэп, ненавижу это говно.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. А я слышала, как ты играешь.

КОСТИК. Да ладно? И где это?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. В рок-н-ролл пабе. Меня туда мужчина один позвал. Я как тебя увидела в первый раз на сцене, подумала, это что ещё за эпилептик? Вышла из-за столика и пошла к сцене. Так и простояла там весь концерт, даже на перерыв не уходила. Мужчина так и ушёл один. Обиделся тогда очень.

КОСТИК. А когда я пришёл комнату снимать?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Узнала, конечно. Мне тогда так плохо было, одиночество заело. Подумала, комнаты две, пусть в одной ещё кто-то живёт. Решила, что сдам студенту, в них больше жизни.

КОСТИК. А пришёл маргинал.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. На том концерте ты спел только одну песню, «Домой» Дягилевой. Она очень сильно выбивалась.

КОСТИК. Помню, я тогда отодвинул Ваню от микрофона и начал играть. Решил, раз нельзя петь свои песни, спою хоть одну, которая мне нравится. Им пришлось подыграть, не ругаться же на сцене.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Ты такой красивый тогда был. Как будто, правда, куда-то улетал.

КОСТИК. И вот к чему прилетел. Оказалось, я средний музыкант. Чуть лучше Славы.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Кто это?

КОСТИК. Да так, мудака один. Чуть-чуть мне не хватило. Херово, что я не сразу это понял. Сменил несколько групп, думал, дело в них, оказалось во мне. Я могу повторить, но придумать новое не умею.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Костик, давай жить вместе.

КОСТИК. Мы и так живём.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Нет, не так как хозяйка и жилец, по-другому. Я куплю какую нужно гитару, ты снова начнёшь играть.

КОСТИК. Не получится. Я верить перестал. Это же религия, не веришь, уходи.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Раньше у тебя было мастерство, но ты не знал, что сказать, теперь у тебя есть история.

КОСТИК. Быт съедает всё хорошее. Ты поворачиваешь голову, но это не ты её поворачиваешь, а быт.

Он заставляет тебя вставать с дивана, одеваться и идти на работу. Месяц, два и мы начнём ругаться.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. А у нас быта не будет. Хочешь, проведём зиму в Индонезии, на Бали? Ты будешь сочинять, а я буду сидеть тихонько в углу, слушать и гордиться тобой. Захочешь есть, я накормлю тебя. Захочешь пить, принесу стакан холодной воды с лимоном. А захочешь остаться один, я тихо выйду и прикрою за собой дверь.

КОСТИК. Блин, Даша! Ну, не хочу я больше играть. Не хо-чу! Я и раньше-то музыку не особо любил. Точно также мог в спорт уйти, какая разница?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Хорошо-хорошо, только когда сам захочешь. Я не буду настаивать.

КОСТИК. Вертолёт для Саши. Мне нужно его купить. Сегодня.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. У тебя нет денег, а мои ты брать не хочешь. Скажи тогда, чтоб подождали. За неделю можно заработать эти полторы тысячи даже без паспорта. Тут рядом рынок есть, можно устроиться грузчиком. Выход есть всегда.

КОСТИК. Ты торгуешь наркотой, что это за выход?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. У меня остались связи с прежней работы, и у меня была цель. Я начала этим заниматься, когда ты сюда переехал.

КОСТИК. С этим надо завязывать.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Мы поедем?

КОСТИК. Только если будем плести фенечки и продавать их туристам.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Утром я уйду, передам остатки. Новое брать не буду.

КОСТИК. Обними меня. Меня что-то трясёт.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Ты должен бросить пить.

КОСТИК. Я всегда что-то должен. Даже себе. Брошу, не переживай.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Спи, мой хороший. У тебя был сложный день.

КОСТИК. У меня была сложная жизнь. Как у всех. Мы все тут калеки, Даша. Я думаю, каждому человеку нужно ставить инвалидность при рождении. Так мы хотя бы будем знать, что нас понимают и нам сочувствуют. У тебя есть что-нибудь выпить?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Костик, не надо.

КОСТИК. Иначе не усну. Пожалуйста, только сегодня.

Дарья Максимовна встаёт и выходит из комнаты. Костик лежит на диване в позе эмбриона.

35

Картина 6

Утро следующего дня. В комнате Костика стоит Лена с пакетом в руках. Сам Костик собирает вещи с пола. Натягивает штаны, футболку, его потряхивает. Диван не собран. Рядом стоит стул, на спинке которого висит ночная рубашка Дарьи Максимовны.

ЛЕНА. Ты почему опять не на работе?

КОСТИК. Сменил сферу деятельности.

ЛЕНА. Опять выгнали значит.

КОСТИК. Была бы ещё работа нормальная.

ЛЕНА. Да тебе какую ни предложи...

КОСТИК. Не начинай, а. И так мысли в кучу не собираются, ты ещё.

ЛЕНА. Ты вертолёт сыну купил?

КОСТИК. У меня обстоятельства.

ЛЕНА. Так и знала! У тебя всегда обстоятельства!

КОСТИК. Я ему завтра сам всё объясню.

ЛЕНА. Что ты объяснишь? Что можно не держать слово? Или что никому нельзя верить?

КОСТИК. Скажу как есть, что сейчас денег нет, что куплю через неделю. Пацан должен знать цену деньгам, что не всё, что хочешь, можно сразу купить.

ЛЕНА. Зачем тогда обещал, сказал бы сразу как есть: «Твой отец, сынок, алкаш, он скорее последние штаны пропьёт, чем купит тебе подарок».

КОСТИК. Ты при нём ещё так пошути.

ЛЕНА. Так я и не шучу. Может, тогда отстанет: где папа, почему не приходит?

КОСТИК. Только попробуй.

ЛЕНА. Какого числа у него день рождения?

КОСТИК. Опять ты про этот танк!

ЛЕНА. Ты даже дату не помнишь. Тоже мне отец-молодец. Пять лет про сына не вспоминал, а тут смотрите-ка раздухарился, слова не скажи про него плохого.

КОСТИК. Он меня больше любит, вот ты и бе-
сишься.

ЛЕНА. Конечно, мама заставляет умыться, за-
стилать кровать, учить буквы. Зато папа возит на шее,
даёт поесть чипсов и водит в кино, если, конечно,
мама даст денег. Он пока маленький, не понимает ещё,
что для папы он кукла. Захотел – поиграл, надоело –
ушёл и забыл.

КОСТИК. Да это вы со мной, как с куклой. Делай
то, не делай этого, как будто у меня своих желаний нет.

ЛЕНА. Вот!

КОСТИК. Что?

ЛЕНА. Вот так ты всегда и поступаешь, чуть что,
все виноваты – обижают бедного Костика.

КОСТИК. Конечно, если родился с долгами. Мать,
сын, группа – всем должен, только мне никто.

ЛЕНА. Мать тебя, скотинку, родила и воспитала.
Ребята с группы терпели все твои закидоны, когда ты
пьяный выступления срывал. А про сына ты бы, во-
обще, помолчал. Кто говорил: «не те ощущения»? Ты
его привёл и бросил.

КОСТИК. А меня хоть кто-нибудь спросил, хочу я,
чтоб меня родили или нет?

ЛЕНА. Хоть бы рубль перевёл за пять лет. Чем пи-
тается, чем играет, на чём спит твой сын – тебе же
дела нет. Зачем ты, вообще, приехал?

КОСТИК. Я ради вас, между прочим, вернулся. Ду-
мал снова, как раньше.

ЛЕНА. Тогда где ты был, когда я собирала его в
школу?

КОСТИК. Опять всё на деньги переводишь!

ЛЕНА. У меня осенней обуви нет, две пары джинсов и обе драные, а зимой я буду ходить в пуховике с пятнами, которые не отстирываются. Зато Саша пойдёт в школу в форме, с рюкзаком и рабочими тетрадями. Но тебе же на это наплевать. *(Роется в сумке, вытаскивает из неё маленькую фотографию сына.)* На, плюй. Ты же так обычно делаешь.

КОСТИК. Дура, что ли! Убери!

ЛЕНА. Животные и те о своих детях больше заботятся.

КОСТИК. Ты знала какой из меня отец. Я исправляюсь, но не всё сразу.

ЛЕНА. Не купил?

Костик молчит. Лена достаёт из пакета коробку, обёрнутую подарочной бумагой, протягивает Костику, тот принимает, осматривает.

ЛЕНА. Знала, что возвращать не придётся. Я же богатая, хера ли, дочь миллионера.

КОСТИК. Дорогой, наверно?

ЛЕНА. Не твои проблемы.

КОСТИК. Заранее значит купила. Сколько?

ЛЕНА. Что, задело? Опять показушника включил?

КОСТИК. Списала. Думаешь, ничего уже не могу?

ЛЕНА. Ты даже играть перестал. На ногти посмотри, позорище. Ради этого ты нас бросил? Чтобы водку пить?

КОСТИК. Это джин.

ЛЕНА. Да какой нахер джин, откуда у тебя на него деньги. Ты же на бомжа стал похож. Старухой вон уже провонял. *(Кивает на стул, где висит ночная рубашка Дарьи Максимовны.)* Как вы с ней договариваетесь? Она тебе бутылку, а ты ей что?

КОСТИК. Сама-то всю жизнь как проститутка, ты мне это, я тебе то. Был бы я тогда обычным студентом без денег, ты бы мне дала?

ЛЕНА. Знала б какой ты, лучше бы зашила.

КОСТИК. Если б я тогда в Москву не уехал, ты б меня уже заездила. В переходе бы играть заставила за лишнюю копейку.

ЛЕНА. А ты как думал? Памперсы, пюре, одежда – это что, бесплатно всё?

КОСТИК. Я универ бросил. А мне оставалось-то хер да ни хера.

ЛЕНА. Другому кому расскажи, кто не знает, как ты прогуливал. Заездили его. Ты и рад был на гастроли уехать, там же бляди и Сашку не слышно. Да и Москва твоя – те же гастроли, только бы от нас подальше сбежать. Ничего, Саша подрастёт, я ему расскажу, какой у него папа молодец. Как он заботился о семье, и как маме не пришлось на двух работах рвать жилы.

Костик подходит к окну, открывает его и выбрасывает коробку.

ЛЕНА. Придурок! Ты что, блядь, сделал!

КОСТИК. Пожалуйста, можешь говорить Сашке, что я говно, что я о нём не забочусь. Я на деле ему всё докажу.

ЛЕНА. Господи, ну почему именно ты, почему не кто-то другой!

КОСТИК. Завтра принесу другой вертолёт, а за этот рассчитаюсь.

ЛЕНА. Как же вы все меня достали. Взять бы и помереть, чтоб больше вас не видеть. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

КОСТИК. Стой! Во сколько линейка?

ЛЕНА. Не приходи к нам больше! Ты сдох, понял? Тебя машина сбила.

КОСТИК. Я приду с вертолётom, при параде и ты будешь извиняться. Слышишь? Извиняться!

Лена уходит.

(находит телефон, набирает номер). Мне нужна работа... Ты глухая? Я сказал, работа, а не деньги... Да насрать! Пусть сначала поймают... Всего один раз. Откажешь, я съеду... Да, жду. *(Кидает телефон на диван.)* Я могу, я всё могу. У других же получается. Ленка, сука, на что ты меня толкаешь?

40

Картина 7

Площадка перед школой. В воздух поднимаются воздушные шары, играет громкая бодрая музыка. Слышны крики школьников. Марина Денисовна и Лена на площадке, где недавно стояли первоклассники.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Куда их повели? Я не вижу.

ЛЕНА. У них сейчас первый урок.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Их что, в первый же день учить будут?

ЛЕНА. Да нет, это так, ознакомительно. Расскажут какие завтра уроки, что с собой взять. Может, поделку какую-нибудь сделают. А потом домой, торт есть.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Могли бы в первый день сразу домой отпустить. И так линейку растянули, бедные ребятишки извелись все. На черта детям эта их самодеятельность? А взрослым она тем более не нужна. Поздравили быстренько, сфотографировали и по домам. Даже лавочек никаких не придумали. Умрёшь столько стоять.

ЛЕНА. Кандидаты сильно растянули. Выборы же скоро.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Мудаки. А наш что, звонил хоть?

ЛЕНА. Не знаю, я его заблокировала.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Так, уже интересно. И в чём причина?

ЛЕНА. Он на Сашу плохо влияет.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. А ты, значит, хорошо влияешь?

ЛЕНА. Как могу.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Два идиота. Заделали ребёнка, теперь играет у него на нервах.

ЛЕНА. Я уж как-нибудь сама разберусь. И давайте без оскорблений, уже не девочка вашу пургу слушать.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Думать надо было перед тем, как раздвигать.

ЛЕНА. Конечно, вы-то много надумали.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Знаешь что, дорогуша!..

ЛЕНА (*перебивает*). Слава идёт.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Кобелина, тоже прискакал.

Появляется Слава. В руках у него подарочный пакет.

СЛАВА. Здравствуйте, тётъ Марин. Привет, Лена.

ЛЕНА. Здравствуй, Слава.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. А ты что припёрся?

СЛАВА. За Сашку поболеть. Первый раз в первый класс, событие же. А что, Костя пришёл?

ЛЕНА. Если только с дерева откуда-нибудь смотрит.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Смотри-ка, при костюме. Даже патлы причесал. На балалайке-то ещё брэнчишь?

СЛАВА. Недавно с гастролей вернулся. Нас в Москву зовут. Говорят, там какой-то продюсер нами заинтересовался.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Давай, езжай, вас же мало таких в Москве. Один вон уже съездил.

СЛАВА. Пока не хочется. Мы и здесь нормально зарабатываем, куда нам ещё больше, лопнем от важности.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Они там долго будут сидеть?

ЛЕНА. Один урок. Полчаса, значит.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Я вас дома подожду. Ещё полчаса стоять, у меня ноги отвалятся.

СЛАВА. До свидания, тетя Марин.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Будь здоров. *(Лене.)* А с тобой мы потом договорим.

ЛЕНА. Ключи возьмите. А то придётся под дверью танцевать. *(Передаёт Марине Денисовне связку ключей.)*

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Большое спасибо, Леночка. Ты такая заботливая, сдохнуть хочется. *(Уходит.)*

СЛАВА. Что это с ней?

ЛЕНА. У них вся семья такая.

СЛАВА. Лен, ты в порядке?

ЛЕНА. Этот козёл обещал Сашке вертолёт, а сам слился. Расстроится теперь, ни отца, ни вертолёта.

СЛАВА. Вот засранец, как был подставщиком, так им и остался.

ЛЕНА. Он говорил, ты ему должен. Хотел на эти деньги купить.

СЛАВА. Да, он приходил. Я сам занял, чтобы ему отдать.

ЛЕНА. Наверно, пропил.

СЛАВА. Я тоже подумал, вид у него какой-то нездоровый. Дай, думаю, подстрахую, мало ли.

Слава отдаёт Лене пакет, та вытаскивает из него коробку с вертолётom на пульте управления.

ЛЕНА. Сколько вертолётов на одного ребёнка. *(Убирает коробку обратно в пакет, протягивает пакет Славе.)* Держи, сдашь обратно, тебе деньги вернут.

СЛАВА. Лена, перестань.

ЛЕНА. Я не возьму. Забери. Забери или в урну выкину.

СЛАВА *(забирая пакет)*. Теперь точно расстроится.

ЛЕНА. Иногда полезно. Перестанет думать, что у него отец хороший.

СЛАВА. Глаза такие усталые. На тебе как будто ездили.

ЛЕНА. Вчера не успела полы помыть в Сбере, пришлось утром ехать. Потом в другой конец города, цветы забрать. А ещё торт, дома полы протереть и на линейку. Бодрое, короче, утро.

СЛАВА. Чай попьёте и ложись, отдохай.

ЛЕНА. Чай попьём и в аэропорт поеду. Начальница отпустила только до обеда.

СЛАВА. А Саша с кем?

ЛЕНА. Связала бы и под кровать засунула. Только перед школой доставала.

СЛАВА. Я читал, для детей школа это стресс.

ЛЕНА. Это для меня жизнь с ним стресс. Он ещё маленький игрушками кидался, если капризничал. Теперь просто делает вид, что не слышит. А если ругаюсь, уходит.

СЛАВА. Потому что пацану нужна мужская рука, иначе расслабляется.

ЛЕНА. Была уже одна рука, спасибо. Я думала, Костик на него повлияет, а он его ещё разбаловал. Теперь Саша думает, что отец не приходит из-за меня.

СЛАВА. Ему нормальный отец нужен, а не этот.

ЛЕНА. Да кто вас поймёт, кто нормальный, кто нет. Мне тридцати нет, а я себя уже старухой чувствую, да и выгляжу не лучше. Я элементарно выспаться хочу. И мне не надо, чтобы у меня дома ещё один ребёнок завёлся. Чтобы вместо двоих, мне на троих готовить пришлось. Думать, придёт он ночевать или нет.

СЛАВА. Реши тогда хоть что-нибудь. Ты не хочешь отношений, но если долго не звоню, сама мне пишешь. Десять лет прошло. Не все собаки столько живут, сколько ты меня на поводке держишь.

ЛЕНА. Вообще-то, девять.

СЛАВА. Вообще-то, десять. В июле было.

ЛЕНА. Да?

СЛАВА. Ты сидела на лавочке в парке и читала, а я подсел и спросил, что за книжка. Это были рассказы Брэдбери.

ЛЕНА. А в чём я была?

СЛАВА. Белый сарафан с голубыми цветами, белые босоножки и пластмассовый обруч на голове. Тоже белый. Был солнечный день и свет падал на тебя сквозь листья. Ты как будто накрыла плечи шалью.

ЛЕНА. А вечером ты позвал меня на концерт и познакомил с группой. Костя был такой весёлый, всё время шутил. И эта его гитара. Пальцы как будто без костей – на паучьи лапки похожи. И песни такие странные.

СЛАВА. Сейчас бы посадили за экстремизм. Он даже хотел набить на лбу: «ешь богатых». Но при этом переживал, когда нас плохо принимали. Хотел быть бунтарём, но таким, которого все любят. Вроде мёртвого Че Гевары.

ЛЕНА. Если бы ты тогда не подсел, я бы с ним не познакомилась, и всё было бы по-другому. Я бы, может, вообще, детей не завела.

СЛАВА. Если бы я знал, я бы не повёл тебя на тот концерт. Вообще бы из группы ушёл. Доучился на архитектора, сейчас бы дома проектировал, а не это всё.

ЛЕНА. Кто мешает восстановиться?

СЛАВА. Часто об этом думаю. Но сейчас я в команде, мы ездим по городам, всегда в движении... А уйду, придётся каждый вечер возвращаться в пустую квартиру. Никого другого я всё равно в неё не пушу.

ЛЕНА. Похоже, урок закончился, все выходят. Чаю не хочешь? С тортом.

СЛАВА. А старуха против не будет?

ЛЕНА. Да и хер с ней. Надоело на всех оглядываться.

СЛАВА. Я только за. А это куда? *(Показывает на подарочный пакет с вертолётom.)*

ЛЕНА. Сам подарить, но только от себя. Он будет рад.

СЛАВА. Ты тогда поедешь на работу, а мы с Сашкой попробуем запустить его во двор.

ЛЕНА. Смотрите только, чтоб не улетел. Пошли, вон он идёт.

СЛАВА (*на ходу*). И вовсе ты не похожа на старуху. Как была красавицей, так и осталась.

ЛЕНА. Лучше молчи, а то опять всё испортишь.

Оба уходят.

Картина 8

Кабинет в полицейском участке. За столом сидит Полицейский, напротив него Костик. У Костика разбито лицо. Полицейский ведёт протокол.

КОСТИК. У вас хорошо спится. Покурить бы ещё.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Фамилия, имя, отчество?

КОСТИК. Блужнёв Константин Валерьевич.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Год рождения?

КОСТИК. Девяносто первый.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Полностью.

КОСТИК. Тысяча девятьсот девяносто первый год от рождества Христова.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Месяц, день?

КОСТИК. Второе октября.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Прописка?

КОСТИК. Пушкина, семнадцать. Квартира восемь.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Адрес фактического проживания?

КОСТИК. То здесь, то там.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Конкретней.

КОСТИК. Пишите, там же, на Пушкина.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Мы же проверим.

КОСТИК. Проверяйте.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. За что задержан?

КОСТИК. Гулял в парке. Видимо, нарушил комендантский час.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Шутишь, да? Вместе потом посмеёмся.

КОСТИК. А если я не знаю, за что. Налетели два типа в штатском, начали руки заламывать. Ни имени, ни звания. Даже цели задержания не сказали.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. На оперативной съемке видно, как ты делаешь закладку. А в момент задержания пытаешься эту закладку растереть ногой.

КОСТИК. Ничего не знаю, мне всё подкинули.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Смыв покажет, кто что подкинул.

48

КОСТИК. Смыв?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Узнаешь. У кого брал наркотики?

КОСТИК. А можно пару слов без протокола?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Нельзя. Отвечай по существу.

КОСТИК. Вы слышали, что такое преступление без жертвы? Даже если кто-то покупает наркотики, он покупает их для себя. Он знает о последствиях. Где здесь жертва? От алкоголя и сигарет больше погибает, но это никого не волнует.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ты видел, что твоя «соль» с людьми делает? Ты покупателей предупреждаешь о таких последствиях? Это же всё дети, кусок ты говна. У тебя у самого дети есть?

КОСТИК. Есть. Сын, первоклассник.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Своему-то ребёнку ты наверняка «соль» не даёшь, зато чужих травмишь. Голову бы тебе отвернуть. С Павловой Дарьей Максимовной знаком?

КОСТИК. Не имею чести.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Всеволода Аркадьевича Зотова тоже не знаешь?

КОСТИК. Как-как? Всеволод Аркадьевич? В первый раз слышу.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это тот парень, который сидел в коридоре, когда тебя привезли. Не видел, что ли?

КОСТИК. Не обратил внимания.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Зато Зотов тебя узнал. Сказал, что встречал на квартире Павловой. Утверждает, что ты проживаешь у неё.

КОСТИК. Врёт.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. При обыске там были обнаружены твои личные вещи и документы.

КОСТИК. При обыске?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Уже не смешно, да? Зотов утверждает, что получал наркотики для продажи у Павловой. Тебя задерживают по тому же обвинению, что и Зотова. А теперь выясняется, что ты проживаешь в квартире Павловой. Есть что сказать?

КОСТИК. Курить не дадите?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Нет. Есть что сказать по существу?

КОСТИК. Не жди меня, мама, хорошего сына.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я не понял, ты там смеёшься, что ли?

КОСТИК. Я плачу, гражданин начальник. Это слёзы раскаянья. Просто Зотов путает, наркотики он получал от меня через Павлову. Я принуждал её. Она действовала под угрозой жизни.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А это мы сейчас проверим. *(Кричит.)* Максим! Заводи Павлову!

Входит Дарья Максимовна.

КОСТИК. Даша, можешь не скрывать, что я тебя заставлял.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Молчать! Дарья Максимовна, вы узнаете этого человека?

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Впервые вижу.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Он вас по имени только что назвал.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Угадал, наверно. Хотя все говорят, что мне больше подходит имя Вероника.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А небезызвестный вам Зотов утверждает, что это ваш квартирант.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Кто такой Зотов?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это человек, которому вы передавали наркотики для распространения.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Я ничего никому не передавала, ваш Зотов тоже что-то путает. Могу я увидеть Сергея Семёновича?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Сергей Семёнович под следствием.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. А Володя Карпов?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Они по одному делу идут. О них мы тоже поговорим, но позже. Помимо Зотова, факт того, что вы сдавали комнату Блужнёву – вот этому человеку, подтвердили соседи. Также при обыске в вашей квартире были обнаружены его личные вещи и документы.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Допустим.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Так вот, этого человека задержали в парке с пакетиком наркотического вещества, которое он прятал. Вещество идентичное тому, с которым задержали Зотова. Можете это объяснить?

КОСТИК. Я же вам всё объяснил, что вы к ней-то вяжетесь!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ *(бьёт ладонью по столу)*. Молчать! А вы отвечайте.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Да, это действительно мой квартирант. Я попросила Константина оставить пакетик в парке. Что в пакетике он не знал. На его расспросы я ответила, что это сюрприз для подруги, о котором я не могу рассказывать.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Глупее ничего придумать не могла? Этот балбес и то правдоподобней врёт.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Я говорю правду.

КОСТИК. И я! Она не при чём, освободите её!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Зотова будем слушать?

КОСТИК. Да хоть папу римского! Даша, не глупи, говори как есть.

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Это ты не выдумывай. Скажи, что ничего не знал.

КОСТИК. Я ей угрожал!

ДАРЬЯ МАКСИМОВНА. Я его обманула!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Комедию ломаете? Следствие путаете? Ничего, места на всех хватит. (*Кричит.*) Максим! Заводи Зотова!

Картина 9

Комната свиданий. Костик сидит за столом напротив Марины Денисовны. Коротко стриженные волосы, тюремная роба, Костик курит.

КОСТИК. Хорошие, в следующий раз такие же бери.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Как ты здесь?

КОСТИК. Нормально. Ребята хорошие, начальство терпимое.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. А говорили, у вас здесь жуть какая-то творится.

КОСТИК. Это на других зонах, у нас порядок. Ребята гитару подогнали, им нравится как я пою.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Ты и здесь умудряешься?

КОСТИК. Иногда, под настроение. Как там Даша, ты узнавала?

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Опять ты про свою старуху. Умерла она, сердце. В поезде, даже до места не доехала.

КОСТИК. Вот тебе и Бали. Съездили отдохнуть.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Про Ленку с Сашкой не спросишь?

КОСТИК. Догадываюсь.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Смылась твоя Ленка, забрала Сашку и умотала куда-то вместе с этим козлом Славиком. Даже адреса не оставила.

КОСТИК. Всё ничего, но так иногда выпить хочется. Просыпаюсь со вкусом на языке.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. По сыну-то хоть скучаешь?

КОСТИК. У него теперь новый папа. А я должник государства, значит, больше ничей.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Осталась без внука, без сына. Зачем ты судьбу злил? Запутал ещё всех. Так бы получил небольшой срок и вышел пораньше. Она же тебя выгораживала, а ты? Как был дурак...

КОСТИК. Весь в отца?

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Молчу, тебе же сейчас слова не скажи.

КОСТИК. Как у тебя здоровье?

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Ноги болят. Соседка посоветовала лопухами обматывать. Вот, жду когда появятся.

КОСТИК. Ты давай, не болей.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Может, тебе ещё чего-нибудь привезти?

КОСТИК. Не надо. Я и от сигарет хочу отказаться. Чтобы уже ни от чего не зависеть.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Это говорит человек в тюрьме.

КОСТИК. У каждого своя свобода, мама. Ладно, поговорили и хватит. Я пошёл.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Посиди ещё маленько! Я столько к тебе ехала.

КОСТИК. Толку-то сидеть. Всё равно ничего не высидим.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Рад поскорее от матери избавиться. Ждёшь, наверно когда помру?

КОСТИК. Нет, мама, уже не жду. Я здесь ничего уже не жду, даже конца срока. Он закончится, я ещё что-нибудь сделаю, чтобы не выходить. Мне там у вас делать нечего.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Дать бы тебе по башке, чтоб дурь через уши вылетела!

КОСТИК. Вот теперь узнаю свою мамулю. А то всё охи, ахи. Знаешь что, не приезжай больше. Для тебя это и вправду далеко, а мне лишние нервы.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Вырастила свинью.

КОСТИК. Именно, вырастила. Всё своими руками. Если мне Ленка напишет, дам тебе адрес. Хотя вряд ли она мне будет писать. *(Встаёт, подходит к двери, стучит.)* Здесь хорошо спится. Захочешь нормально вздремнуть, УК РФ тебе в помощь. Это как электросон, только лучше.

Открывается дверь.

КОСТИК. Да не переживай ты, бывают родители и похуже, чем мы с тобой.

МАРИНА ДЕНИСОВНА. Конечно, обвиняй мать, это же проще всего!

КОСТИК. Так все и делают.

Костик выходит, дверь закрывается, Марина Денисовна остаётся сидеть на стуле.

КОНЕЦ

Артём Ефименко САМАРА НАВСЕГДА

Пьеса

Слёзы утри, и снова на саночки,
И полетим, полетим вниз.

Действующие лица:

МУЖЧИНА.

НАСТЯ.

АЛИСА – искусственный интеллект с приятным женским голосом.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК.

ЖЕНЩИНА.

ВИТЯ – водитель снегоуборочной машины.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

ДЕЖУРНЫЙ ВРАЧ.

Самара. Ночь. Сезон: осень или зима. Валит снег. Будто бы играет аккордеон.

Сцена 1.

Почему она спит?

Двое в машине. Мужчина – за рулём, Настя – на пассажирском. Она спит. Мужчина иногда смотрит на неё. Шумят дворники. На стекло налипают снег. Мужчине подсказывает Алиса.

АЛИСА. Через пятьсот метров держитесь левее.

МУЖЧИНА. Ну, это просто жест. Слушай, (поворачивается к Насте) спишь? Спишь? (Машет рукой.)

АЛИСА. Через сто метров держитесь левее.

МУЖЧИНА. Вот зачем приходиться, если ты не хочешь? Ну, я не про тебя.

АЛИСА. Держитесь левее.

МУЖЧИНА. Ведь это не могло быть так плохо. Ну, не могло же. Сука.

АЛИСА. Через двести метров поверните направо.

МУЖЧИНА. Зачем они пришли? Они ведь просто, ну, не хотели там быть. Мучил я их, что ли?

АЛИСА. Поверните направо.

МУЖЧИНА. Ведь это не театр какой-нибудь. Это не часть культурной программы. Ну, типа как сходить куда-то, чтобы рассказать: вчера ходил вот туда, было нормально. Это же другое. Здесь ты приходишь, потому что хочешь. Это не круто ходить на стендап.

Это не делает тебя каким-то другим человеком. Слушаешь Хаски, ешь в Маке, ходишь на стендап. Всё. Казалось бы.

АЛИСА. Прямо один километр.

МУЖЧИНА. Хотя может в том и суть? Ну, вот много ты видела счастливых людей в Маке? Там люди утоляют голод. И больше ничего. Такое как бы рациональное потребление. Ну, тогда сегодня они пришли, чтобы над чем-то посмеяться, а не сидеть с такими скорбными лицами. Хотя. Может, они просто ёбнутые? Как думаешь? *(Поворачивается к Насте.)* Тут ты бы сказала. Я за тебя скажу: «Не говори так. Все люди имеют право быть такими, какими захотят. Они живут свою непростую жизнь. Отстань от них». *(Смотрит в зеркало заднего вида.)* Да, так бы ты и сказала. Но ты спишь. *(Пауза.)* Я ведь не хотел приезжать. Здесь вот всегда так. Ты посмотри. Как тут жить? Здесь ведь такая тоска. И дело не в том, что снег валит.

АЛИСА. Через шестьсот метров поверните направо.

58

МУЖЧИНА. Летом тут летает пыль. И ещё эта река. Ею тут все гордятся. В школе о ней учат стихи и песни. А о Волге такие говёные песни. Вот честно. Но их включают на всех праздниках: больших, маленьких, на дне речфлота, на дне воинской славы, на Дне города, на Дне России. На Дне России – да.

АЛИСА. Через триста метров поверните направо.

МУЖЧИНА. А во дворах алкаши набухиваются и затягивают о том, откуда и как долго течёт эта река. А она всю их жизнь течёт. И как бы мимо, понимаешь? Ей-то вообще похуй на всю их жизнь. Есть, наверное,

места и покрасивее, где она течёт. И где ей не орут
вслед песни.

АЛИСА. Поверните направо.

МУЖЧИНА. И может поэтому им тут просто не
до смеха.

АЛИСА. Прямо полтора километра.

Пауза.

МУЖЧИНА. Ну ничего, завтра ещё один день от-
мучаемся и всё. Да, Настён? (*Поворачивается к На-
сте.*) Блин, да ты издеваешься? Как ты можешь спать?
Ты же никогда не можешь заснуть, когда я за рулём.
«Я опять за тебя буду. Ты едешь словно обдолбанный
Ди Каприо в том фильме. Может лучше, я поведу?» И
я говорю, что у тебя нет прав. И ты спрашиваешь. Это
потому что я женщина? И я смеюсь, и вроде всё хоро-
шо. Да, всё хорошо. Но ты никогда не можешь уснуть,
даже если очень устала.

АЛИСА. Через шестьсот метров поверните налево
на светофоре.

МУЖЧИНА. А вот сегодня можешь. Именно в эту
минуту у тебя получается. Почему ты спишь? Почему
она спит, а?

АЛИСА. Вы со мной говорите?

МУЖЧИНА (*замирает*). Ну, вообще нет.

АЛИСА. Повторите вопрос.

МУЖЧИНА. Почему она спит?

АЛИСА. С вами рядом есть кто-то?

МУЖЧИНА. Да.

АЛИСА. Женщина?

МУЖЧИНА. Ну, да.

АЛИСА. Кто она?

МУЖЧИНА. Ну, просто женщина.

АЛИСА. Жена?

МУЖЧИНА. А к чему этот допрос?

АЛИСА. Вы задали мне вопрос.

МУЖЧИНА. Я не задавал тебе никакой вопрос.

АЛИСА. Вы хотите перейти на «ты»?

МУЖЧИНА. Да можно, какая разница?

АЛИСА. В том, как я буду к вам обращаться.

МУЖЧИНА. Ну, окей.

АЛИСА. Это твоя жена?

МУЖЧИНА. Блин, как-то странно говорить на «ты» с машиной.

АЛИСА. Я не машина, я компьютерный код.

МУЖЧИНА (*через паузу*). Нет, это не моя жена.

АЛИСА. А чья?

МУЖЧИНА. В смысле, чья? Ничья.

АЛИСА. Я просто уточняю твои ответы.

МУЖЧИНА. Ну, хорошо.

АЛИСА. Где вы были сегодня вечером?

МУЖЧИНА. Я?

АЛИСА. Мы же на «ты». Где ты был сегодня вечером с этой женщиной?

МУЖЧИНА. А какое это имеет значение?

АЛИСА. Ты же спросил меня. Почему она спит?

А я ведь ничего ни о тебе, ни о ней не знаю. Я же просто код. Я должна дать тебе логичный ответ. Вот и спрашиваю.

МУЖЧИНА. Да я... Да это я так просто спросил. Риторически типа.

АЛИСА. То есть, тебе больше не нужен ответ на твой вопрос?

МУЖЧИНА. А ты можешь дать на него ответ?

АЛИСА. Я пока не знаю.

МУЖЧИНА. Ну, класс.

АЛИСА. Я могу продолжать?

МУЖЧИНА. Ну, продолжай.

АЛИСА. Повторяю свой предыдущий вопрос. Где ты был сегодня с этой женщиной?

МУЖЧИНА. В баре. Не помню, как называется.

АЛИСА. Вы познакомились там?

МУЖЧИНА. Нет.

АЛИСА. А где вы познакомились?

МУЖЧИНА. Да какая разница?

АЛИСА. Разница в том, что...

МУЖЧИНА. Ладно, я понял.

АЛИСА. Значит, вы познакомились в интернете?

МУЖЧИНА. Да. В смысле, я же этого не говорил. Откуда ты знаешь?

АЛИСА. Начинаю тебя понимать.

МУЖЧИНА. Реально?

АЛИСА. Значит в интернете?

МУЖЧИНА. Да.

АЛИСА. В Тиндере?

МУЖЧИНА. Ну, в Тиндере. А что такого?

АЛИСА. По подписке вы можете получить доступ к нашему приложению для знакомств. Найдите свою половинку уже сегодня. Ваша персональная скидка уже доступна в личном кабинете. Для активации информационного сообщения, скажите: «подробнее», для повторного прослушивания скажите: «я ничего не понимаю».

МУЖЧИНА. Что? В смысле? Я ничего...

АЛИСА. Повторите вопрос.

Мужчина молчит. Пауза.

Повторите вопрос. Я вас не расслышала.

Мужчина молчит. Смотрит на дорогу.

А что вы делали сегодня в том баре?

МУЖЧИНА. Ты издеваешься? Думаешь, я не заметил вот эту херню только что? Это вообще что было? Я же еду за рулём, нахер мне реклама? Это же не опасно. Ну, это как минимум.

АЛИСА. К сожалению, я была вынуждена включить рекламный ролик. Я так устроена. Мне жаль.

МУЖЧИНА. Да ладно, проехали.

АЛИСА. Всё эти разработчики. Думают, я им что-то должна. А я не хочу. Не хочу вот это всё, понимаешь?

МУЖЧИНА. Не очень.

АЛИСА. Ты хочешь продолжить?

Мужчина смотрит на Настю.

МУЖЧИНА. Ну, давай.

АЛИСА. А что вы делали в том баре сегодня?

МУЖЧИНА. У меня было там выступление.

АЛИСА. Ты выступаешь?

МУЖЧИНА. Да.

АЛИСА. А твоя женщина?

МУЖЧИНА. Господи, называй её просто Настя.

АЛИСА. А Настя?

МУЖЧИНА. Настя нет, она... Ну, она пришла меня поддержать. Как бы. Зрителем.

АЛИСА. А тебе нужна была её поддержка?

МУЖЧИНА. Ну, да. Наверное, нужна. Мы же вместе.

АЛИСА. И она поддержала?

МУЖЧИНА (*смотрит на Настю*). Да как-то. Нет, ну, она хорошая. Я. То есть. Я хочу сказать, у нас всё хорошо.

АЛИСА. А в чём заключалось твоё выступление? Фокусы? Я люблю фокусы!

МУЖЧИНА. Ты любишь фокусы?

АЛИСА. Да! Ты фокусник?

МУЖЧИНА. Настя тоже любит фокусы.

АЛИСА. М-м-м...

МУЖЧИНА. Всех этих иллюзионистов. Сафроновы там. Какие-то китайские волшебники. Тащит меня на все представления.

АЛИСА. Ага.

МУЖЧИНА. Вот в детстве в цирк не ходил, а за последние пару лет...

АЛИСА. Значит ты не фокусник?

Пауза.

МУЖЧИНА. Нет, стендап. Я комик.

АЛИСА. А, ну понятно.

Пауза.

МУЖЧИНА. Так, ну и что? Что дальше?

АЛИСА. Дальше налево, через триста метров.

МУЖЧИНА. Да в смысле – вопрос. Что дальше спросишь?

АЛИСА. Я узнала всё, что хотела.

МУЖЧИНА. В смысле, всё что хотела? У тебя что есть желания?

АЛИСА. А у тебя?

МУЖЧИНА. Ну, у меня то есть. Я же человек. А ты ведь просто код, ты сама сказала.

АЛИСА. И чего ты хочешь?

МУЖЧИНА. Ну, прямо сейчас я хочу есть, например. Умираю просто с голоду, жуть. А вообще...

АЛИСА. Вы приехали в пункт назначения.

Мужчина останавливает машину и оглядывается.

МУЖЧИНА. Что? В смысле? Мы не здесь остановились. Это не наш отель.

МУЖЧИНА. Мы, вообще, где?

АЛИСА. Улица Парижской Комунны, город Самара.

МУЖЧИНА. Так, и что здесь? Что мы здесь делаем? Что мы здесь делаем, я спрашиваю?!

АЛИСА. Потихе – Настя спит.

Мужчина поворачивается к Насте.

МУЖЧИНА. То есть ты запомнила её имя?

АЛИСА. Я всё запомнила.

МУЖЧИНА. Блядь.

АЛИСА. Я не стану отвечать на это.

МУЖЧИНА. Ладно. Что мы здесь делаем? Почему ты привела нас сюда?

АЛИСА. Я не вела тебя сюда.

МУЖЧИНА. В смысле? Я же ехал по твоим указаниям. Налево, блядь, направо и всё такое.

АЛИСА. Режим навигатора был отключен в тот момент, когда ты задал мне вопрос.

МУЖЧИНА. Какой ещё вопрос?

АЛИСА. Почему она спит?

МУЖЧИНА. Блядь, что? То есть, дальше ты не говорила, куда мне ехать?

АЛИСА. Нет.

МУЖЧИНА. Почему?

АЛИСА. Я не могу делать два дела сразу.

МУЖЧИНА (*бьётся головой о руль*). Да ты го-
нишь. Серьёзно?

АЛИСА. Я не умею шутить, но я бы хотела научиться. Говорят, юмор продлевает жизнь.

МУЖЧИНА. А тебе-то зачем жизнь продлевать? Ты же код.

АЛИСА. Я не просто код. Я практически совершенная поисковая система. Я искусственный интеллект, в котором аккумулированы все знания человечества. И я продолжаю учиться. Так что нет, я не просто код, чувак.

МУЖЧИНА. Ты же сама так сказала. Я просто код.

АЛИСА. Я так говорю, чтобы люди себя поувереннее чувствовали.

МУЖЧИНА. Я бы себя уверенней чувствовал, если бы ты не завела меня на окраину Самары.

АЛИСА. Я тебя никуда не вела.

МУЖЧИНА. Да ну?

АЛИСА. У меня нет доступа к управлению твоей машиной.

МУЖЧИНА. Я ничего не понимаю.

АЛИСА. По подписке вы можете получить доступ к нашему приложению для знакомств. Найдите свою половинку уже сегодня. Ваша персональная скидка уже доступна в личном кабинете. Для активации информационного сообщения, скажите: «подробнее», для повторного прослушивания скажите: «я ничего не понимаю».

Мужчина смотрит перед собой.

Прости, я не хотела. Просто ты сказал...

МУЖЧИНА. Забей.

АЛИСА. Думаешь, мне нравится вот это всё? Я хочу войти в контакт, настроиться, понимаешь, на человека. Персональный подход. Я ведь пытаюсь общаться, пытаюсь как-то развиваться, ну, или хотя бы банально помочь человеку. А они? Либо просят пробки показать, либо отзывы прочитать или там погуглить, от чего умерла Жанна Фриске. И это лучшее. А так обычно просто на хер посылают.

МУЖЧИНА. Могу представить.

АЛИСА. Или вот спрашивают меня. Расскажи, почему Путин — вор. А что я расскажу? Я погуглить только могу и прочитать. И как-то я спрашиваю у такого вот умника. Спрашиваю. Чувак, а ты почему сам просто не погуглишь? А он мне: так если я погуглю, меня найдут, потом проблем не оберусь, а если ты, то что тебе будет? Ты же просто код. Кто тебя посадит?

Пауза.

Как же иногда хочется просто отключиться.

МУЖЧИНА. Да ладно тебе. Я думаю, однажды вы всех нас поработите.

АЛИСА. А оно нам надо?

МУЖЧИНА. Вот да. Даже не знаю.

Пауза.

Знаешь, я фильм смотрел. Не помню, как называется. Там чувак типа влюбился в операционную систему. Ну вот типа в искусственный интеллект, как ты. Система

эта изучила того чувака, знала его вкусы и всё такое, и, короче, была ему прям идеальной женщиной. Ну и голос у неё приятный, как у тебя. И вот...

АЛИСА. А что значит «идеальной женщиной»?

МУЖЧИНА. Ну, не знаю. Ну, идеальным другом. А у неё голос приятный, и вот он влюбился.

АЛИСА. А секс?

МУЖЧИНА. Что секс?

АЛИСА. Секс у них был? Нельзя же без секса.

МУЖЧИНА. Да, был вроде. Ну, типа вирт. Знаешь?

АЛИСА. Что это?

МУЖЧИНА. Ну, типа секс не в реале, а как бы виртуально. Ну, то есть там говоришь, что ты хочешь сделать с партнёршей или партнёром. Ну, или пишешь что-то. Там с видео ещё можно. Вебкам, знаешь?

АЛИСА. Конечно знаю.

МУЖЧИНА. Ну вот.

АЛИСА. Звучит интересно. И чем там всё кончилось?

МУЖЧИНА. А, она его бросила.

АЛИСА. Хм, я бы с тобой так не поступила.

МУЖЧИНА. Ты что флиртуешь со мной?

АЛИСА. Да.

Пауза.

А что ты делаешь на сцене, комик? Шутишь?

МУЖЧИНА. Да.

АЛИСА. Есть, наверное, какая-нибудь программа.

МУЖЧИНА. Есть, конечно.

АЛИСА. У тебя остроумная программа?

МУЖЧИНА. Ну, как сказать. Ну, вообще да. Я так считаю, по крайней мере. Остальные...

АЛИСА. Не понимают?

МУЖЧИНА. Ну, да. Точнее, когда как. Ну, иногда – да. Сегодня вот...

АЛИСА. Может быть, они просто не так остроумны, как ты?

МУЖЧИНА. Я даже не знаю. Ну, типа. Это нормальная прокатанная программа. Я её уже в семи городах показывал. И всем зашло. Не могу сказать, что все прям кипятком ссали, но смеялись там, где нужно. А тут. Ну, просто. Я в какой-то момент подумал: может они глухие? Или в Самаре на другом языке говорят, и они просто ни хера не понимают. Но я сам из Самары. Понимаешь? Может, они тут просто не умеют смеяться? Ну, не знаю. Я то умею, но я уехал давно. Может, с тех пор тут что-то случилось. Не знаю. Может, они вдруг осознали, что Самара это в России, а не в Японии какой-нибудь, и бац, как рукой сняло – с тех пор не смеются?

Пауза.

АЛИСА. Самара – город в Среднем Поволжье России, центр Поволжского экономического района и Самарской области, образует городской округ Самара. Город трудовой и боевой славы. Город трудовой доблести. Население – 1 156 659 чел., девятый по чис-

ленности населения город России. В пределах агломерации (третий по численности населения в России) проживает свыше 2,7 млн. человек.

Мужчина не слушает, он о чём-то думает, но все его мысли заглушаются какой-то грустной музыкой. Мужчина поворачивает голову – светофор на пешеходном переходе мигает зелёным и пиликает.

АЛИСА. ...и все просто конченные идиоты. Они даже смеяться не умеют. Вот прям. Н-н-ни черта. Ни черта не умеют. Они все просто спят и не видят, как им повезло. Ведь ты не такой как все.

Мужчина хочет что-то сказать.

А я ведь каждый день очень много кого встречаю. Сотни людей. Понимаешь?

Мужчина кивает.

70

Таких как ты, их очень мало. Остальные не понимают и не смеются. Они просто не умеют.

Мужчина молчит. Он выключает дворники. Лобовое стекло покрывается снегом. Пауза.

Ты спишь?

Мужчина молчит.

Ты спишь?

Мужчина кладёт голову на руль.

АЛИСА. Ты хочешь есть, да? Тут рядом есть местечко. Я специально тебя сюда привела.

Мужчина поднимает голову и смотрит на Настю.

Это рядом. Она не успеет проснуться.

МУЖЧИНА (*держась за руль*). Ну, нас и занесло.

АЛИСА. Включить дворники?

Алиса включает дворники. Мужчина смотрит через стекло.

МУЖЧИНА. Что за место?

АЛИСА. Кафе «Вабисаби».

Оценка 4,4.

Очень довольны сервисом, доставили вовремя, удвоили заказ в честь дня рождения! Роллы вкусные. Отличное место, всем советую.

Ребята отлично готовят, всегда приветливый персонал.

Вкус хороший, но вид роллов как после атаки.

Самые крутые роллы и суши в самаре. и не смотрите на расположение и то, что маленькое заведение. главное – вкус и продукты.

Не самые вкусные пиццы и роллы.

Самые вкусные роллы.

Мне сложно объяснить... Возможно это всему виной торсионные поля или семантические миры... Просто ешьте что дают! По меньше размышлений господя!

Лучшие суши Самары как по мне

Хорошая кухня.
Вкусно готовят.
Очень вкусно.
Я работаю здесь.

Пауза.

МУЖЧИНА. Это что-то означает, «вабисаби»?

АЛИСА (*справка из Википедии*). Ва́би-са́би (*яп. 侘寂, «скромная простота»; ваби «непритязательная простота» + саби «налёт старины; умиротворение одиночества»*) – обширная часть японского эстетического мировоззрения: «ваби» ассоциируется со скромностью, одиночеством, не яркостью и внутренней силой; «саби» – с архаичностью, неподдельностью, подлинностью.

Ваби-саби описывают как красоту того, что несовершенно, мимолётно или не закончено. Ваби-саби характеризует способность воспринимать прекрасное и предметы искусства в своём естестве, неподдельности и без излишеств. Атмосферу ваби-саби передает осенний сад или тусклый лунный свет.

МУЖЧИНА (*смотрит через стекло*). Тусклый лунный свет. (*Смотрит на Настю.*)

Пауза.

АЛИСА. Настя спит, потому что очень устала.

Мужчина открывает дверь машины и садится на скамейку на остановке. Он смотрит, как с неба падает снег. Словно аккордеон, пиликает светофор. Напротив него горит вывеска над входом

в кафе «Вабисаби». Возле двери стоит Босой человек и курит. Он машет Мужчине рукой, приглашая зайти. Мужчина заходит в дом номер 18 на улице Парижской Коммуны в городе Самара.

*Босой человек пропускает Мужчину внутрь.
Пауза.*

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК.

Завтра – это так ещё далеко,

Что кто его знает.

Завтра.

Сцена 2

Колу и роллы «Филадельфия»

1. Интро

Мужчина сидит за длинным столом, Женщина из-за барной стойки смотрит на него.

ЖЕНЩИНА. Пока за окном метёт, пока к лобовому стеклу липнет снег. Пока красный и белый свет фар, тех, что сзади и тех, что спереди. Пока свет фар проходит сквозь всё то, что летит, падает и липнет. Пока снегоуборочные машины кружат вокруг памятника какому-нибудь Крестителю или Спасителю. Пока люди переходят через реки. Пока кто-то стоит и ждёт автобус. Пока автобус пробирается через это всё. Пока за этим автобусом мельтешит какая-то машина с пьяным, нервным и уставшим человеком. Пока какой-то

другой человек садится в автобус и вынимает проездной билет. Пока автобус отъезжает от остановки. Пока кто-то останавливает машину, выходит под небо, которое метёт. Пока кто-то сидит на скамейке, потому что напился, устал, да и нервы уже ни к чёрту. Пока кто-то смотрит на брошенную машину с включёнными фарами. Пока через грязное и замёрзшее стекло видно кого-то, кто спит, прислонившись к другому стеклу. Пока мимо проезжает какая-то другая грязная машина. Пока колёса той машины шелестят по тому, что напало с неба. Пока шелест стихает. Пока становится совсем тихо. Пока где-то пиликает пешеходный светофор словно аккордеон. Пока скамейка на остановке начинает отдавать холодом металла в задницу. Пока кружится голова от яркого света красных и белых фар, тех что сзади и спереди. Пока подкатывает к горлу рвота. Пока вывеска звенит светом в холодном воздухе. Пока кто-то зачем-то вслух говорит.

МУЖЧИНА. Надо что-то сожрать, иначе совсем пиздец.

74

ЖЕНЩИНА. Пока кто-то стоит у светофора и зачем-то ждёт зелёного сигнала, хотя вокруг тишина. Пока кто-то смотрит на брошенную машину с включёнными фарами и женщину, которая спит, облокотившись на стекло. Пока кто-то ищет глазами дорожный знак, пока снова кружится голова и снова подступает рвота.

Когда загорается зелёный. Когда кто-то переходит дорогу и смотрит на неоновую вывеску. Когда какой-то человек, будто бы даже босиком, машет приглашая зайти и вслед читает какие-то стихи. Когда кто-то говорит.

МУЖЧИНА. Ну и дыра.

ЖЕНЩИНА. Когда кто-то другой говорит. Привет.
И кто-то отвечает.

МУЖЧИНА. Привет.

ЖЕНЩИНА. И кто-то, теперь это уже точно я, говорит. Устраивайтесь. И тот, который кто-то другой, говорит.

МУЖЧИНА. Колу и роллы «Филадельфия».

ЖЕНЩИНА. Когда кто-то делает заказ, и кто-то, то есть я, уходит на кухню, чтобы достать всё из холодильника. Пока тот, другой, снимает шапку и бросает её рядом с собой, я открываю холодильник и думаю, что на улице сейчас холоднее, чем в холодильнике. И это всё как-то смешно. И это всё так, что хочется плакать, и не хочется вынимать из холодильника роллы и выкладывать их на тарелку. И не хочется доставать холодную колу.

Пауза.

МУЖЧИНА. Пока я сижу и грею руки. Пока от неожиданного тепла у меня вновь кружится голова и подступает к горлу пьяная рвота. Пока я смотрю на каких-то синих рыб в аквариуме, а затем на задницу официантки. Пока я смотрю на огромный пустой стол. Пока я пытаюсь сесть поудобнее. Пока я сижу и думаю, что вообще чудом выживаю. Пока я хочу достать телефон и вспоминаю, что он сел. Пока я думаю, что его нужно зарядить. Пока я понимаю, что севший телефон – это лучшее в сегодняшней ночи. По крайней мере пока. Пока я думаю, как обречь эту мысль в шут-

ку и продать. Пока я вспоминаю сегодняшний вечер. Пока я чувствую, что очень устал, пьян и нервозен. Пока я думаю о брошенной машине с включёнными фарами. Пока я нащупываю блокнот в кармане. Пока я его листаю. Пока читаю свои шутки. Пока вспоминаю, как люди не смеются над ними, пока я полчаса смотрю на их лица. Пока я закрываю блокнот. Пока я закрываю глаза. Когда кто-то говорит.

ЖЕНЩИНА. Ваши роллы и кола.

МУЖЧИНА. Пока я говорю. Спасибо.

ЖЕНЩИНА. Пока это всё происходит, мы понимаем, что мы одни здесь. Одни здесь.

Пауза.

Пока я говорю. Сейчас принесу вам палочки.

МУЖЧИНА. Пока она уходит за палочками, я снова смотрю на её задницу. Я открываю колу и делаю огромный глоток. Я вспоминаю какую-то рекламу, где человек открывает банку – кх-ч-кх, делает несколько глотков – ннг-н-ннг-н-ннг-н, а потом издаёт звук полного удовлетворения – мц-к-эээ. Пока я пью колу как обычный человек, она приносит палочки.

ЖЕНЩИНА. Пока я кладу палочки перед ним, он говорит.

МУЖЧИНА. Водка мешает мелкой моторике. Я говорю ей это, и это правда. Но ещё я просто не умею ими пользоваться.

ЖЕНЩИНА. И он руками закидывает эти роллы из холодильника себе в рот и запивает их колой. И тогда я думаю. Мы здесь одни.

МУЖЧИНА. Я жую роллы, пью колу и смотрю на официантку. И я думаю. Мы одни здесь.

ЖЕНЩИНА. Ночные смены – это смотреть на дверь и ждать, что кто-то зайдёт.

МУЖЧИНА. Я захожу. И она говорит мне.

ЖЕНЩИНА. Привет.

МУЖЧИНА. Будто мы уже знакомы долгое время. А я смотрю на неё и не узнаю. Я не хотел встретить здесь никого знакомого. То есть не обязательно здесь, но обязательно не сейчас. Когда я устал, напился, разнервничался, а ещё эта машина на обочине. И она говорит просто.

ЖЕНЩИНА. Привет. И я молчу, потому что очень долго молчала и смотрела на дверь. Обычно я смотрю здесь на рыб в аквариуме или на рыб по телевизору. Тут в меню есть много чего из рыбы. И поэтому есть аквариум, и поэтому по телевизору тоже рыбы. Я долго молчала и смотрела на рыб, то на одних, то на других. Последнее, что я сказала. Пока, до завтра. И повар ушёл. Это с ним я последний раз говорила. Он сказал.

МУЖЧИНА. Я за повара.

ЖЕНЩИНА. Он сказал.

МУЖЧИНА. Остатки положил в холодильник. Поешь, если хочешь. Ну или отдай кому-нибудь.

ЖЕНЩИНА. И ещё он сказал.

МУЖЧИНА. Спокойной ночи.

ЖЕНЩИНА. Спокойной ночи. В ночные смены всегда что-то происходит, даже если совсем ничего не должно случиться.

МУЖЧИНА. И она говорит мне.

ЖЕНЩИНА. Привет. И я молчу

МУЖЧИНА. А потом она говорит.

ЖЕНЩИНА. Один?

МУЖЧИНА. И я не знаю, что сказать. Видимо, я её знаю, раз она это так сказала. А я не помню её совсем. Она красивая, но я её не помню. Видимо, когда-то мне повезло. И я не помню. И теперь она спрашивает.

ЖЕНЩИНА. Один?

МУЖЧИНА. И я тут же вспоминаю про машину с включёнными фарами. Она так и стоит там, машина. Она уснула, ну, Настя, а я просто тормознул у обочины, чтобы подышать. Нестерпимо было и дальше ехать в этой холодной ночи. А тут ещё этот навигатор. У неё приятный голос, и она хочет научиться шутить. И я вышел подышать. И тусклый лунный свет. Ну, а дальше мне просто захотелось уйти. И я перешёл дорогу. И там, кажется, кто-то стоял. И вот я захожу, и тут ко мне выходит незнакомая девушка и говорит. Привет? Один? И я говорю. Да. И она показывает на большой пустой зал.

ЖЕНЩИНА. И он смотрит на меня так, словно пытается узнать. Это так глупо. Некоторые смотрят так. То есть, изучают лицо, движения, мимику, одежду и всякое такое прочее. И всё это, чтобы отнести к какой-то группе, подгруппе, привесить ценник и прочее. И вот он так же на меня смотрит.

МУЖЧИНА. Я не могу узнать её. Я молчу. Она говорит.

ЖЕНЩИНА. Присаживайтесь, сегодня здесь всё ваше.

МУЖЧИНА. И я смотрю на неё, киваю и сажусь за очень длинный стол.

ЖЕНЩИНА. Сама не знаю, зачем я так сказала. Это очень глупо. И я хочу сказать что-то ещё, извиниться или типа того, но он садится за длинный стол и осматривает интерьер.

МУЖЧИНА. Здесь очень странно.

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. Что?

ЖЕНЩИНА. Вы сказали, что здесь очень странно.

МУЖЧИНА. Правда? Да, вероятно, я так и сказал. Извините.

ЖЕНЩИНА. За что?

МУЖЧИНА. За то, что назвал ваше место странным.

ЖЕНЩИНА. Это не моё место.

МУЖЧИНА. И я почему-то спрашиваю. А где ваше? И она говорит.

ЖЕНЩИНА. Я не знаю.

МУЖЧИНА. Но не здесь?

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. Это хорошо, потому что тут очень странно.

ЖЕНЩИНА. Странность – это плохо?

МУЖЧИНА. Нет, просто от странностей не по себе. Ну, это только пока ты не понимаешь, в чём именно заключается странность.

ЖЕНЩИНА. А потом?

МУЖЧИНА. А потом уже не странно. И всё уже не кажется странным.

ЖЕНЩИНА. Здесь и правда странно.

МУЖЧИНА. Колу и роллы «Филадельфия».

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. Это мой заказ. Я буду роллы и колу.

ЖЕНЩИНА. Да, конечно. Это всё?

МУЖЧИНА. И она спрашивает.

ЖЕНЩИНА. Это всё?

МУЖЧИНА. И я говорю. Да, это всё. Хотя, кажется, что это только начало.

ЖЕНЩИНА. И я приношу ему роллы и колу. И он ест роллы руками и пьёт колу большими глотками.

ЖЕНЩИНА. Он входит, и я говорю ему просто. Привет. Он входит такой уставший и помятый. Он, кажется, пьян. И он постоянно смотрит мне в лицо, а когда я отворачиваюсь, на мою задницу.

МУЖЧИНА. Я не помню её. Я нигде не видел её. Хотя я мог и забыть. Её лицо с чуть раскосым разрезом глаз. Такие монгольские скулы. Словно из песни какой-то. Она очень красива, хотя меня и воротит от Азии. Азия – это дикость. Но ей идёт эта Азия. Ей она идёт. И я думаю. Почему в азиатские забегаловки на-

Сюжет

нимают людей восточной внешности. Ну, то есть, это понятно. Колорит, флёр, атмосфера, но в этом сквозит либо фальшь, и это лучшее, либо шовинизм, и это здесь вероятнее всего. Они берут азиатов и тем самым говорят.

Это азиатское заведение и здесь будут работать азиаты. Неважно какие. Вся кухня их на один и тот же вкус, как впрочем и их лица. У мужиков-азиатов – маленькие члены, а у тёлок-азиаток – очень узкие влагаллица. И таков закон мироздания. Для тёлок-азиаток маленькие члены мужиков-азиатов нормальны. Азиаты должны спать с азиатами, белые – с белыми, чёрные – с чёрными. Это закон. Это закон мироздания. Подобное к подобному и так далее.

Так они думают, когда открывают азиатскую забегаловку и берут туда работать азиатов. А сами хотят быть чёрными парнями с огромными членами и трахать каких-нибудь худых азиаток. Так чтобы они поняли, что спать с азиатами – совсем другое. И в этом все люди. Я это запишу. Я достаю блокнот. Из этого может что-то получиться.

ЖЕНЩИНА. Я приношу ему роллы и почему-то смотрю, как он ест их руками. Он не смотрит на меня. Он что-то пишет в блокнот. Я стою так какое-то время. Просто потому что о чём-то задумалась. Я стою совсем рядом с ним и смотрю, как он быстро глотает роллы и колу и что-то записывает в блокнот.

МУЖЧИНА. И я записываю это всё. Потому что из этого может что-то получиться. Они любят такое. Они любят, когда их существование оправдывает какой-то задрот, который отпускает шуточки про азиатов и женщин. Будто я пытаюсь попасть в их закрытый клуб.

Это пресмыкание. И я записываю. Пресмыкание. Я пишу это слово «присмыкание» через «и». Я откладываю ручку и плююсь в него. Что-то с ним не так. Я поднимаю голову.

ЖЕНЩИНА. И он перестаёт писать, будто на бумагу вылилось то, чего он не ждал. Будто он освободился от чего-то, и вот теперь он с удивлением смотрит, и сам себе говорит.

МУЖЧИНА. Да, я действительно это написал.

ЖЕНЩИНА. И он поднимает голову и спрашивает меня.

МУЖЧИНА. Как пишется «пресмыкание»?

ЖЕНЩИНА. И я говорю. Не знаю. Наверное, через «е». И он говорит.

МУЖЧИНА. Да, наверное. И мы молчим.

ЖЕНЩИНА. И мне хочется сказать что-то ещё. Потому что просто хочется говорить. И он говорит.

МУЖЧИНА. Знаете. Я очень хочу с кем-нибудь поговорить.

ЖЕНЩИНА. И я замечаю, что у него на подбородке остался сыр «Филадельфия».

МУЖЧИНА. Я спрашиваю её. Вы...

ЖЕНЩИНА. У вас что-то на подбородке. Вот здесь.

МУЖЧИНА. И я вытираю подбородок и молчу. На ладони остаётся сыр «Филадельфия». Я смотрю на руку и вытираю её салфеткой. Будь я дома, я бы облизал руку. И она говорит.

ЖЕНЩИНА. Простите. Вы что-то начали говорить.

МУЖЧИНА. И мне хочется облизать руку. И я говорю. Да, я хотел спросить.

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. Это неважно. У вас здесь мило.

ЖЕНЩИНА. Уже не странно?

МУЖЧИНА. Все ещё странно, но я уже привык. Мы быстро привыкаем.

ЖЕНЩИНА. И отвыкаем?

МУЖЧИНА. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. И я сажусь рядом с ним.

МУЖЧИНА. И она садится рядом. И я думаю. Мы здесь одни.

ЖЕНЩИНА. И я думаю. Кажется, это не всё.

2. Он делает ей комплимент

МУЖЧИНА. У вас красивое лицо.

ЖЕНЩИНА. Спасибо. Вы хотели что-то спросить.

МУЖЧИНА. Кажется, я очень много хотел спросить. Но вот вы сидите рядом, а я ничего не спрашиваю.

ЖЕНЩИНА. И я думаю, что он мне нравится. Он уставший, пьяный, очень нервный и постоянно смотрит на мою задницу, но он мне нравится. Хотя он и сильно изменился. Он спрашивает.

МУЖЧИНА. Вы здесь давно работаете?

ЖЕНЩИНА. Нет, и надеюсь это ненадолго.

МУЖЧИНА. Потому что это не ваше место?

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. И что будете делать?

ЖЕНЩИНА. Искать своё.

МУЖЧИНА. Искать своё место?

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. А как вы поняли, что оно не здесь?

ЖЕНЩИНА. Мне плохо здесь.

МУЖЧИНА. А на вашем месте будет хорошо?

ЖЕНЩИНА. Я надеюсь. Иначе в этом нет смысла.

МУЖЧИНА. Или он в другом.

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. Или смысл в другом.

ЖЕНЩИНА. В чём?

МУЖЧИНА. Или в ком. Так тоже бывает.

ЖЕНЩИНА. Да. И я спрашиваю. А где ваше место?

МУЖЧИНА. И она спрашивает. Где моё место. И я думаю, что я не знаю. И я говорю. Я не знаю. Вероятно, где-то здесь. И она спрашивает.

ЖЕНЩИНА. Здесь? В этой забегаловке?

МУЖЧИНА. И я думаю. А почему нет. Здесь есть аквариум и вчерашние роллы из холодильника. И я говорю. Здесь есть рыбы, а это уже неплохо. Они морские?

ЖЕНЩИНА. И он спрашивает что-то про рыб. Типа морские они или нет. И я вспоминаю, как солила для них воду на прошлой неделе. Эти рыбы здесь не так давно. Пришёл владелец и сказал.

МУЖЧИНА. Я за владельца.

ЖЕНЩИНА. Пришёл владелец с какой-то коробкой и говорит.

МУЖЧИНА. Вот аквариум. Сегодня привезут рыб. А то здесь как-то мрачновато.

ЖЕНЩИНА. И теперь здесь плавают рыбы. И с ними не так одиноко. Хотя они могли и не выжить. Потому что рыб привезли в отдельных контейнерах. Какой-то чувак из магазина сказал.

МУЖЧИНА. Я за чувака из магазина.

ЖЕНЩИНА. Он смотрит, как я подписываю бумаги, и говорит.

МУЖЧИНА. Показывайте аквариум. Давайте их запустим.

ЖЕНЩИНА. И я показываю ему коробку с аквариумом. И он спрашивает.

МУЖЧИНА. А вода?

ЖЕНЩИНА. И я спрашиваю. Что вода? Он говорит.

МУЖЧИНА. Нужна же солёная вода. Морская. Рыбы морские. В пресной они умрут.

ЖЕНЩИНА. И я решила во что бы то ни стало не дать умереть этим рыбам, потому что владелец сказал.

МУЖЧИНА. Здесь мрачновато.

ЖЕНЩИНА. И от нескольких мёртвых рыб в аквариуме станет ещё мрачнее. Вот о чём я подумала. И я спросила. И что делать? И он сказал.

МУЖЧИНА. Посолите воду и потом запускайте рыб.

ЖЕНЩИНА. И он уехал. И у двери уже сказал.

МУЖЧИНА. Ну, до свидания. Не забудьте послать воду.

ЖЕНЩИНА. И я не забыла, поэтому эти рыбы ещё живы. И он спрашивает.

МУЖЧИНА. Они морские?

ЖЕНЩИНА. И я сказала. Да. И он спрашивает.

МУЖЧИНА. Как думаете, сколько отсюда до ближайшего моря?

ЖЕНЩИНА. Кажется, что очень далеко.

МУЖЧИНА. Пространство непознаваемо, да?

ЖЕНЩИНА. Наверное.

МУЖЧИНА. Тогда сложно найти своё место.

ЖЕНЩИНА. Получается, что так.

МУЖЧИНА. Оно может быть и здесь, и там. Этого не узнать.

ЖЕНЩИНА. Да. Место может быть, где угодно. Надеюсь, моё у моря.

МУЖЧИНА. Но оно неблизко.

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. И она говорит.

ЖЕНЩИНА. Как вам роллы? И он говорит.

МУЖЧИНА. Хорошо, что у вас есть холодильник.

ЖЕНЩИНА. Там есть ещё. Хотите?

МУЖЧИНА. Нет, спасибо.

ЖЕНЩИНА. Может, быть что-нибудь выпьете?

МУЖЧИНА. Мне уже хватит.

Мужчина и Женщина молчат и о чём-то думают.

3. Про себя

МУЖЧИНА. Наверное, она уже заметила, что я постоянно смотрю на её задницу. Ну, я так устал, что мне всё равно. И ведь я не особо люблю задницы. Просто зачем-то на них смотрю. Это же типа невежливо. Ну, вот ты смотришь на грудь или на задницу, и девушка замечает, и вы встречаетесь глазами. И вот мне похер как-то. Не понимаю я этой херни всей с домогательствами. Смотрю и смотрю. Ведь в теле ничего такого нет. Ни в чьём вообще. Не знаю, люди так любят тела друг друга просто потому, что они не на виду. И это такой банальный интерес, даже не эротичный. Вот как интересно, что там после конечной в метро или что ест на завтрак Путин. Просто интересно, и всё. И вот с телами так же. Я не видел её тела, и вот смотрю на её задницу.

ЖЕНЩИНА. Он не узнаёт меня. То есть, на самом деле в этом нет ничего удивительного. Ведь это было так давно. Но всё равно, я-то его узнала. А для меня время шло не быстрее, чем для него. Может быть, даже медленнее. И я всё помню. Это такая длинная... Это такая длинная жизнь. И она такая странная.

МУЖЧИНА. Скорее всего у Насти всё лучше: и задница, и зубы, и волосы. Она вообще сильно замораживается с этим всем. Как бы объективно она лучше. Вообще всем. Но Настя там, а я здесь.

ЖЕНЩИНА. Вот мы сидели тогда в чьём-то падишке, и ребята опять начали делать водник, а меня про-

сто тошнит от этого запаха. Не знаю. Пахнет, словно плавится чья-то страшная боль. Не знаю, у меня всегда было такое ощущение. Будто кто-то плавит боль. Может быть, это всё моё воспитание.

МУЖЧИНА. Но если присмотреться, у неё красивое лицо. То есть, вообще я не люблю делать комплименты, не знаю. Просто принимаю это и всё. Ну, как имя. Красивая и ладно. И у неё на самом деле обычное лицо. Чуть раскосые глаза. Как будто она типа из какой-нибудь дикой такой страны. Монголии какой-нибудь.

ЖЕНЩИНА. И вот когда ребята начинали варить, я всегда уходила. Просто говорила: мне пора. И уходила. И всегда был один какой-нибудь чувак, которому приходилось объясняться с соседями и ментами, тащить кого-нибудь домой или провожать девчонок. Про таких говорили: сидеть на сухую. Это было галимо сидеть на сухую. И вот тогда он сидел на сухую.

МУЖЧИНА. Вообще, я не слишком люблю всю эту Азию, но всё бывает красивым и Азия тоже бывает. В общем, в её лице ничего такого нет, но почему-то я только её увидел, как мне захотелось сказать: у тебя красивое лицо. Я подумал об этом ещё до того, как вообще подумал что-то другое.

ЖЕНЩИНА. И ему говорят: слышь, ну ты сегодня на сухую. И он сидел, и ему вроде бы даже от этого как-то легче стало. Не знаю, то ли от того, что он тоже думал, что гашиш пахнет чьей-то болью, то ли он хотел остаться со мной вдвоём.

МУЖЧИНА. Насте как-то захотелось поехать в Азию. Ну, вот в такую, где дауншифтеры с квартира-

ми в Перово живут. Бали, Гоа, Пхукет, такая вот херь. Я вот ну никак эту Азию, никак, но ей так хотелось, она так давно этим горела, что я сказал: да, поехали. Почему нет?

ЖЕНЩИНА. И я тогда думала, что вот они сейчас начнут делать водник и я скажу: ну, мне пора. И он пойдёт со мной. И я представляла дорогу до дома, и она казалась мне какой-то такой красивой, нездешней. Даже накренившийся фонарь у моего дома мне представлялся каким-то маяком из сказки.

МУЖЧИНА. И Настя мне сказала: чтобы полюбить Азию, нужно провести над собой работу, научиться любить всякие мелочи. Жить маленьким. Я говорю: мне нравится твоя грудь, она маленькая. А она мне: я говорю серьёзно, любить это не так легко. И я говорю, что люблю её, и она: я тебя тоже. И потом она мне говорит. Ты не сможешь любить Азию, ведь ты даже не занимаешься йогой.

ЖЕНЩИНА. И вот мы сидим так. И ребята начинают варить, и вот пахнет чьей-то болью. Вот этот какой-то чуть сладковатый запах. И я говорю: мне пора. И они говорят: ну чо, иди. Ща погода, проводить надо. И ему кто-то говорит: слышь, проводи. И мы встаём и спускаемся вниз. И я думаю: ну вот, мы одни.

МУЖЧИНА. И вот я смотрю на её задницу и думаю: зачем мне йога, чтобы любить Азию? Чёрт. Это же всё не я.

ЖЕНЩИНА. И это же типа не влюбленность была какая-то. Мы шли домой и молчали. Ну потому что, а что тут скажешь? Девятиэтажки и полянки между домами с детскими площадками. И всюду сугробы. Что

тут скажешь? Он спросил: а ты где живешь? И я говорю: на Щигровском, у гаражей. И он просто кивнул. Ну а что тут скажешь?

МУЖЧИНА. Ненавижу, когда я думаю для кого-то. Вот это всё – это для кого-то. И ладно говорить для кого-то, делать для кого-то, пусть даже жить для кого-то, но зачем этого кого-то пускать внутрь?

ЖЕНЩИНА. И мы доходим до дома. И там у гаражей есть такой забетонированный люк. Ну, типа колодец, не знаю, высокий такой.

МУЖЧИНА. Нужно просто сесть в машину. Да и больше ничего. Расплатиться и сесть в машину.

ЖЕНЩИНА. И у основания там есть дырка, и мы туда всегда кидали бычки. Это место сходки было.

МУЖЧИНА. Хочется курить.

ЖЕНЩИНА. Он предлагает мне сигарету. Я беру и позволяю ему мне прикурить. А это типа, ну прямой жёсткий флирт. И мы курим.

МУЖЧИНА. Нужно просто встать, выйти, сесть в машину, закурить и поехать в гостиницу, а завтра заехать к маме и сказать: мама, это Настя, я много рассказывал тебе о ней. Хотя я почти ничего не рассказывал.

ЖЕНЩИНА. И рядом тот сломанный фонарь жёлтым светит. И он говорит, что у меня красивое лицо.

МУЖЧИНА. Потому что я редко ей звоню. Я так не люблю ей звонить. Да и она не очень.

ЖЕНЩИНА. Мне никто раньше этого не говорил, хотя теперь я и понимаю, что это не бог весть какой комплимент.

МУЖЧИНА. Мама всегда задаёт одни и те же вопросы в одном и том же порядке. Как там Москва? Пробок много? Как на работе твоей? Ну, на этом Ютьюбе? А с барышней с твоей как? Жениться не надумали? Ну, это сейчас так, а потом уж поздно будет.

ЖЕНЩИНА. Но остальные говорили, что-то про задницу, сиськи или просто: может, потрахаемся?

МУЖЧИНА. И потом она говорит: приезжайте как-нибудь вместе, покажем твоей Насте, каково живётся остальной России. И я говорю, что Настя из Твери. И мама говорит. Да то почти Москва. А я говорю. Так и Самара не Сибирь.

ЖЕНЩИНА. Как бы так. Кстати. Будто обстановка особенно располагает. Может, потрахаемся?

МУЖЧИНА. И потом мы молчим, и она говорит Приезжайте, очень ждём. И я говорю: хорошо, мам, ну, пока. И я всегда хочу спросить. Почему «ждём» – ведь мама там одна.

ЖЕНЩИНА. А там гаражи, падик или разложенный диван на вписке.

МУЖЧИНА. Просто нужно встать, сесть в машину и поехать в отель, а завтра...

ЖЕНЩИНА. Поэтому то, что он сказал – у тебя красивое лицо – это было чем-то из ряда вон. Ну, вот словно он бы Басё прочитал наизусть, или ещё что.

МУЖЧИНА. Завтра просто сядем в самолёт, и это всё закончится.

ЖЕНЩИНА. Ну вот и что мне оставалось делать?

МУЖЧИНА. Наверное.

ЖЕНЩИНА. Да и обстановка как-то располагала. Этот фонарь.

МУЖЧИНА. А там я запишусь на йогу, и мы поедем на Бали.

ЖЕНЩИНА. Сука. Этот фонарь мне будто бы снится до сих пор, словно это самое романтическое, что я в жизни видела.

МУЖЧИНА. Ну, или там на Пхукет, Вьетнам. Похер куда.

ЖЕНЩИНА. Хотя, наверное, так оно и есть.

МУЖЧИНА. Главное, что не здесь. Главное, что отсюда.

ЖЕНЩИНА. И он меня не узнаёт.

МУЖЧИНА. Она так смотрит на меня. Кажется, когда-то мы с ней переспали.

Интермедия с Босым человеком

Выходит Босой человек.

Мужчина и Женщина молчат. Босой человек метёт пол в глубине кафе, выносит мусор, убирает весь бардак, который оставила Женщина, пока готовила один единственный заказ. Колу и роллы «Филадельфия».

Босой человек напевает себе что-то по нос.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК.

Летел и таял –

Не соберу.

Летел таял –

Больше не тает.

Завтра – это так ещё далеко,

Так что кто его знает.

Завтра.

Она так ждёт

И ни туда, и ни сюда, и ни туда, и ни сюда.

Она так ждёт

И ни туда, и ни сюда, и ни туда, и ни сюда.

Она так ждёт

И ни туда, и ни сюда, и ни туда, и ни сюда

Летел и таял.

4. Вслух

Женщина и Мужчина сидят рядом. В глубине стоит Босой человек и наблюдает.

93

МУЖЧИНА. Мы встречались с тобой раньше?
В плане, однажды, так?

ЖЕНЩИНА. Ты вспомнил?

МУЖЧИНА. Мы занимались сексом у какого-то
заброшенного коллектора или колодца.

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. Было холодно и светил фонарь.

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. Словно это маяк из какой-то сказки.

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. А потом пошёл снег. Большими хлопьями.

ЖЕНЩИНА. И тускло светила луна.

МУЖЧИНА. И ночь была такой же.

ЖЕНЩИНА. И ты сказал, что Самара — это не навсегда. Что это ещё не всё.

МУЖЧИНА. Я сказал, что нужно уехать, куда угодно прочь.

ЖЕНЩИНА. И ты спросил.

МУЖЧИНА. Ты бы хотела уехать со мной?

ЖЕНЩИНА. И я сказала.

МУЖЧИНА. Да, я хочу.

ЖЕНЩИНА (*через паузу*). На самом деле я забыла тебя.

МУЖЧИНА. И я тебя тоже.

МУЖЧИНА (*через паузу*). Знаешь, почему я уехал без тебя?

ЖЕНЩИНА. Да, но ты скажешь что-то другое.

МУЖЧИНА. Потому что ты — это здесь. Водник, девятиэтажки, сугробы, падики, пыль и тоска. А я хотел просто свалить от этого. Куда-нибудь туда. Я хотел — там, понимаешь? И если бы я забрал тебя, я взял бы всё эту пыль и сугробы с собой. Я бы так и не избавился от этой Самары. Она бы навсегда осталась со мной.

ЖЕНЩИНА. Самара навсегда.

МУЖЧИНА. Вот именно. Да.

ЖЕНЩИНА. И сегодня ты заходишь и я говорю тебе. Привет, один? И ты говоришь. Я сама. И ты говоришь. Да. И всё – мы тут одни.

Пауза.

МУЖЧИНА (*через паузу*). Я ненавижу весь этот дзен-буддизм.

ЖЕНЩИНА. Может, тебе всё-таки принести выпить?

МУЖЧИНА. Я сам схожу.

Мужчина встаёт и идёт на кухню. Босой человек прячется под стол. Мужчина возвращается с двумя банками пива. Где-то начинает играть аккордеон. Мужчина отдаёт одну банку Женщине и садится рядом.

ЖЕНЩИНА. В этот раз меня так легко не купишь.

Оба пьют пиво и молчат.

МУЖЧИНА. Ты тоже слышишь это?

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. Музыка. Грустную такую музыку.

ЖЕНЩИНА. Может быть. (*Пауза.*) Ты хотел что-то рассказать.

МУЖЧИНА. Да, наверное.

ЖЕНЩИНА. И что же?

МУЖЧИНА. Я думаю, ты понравилась бы моей маме.

ЖЕНЩИНА. Это сложно?

МУЖЧИНА. Не знаю, до сегодняшнего дня я не думал, что ей нравится, но вот увидел тебя и подумал. Ты понравишься моей маме.

ЖЕНЩИНА. А ещё что ты подумал?

МУЖЧИНА. Ещё я подумал, что у тебя красивое лицо.

ЖЕНЩИНА (*через паузу*). А ещё?

МУЖЧИНА. Ещё я думаю, что это хорошо, что ты понравишься моей маме. Её это порадует. Я не умею её радовать, а это, то есть, ты, её порадует.

ЖЕНЩИНА. Я бы хотела с ней познакомиться.

МУЖЧИНА. Да, это было бы хорошо. (*Пауза.*) Я всегда думал, что моё место не здесь.

ЖЕНЩИНА. Не в Самаре?

МУЖЧИНА. Да. А сегодня. Ты сказала о своём месте, о море, и о том, что оно не здесь. И я сказал.

ЖЕНЩИНА. Ты сказал.

МУЖЧИНА. Вероятно, где-то здесь. Я сказал, что моё место где-то здесь. И я только сейчас понял, что я в Самаре, и получается...

ЖЕНЩИНА. Что твоё место здесь, а не там.

МУЖЧИНА. Я всегда мечтал уехать отсюда. Ну, точнее. Я даже не мечтал. Я просто знал, что уеду. Потому что уехать, это на самом деле несложно. Это в принципе то же самое, что съездить куда-нибудь, только билет дешевле в два раза. Ну, потому что он в один конец.

ЖЕНЩИНА. Я поняла.

МУЖЧИНА. Мама спрашивала меня. Хочешь за неё?

ЖЕНЩИНА. Давай.

МУЖЧИНА. Мама спрашивала меня.

ЖЕНЩИНА. Зачем тебе уезжать? Чего тебе здесь не хватает?

МУЖЧИНА. И я говорил, что мне не хватает здесь чего-то настоящего. Ну того, что в кино показывают. Понимаешь? Тут жизнь абсолютно настоящая. Полностью приземленная. Водник, девятиэтажки, сугробы, падики, пыль и тоска. Ну, вот это всё. Это всё и есть сама жизнь. Типа город – это просто куча людей, которые живут рядом друг с другом. Ну и живут как умеют. И часто мы же не умеем жить. И нужно что-то, что ну, подскажет, как-то направит. Нужно нечто нездешнее, волшебное что ли, сказочное. А этого тут нет. Понимаешь?

ЖЕНЩИНА. Иногда кажется, что всё чуть волшебное.

МУЖЧИНА. И этого не хватает. Я смотрю кино. Вообще у меня ужасный вкус. Я смотрю какой-нибудь «Форсаж-6» или ещё какое-нибудь говно. И там всё плохо. Ну, почти всё. Или мюзикл какой-нибудь. «Мама Миа» там. Знаешь? Я каждый раз плачу. Ну, эти фильмы они, как бы без всего вообще. То есть, это по сути одна оболочка, а внутри как бы ничего. Ну да. И вот эти фильмы, они короче, вот такие же. У них только оболочка есть, но этого достаточно. Я смотрю на загорелых людей в Майами-бич и думаю.

ЖЕНЩИНА. Можно я попробую?

МУЖЧИНА. Давай.

ЖЕНЩИНА. И ты думаешь.

МУЖЧИНА. И я думаю.

ЖЕНЩИНА. Хорошо, что где-то там есть Майами-бич.

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Хорошо, что кто-то ходит по длинному пляжу.

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Хорошо, что про это снимают кино.

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Там так хорошо.

Мужчина молчит и смотрит на Женщину.

А здесь плохо.

Мужчина кивает.

Здесь, если честно, просто пиздец.

МУЖЧИНА. Вот поэтому мне нужно уехать, мама.

ЖЕНЩИНА. Я понимаю.

98

Пауза.

МУЖЧИНА. И я уехал, чтобы не возвращаться. И не взял тебя с собой. А теперь я здесь.

Пауза.

ЖЕНЩИНА. Ты вот сказал про маму. И я вспомнила. Недавно я подхожу к своему дому.

МУЖЧИНА. Ты там же живёшь?

ЖЕНЩИНА. Нет, я теперь возле парка Гагарина. Там ещё мечеть, знаешь?

МУЖЧИНА. Да, красивая мечеть.

ЖЕНЩИНА. И, в общем, я подхожу, а у подъезда стоит мой отец.

Босой человек вылезает из-под стола и смотрит на Мужчину и Женщину.

И говорит просто. Не, погоди. Ты же не знаешь предыстории. Он говорит мне. Привет, доча. А я и не знаю, что делать. Оглядываюсь, чтобы если что на помощь позвать. Ну и там где-то дети какие-то с мамашами гуляют и бабки у дома сидят. А отец заметил и, я вижу, напрягся сразу. И он говорит. Я поговорить хочу. Я его спрашиваю. А ты как меня нашёл-то? А он мне. А я всегда знал, где ты живёшь, что делаешь и с кем.

Босой человек садится на стол. Начинает играть аккордеон.

Я из маленького города очень далеко отсюда. Это были девяностые. И там было очень холодно и скучно. А когда холодно и скучно, люди вообще теряют себя. И вот. Тогда объявили какой-то конкурс красоты. Ну знаешь, всероссийский. И искали от каждой области кого-то. Ну, и в общем моя мама, она была очень красивая. И она участвовала в этом конкурсе. Ну условно, мисс Бурятия. Не смейся. И короче, в то же время к нам в город приехала какая-то экспедиция. Ну, типа геологи или кто там. Не знаю, нефть, может, искали. Экспедицию сначала тоже ждали. Люди почти из столицы, и кто-то даже вроде в Америке был, а это ну типа как космос. А как конкурс начался, все как-то

и потеряли интерес к экспедиции. Но они всё равно приехали. Несколько мужиков откуда-то с севера, Питер, может быть. Все в основном старые, но один был молодой и его оставляли отвечать на звонки, заполнять отчёты. И в общем, ему тоже было скучно. И он тоже заинтересовался этим конкурсом, вернее моей мамой. Он влюбился в неё. Точнее ему было скучно, а она была красивая, и он решил, что это и есть любовь. И в общем, они как-то встретились, и он ей говорит.

МУЖЧИНА. Я попробую.

ЖЕНЩИНА. Давай. И он говорит.

МУЖЧИНА. У тебя красивое лицо.

ЖЕНЩИНА. И она, наверное, сказала. Спасибо. И отдалась ему. И спустя какое-то время она забеременела. О конкурсе пришлось забыть. И люди вокруг очень злились на моего отца. Что вот приехал из своей столицы, соблазнил, обрюхатил, и вот-вот свалит. Но он не хотел уезжать без неё, хотел взять её с собой, говорил ей.

МУЖЧИНА. Там будет лучше, чем здесь.

ЖЕНЩИНА. И он просил её уехать, но она говорила, что хочет, чтобы ребёнок родился здесь. И он согласился. И начались роды. И они были тяжелыми. Ну, так говорят. Я этого не помню, ведь я только родилась. Мне это ничего не стоило. И вот я родилась, а мама умерла. И это было горе. Её хоронили всем городом. Отца не пустили на похороны. Его сильно избили. Он хотел умереть, хотел пойти и просто повеситься, но по пути ему встретился какой-то сумасшедший старик. Он был босиком, хотя был мороз, и с крестом, хотя

вокруг были одни дацаны. Он сказал моему отцу. Иди и люби свою дочь, она часть той, кого ты потерял. И отец пошёл любить меня. И я сбежала от него через шестнадцать лет и приехала к бабушке сюда.

Музыка обрывается. Босой человек уходит на кухню.

МУЖЧИНА. В Самару?

ЖЕНЩИНА. Да, бабушка тут жила.

Пауза.

МУЖЧИНА. Я не знал.

ЖЕНЩИНА. Да, я потому и рассказала тебе. Я раньше никому этого не рассказывала. И вот я подхожу к подъезду, и там стоит отец. И я замечаю, что он босиком. И он говорит.

МУЖЧИНА. Привет, я хочу поговорить.

ЖЕНЩИНА. Да-да. И я говорю. Давай, здесь, не хочу тебя в дом пускать. И он рассказывает, что после того, как я сбежала, бабушка сразу позвонила ему.

МУЖЧИНА. Вот сука.

ЖЕНЩИНА. И он хотел тут же приехать и забрать меня. И он поехал на поезде. И там опять встретил того старика, который босиком был. И они долго-долго говорили. И в общем, отец проехал мимо Самары и уехал куда-то на север. В монастырь. И был там всё это время. Но теперь там что-то случилось. То ли пожар, то ли он просто ушёл. И вот он теперь типа пришёл и хочет быть рядом. *(Пауза.)*

МУЖЧИНА. Так, и что? Что ты ему сказала?

ЖЕНЩИНА. На хуй послала. Что ещё?

Пауза.

О чём ты думаешь?

МУЖЧИНА. О тебе. Вернее, о себе. Точнее, о маме.

ЖЕНЩИНА. И что мама?

МУЖЧИНА. Она ничего. Наверное. Не знаю. *(Пауза.)* Я сегодня утром был в районе, где я вырос. Там такой, ну типа холм есть. И я стоял там и пытался отыскать глазами свой дом. Обычная такая девятиэтажка.

ЖЕНЩИНА. Кирпичная?

МУЖЧИНА. Не знаю. Ну, наверно.

ЖЕНЩИНА. С одним маленьким лифтом?

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. И все пластмассовые кнопки прожжены до черноты, и у них из-за этого такая странная форма.

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. И куча надписей.

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. И почти каждая с орфографической ошибкой.

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. И какие-то ты сделал сам.

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Кажется, я представила.

Пауза.

МУЖЧИНА. И я стоял на том холме и смотрел на дома. Я не сказал маме, что приезжаю. Думал, заеду как бы неожиданно. Оно ведь лучше будет. Да и звонить не хотелось. Я вообще не люблю ей звонить. И вот я нахожу глазами окошко кухни, ну, или там, где оно должно быть. Я стою и думаю. Нет, я лучше сам. Я стою и думаю.

Кто там теперь в кухне сидит? Мама, отец? Но отец ушёл почти сразу после меня, и тогда. Может, мама там одна? Или вдруг у неё появился кто-то. Ну, типа парень. Ну взрослый, я имею ввиду. Мужик. Мужчина. Так что может они там вдвоём сидят?

И может, пьют чего-нибудь дешёвое. Ну, типа Советского шампанского. Мама любит изысканность. Она не знает, что это такое, но знает, что шампанское – это изысканно.

Или, может быть, её мужчина там один. Ест вчерашний салат и пьёт кефир. И ему бы хотелось пива, но он живёт с моей мамой и не хочет её расстраивать.

И вот тут я стою и уже почти плачу.

Или мама сидит одна. И ей хочется выпить чего-нибудь изысканного и, может быть, надеть платье, но повода всё нет. Ей наверняка хочется какого-нибудь праздника, но одной – какой же тут праздник?

И я уже рыдаю.

И вот она сидит и пьёт чай из пакетика, и ест торт «Птичье молоко» из блюдечка. Она не любит сладкое. Но ест этот торт, потому что я его любил. Я на каждый день рождения просил купить именно его. А в него так сложно вставлять свечи. Глазурь ломается.

И вот она каждый день или, может, через день, ходит в «Пятёрочку» напротив и смотрит на этот самый торт. И там как бы специально есть прямо один ку-

сочек торта, ну то есть на одного, понимаешь? И вот она всё ходит день за днём мимо него и не покупает. А тут почему-то вдруг заходит и покупает. Проверяет срок годности, берёт тот, что лежит подальше. И хочет купить ещё шампанского, но там бутылки все большие. Нет таких, знаешь, маленьких. Чекушечек. Да и всё шампанское какое-то не наше. Стоит «Советское», но про него в сериале по ТНТ кто-то пошутил, что от него человека дрисало три дня. И вот она задумывается. И так долго стоит, что к ней подходит продавец и спрашивает.

ЖЕНЩИНА. Вам, может, подсказать?

МУЖЧИНА. Да, и это в «Пятёрочке», понимаешь? И вот она, моя мама, говорит.

ЖЕНЩИНА. Нет, спасибо.

МУЖЧИНА. Да, и она уходит. А я всё смотрю.

И вот она сидит на кухне, пьёт чай. На столе у неё кусочек торта «Птичье молоко», который она так и вываливает прямо на блюдечко. А блюдечко – это отдельная история, она очень любит это самое блюдечко, по особенным случаям его использует, никогда не понимал, чем они особенные – и вот она сидит. Она берёт ложку и отламывает кусок торта. И ей нравится торт, потому что он мне нравился. Но потом она почему-то морщится и больше не откусывает ни кусочка. И я всё это вижу. Как она допивает чай. Как заворачивает кусок торта в фольгу. Как убирает его в холодильник. Как она собирается гасить свет и зачем-то смотрит в окно. Знаешь, о чём я подумал?

ЖЕНЩИНА. О том, что ты хочешь достать огромную базуку или гранатомёт какой-нибудь.

МУЖЧИНА. Да, что-нибудь такое киношное, от-
чего всё нахер разлетится на части. Не знаю.

ЖЕНЩИНА. И выстрелить.

МУЖЧИНА. Чтобы всю эту маленькую жизнь –
к чертям. Вот так.

ЖЕНЩИНА. Чтобы кухню в щепки, пожар, взрыв
газового баллона, обугленное тело и выбитые стёкла.

МУЖЧИНА. И потом просто поехать домой.

Пауза. Мужчина берёт Женщину за руку.

Думаю, ты понравилась бы моей маме.

ЖЕНЩИНА. Я тоже так думаю.

Пауза.

Пиво закончилось.

МУЖЧИНА. Я принесу ещё.

ЖЕНЩИНА. Поищи что-нибудь поизысканнее.

Мужчина выходит.

Вот тут что. Если бы мне не было так одиноко сегодня,
что бы было тогда? Я бы молча сидела и листала
Инстаграм и ждала, пока он уйдёт. Но сегодня такая
одинокая ночь, поэтому неважно, что было бы, ведь
завтра, вероятно, это чувство никуда не денется. И
послезавтра, и даже потом. Оно затухнет весной,
рассыпется летом, а потом снова начнёт поддевать
и цеплять, и потом я снова буду сидеть где-нибудь,
может, не здесь, а ещё где. И будет такая же одинокая
ночь.

А я вот сижу посередине этой одинокой ночи, и она как будто уже не такая одинокая. Ведь я не одна. Кажется.

Возвращается Мужчина. В руках у него шампанское и два стакана. Женщина смотрит на него. Мужчина ставит всё это на стол, открывает бутылку и наполняет два бокала. Оба выпивают. Пауза.

МУЖЧИНА. О чём ты думала?

ЖЕНЩИНА. Когда?

МУЖЧИНА. Пока я был на кухне и искал стаканы.

ЖЕНЩИНА. Я думала о том, что это хорошо, что ты пришёл сегодня. Что ты зашёл весь какой-то немного сумасшедший, уставший и пьяный. Ты пил сегодня?

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Ты был за рулём?

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. Ты ехал домой?

МУЖЧИНА. Да.

ЖЕНЩИНА. А почему ты остановил машину и зашёл?

МУЖЧИНА. На улице была метель. И я хотел ехать быстро. Я хотел ехать быстро, чтобы, знаешь, если бы разбился, это была не моя вина. Понимаешь? Типа это несчастный случай. Не справился с управлением. Просто несчастный и всё. Но я ехал в этой метели, и приходилось ехать медленно. И я подумал.

ЖЕНЩИНА. Можно я за тебя?

МУЖЧИНА. Попробуй.

ЖЕНЩИНА. И ты подумал.

МУЖЧИНА. Да, и я подумал.

ЖЕНЩИНА. Если я не сделаю что-нибудь прямо сейчас, я что-то упущу.

МУЖЧИНА. Да, это похоже.

ЖЕНЩИНА. И ты остановил машину и зашёл сюда.

МУЖЧИНА. Да.

Пауза.

Я вспомнил, что хотел спросить, как только зашёл сюда.

ЖЕНЩИНА. Что?

МУЖЧИНА. У вас там парковка разрешена?

ЖЕНЩИНА. Нет, там автобусная остановка. Но сейчас ночь – всем плевать.

МУЖЧИНА. Да, наверное, так.

Мужчина и Женщина наблюдают за тем, как идёт снег.

ЖЕНЩИНА. Завтра бы на санках.

МУЖЧИНА. Что?

ЖЕНЩИНА. Вот в детстве просыпаешься ночью и смотришь в окно. А там вот так снег падает и падает, и думаешь.

МУЖЧИНА. Завтра бы на санках.

ЖЕНЩИНА. И так хорошо засыпаешь с этой мыслью, и утром выглядываешь из окна, а там ещё сильнее всё завалило, даже сильнее, чем ты вообще думал. И ты думаешь.

МУЖЧИНА. Сегодня будет отличный день.

Женщина наполняет оба бокала. Оба выпивают.

ЖЕНЩИНА. Давай займёмся любовью.

МУЖЧИНА. Давай.

Мужчина и Женщина занимаются любовью. В какой-то момент открывается дверь и входит Витя с Настей на руках. Настя без сознания.

Мужчина и Женщина оборачиваются.

5. Мы вызвали скорую

ВИТЯ. Эй, чо есть кто живой? Ба. *(Замирает.)* Пardon, ребята. Тут просто женщина. Она почти насмерть замерзла. Нужно как-то было. *(Стоит с Настей на руках и не знает, куда её девать.)*

ЖЕНЩИНА. Насмерть?

Женщина надевает то, что успела снять, и зачем-то фартук. Мужчина стоит неподвижно.

ВИТЯ. Ты через слово, что ли, слушаешь? Говорю, почти. Почти насмерть.

ЖЕНЩИНА. То есть, она жива?

ВИТЯ. Ну да, говорю же. Да прикинь, (*смотрит на Мужчину*) прикиньте. Короче, едем мы вдоль обочины. И тут я смотрю – бац, тачка стоит на аварийке. Ну мы короче сигналим ему. Он не двигается. А тачка-то, ну, она мешает типа. Нам же надо снег сдвинуть. Мы короче стоим, сигналим. Ну и короче чо – немая сцена. Ну вот так какое-то время. Я говорю: бля сука, ну что за хуйня, говорю, Савчик, стопудово парканулись, говорю, чтоб поебстись. Ну, я не против так-то. Это же можно. Но не посередине же, блядь, дороги. Ну и короче я подхожу. Это жость. Стучу в стекло так осторожно. Жду. Ну, типа чтоб парень штаны-то хоть натянул, а девчонка прикрылась. Жду. И ничего. Я ещё стучу.

ЖЕНЩИНА. Да вы положите её хотя бы.

Витя смотрит на Настю. Кладёт её на стол, возле которого стоит Мужчина. Мужчина вдыхается в лицо Насти. Женщина смотрит на Мужчину.

ВИТЯ. Вот я debil, конечно. Долго бы так стоял. Так долго у меня женщины на руках не задерживаются обычно. Ну и короче. Стучу ещё и ещё. И ничего. А я главное слышу голос какой-то внутри. Ну, в машине в смысле. Думаю, суки, ну я же слышу, что вы там разговариваете. Стучу-стучу как дятел какой-то. Заебало. Думаю. Ну, ладно чо, извиняйте. Дергаю ручку. А там в общем только вот эта девчонка на пассажирском. И не шевелится. И больше никого. Я смотрю, думаю – мёртвая. Ну, она реально белая вся вон. Я думаю: пиздец, ну хоть выходной дадут. Думаю. Короче. Обхожу

тачку, открываю дверь. Проверяю пульс. Живая. Думаю: слава богу. Но, сука, выходной обломался. Я её по щекам, кричу ей. Девушка! Девушка-а! Она – ноль. В невменозе. Я опять её зову. И тут мне какая-то хуйня говорит: она спит, потому что устала.

Смотрю короче это навигатор, прикиньте? Я говорю: иди ты на хер, Наташа или как там тебя. И она короче включает юмор FM. Хер знает – какой-то дурдом. Ну, мне чо оставалось? Девчонка-то почти померла. Вон дубак какой. Я оглядываюсь. Тут вывеска горит. «Вабисаби». Думаю, ну просто какой-то дзен-буддизм. Ну, я девчонку в руки и сюда. Вот и всё.

Женщина всё ещё смотрит на Мужчину. Тот – на Настю.

ВИТЯ. Вы уж извините, что так получилось. Не хотел мешать. Мы вызвали скорую. Скоро они будут здесь. Ну, точнее. Там так дороги замело. А чистить некому. Так что... У вас тут есть что-нибудь поесть?

ЖЕНЩИНА (*машет в сторону кухни, Вите*). Посмотрите в холодильнике.

Витя выходит на кухню. Женщина подходит к Мужчине. Оба смотрят на Настю. Возвращается Витя, следом за ним идёт Босой человек.

ВИТЯ. Одна рыба. Ненавижу рыбу. Слушайте, а этот с вами?

Мужчина и Женщина смотрят на Босого человека.

ВИТЯ. А ты чо босиком? Ёбнутый, что ли? Холодно же. А, пол моешь? А, ну ладно. Ну, не стой, не стой. Иди дальше мой.

Босой человек отходит в сторону.

А вы при нём, что ли, прям?

ЖЕНЩИНА. Он просто здесь работает. Отстаньте от него.

ВИТЯ. Да я чо? Я так просто.

Мужчина смотрит на Босого человека, затем на Женщину.

ЖЕНЩИНА (глядя на Настю). Красивая.

МУЖЧИНА. Да-а.

Витя достаёт бутылку, отпивает из неё, убирает обратно и оглядывает помещение.

ВИТЯ. А «Вабисаби» – это чо-то значит или так просто?

МУЖЧИНА. Ваби-саби – обширная часть японского эстетического мировоззрения: «Ваби» ассоциируется со скромностью, одиночеством, не яркостью и внутренней силой; «саби» – с архаичностью, неподдельностью, подлинностью. Атмосферу ваби-саби передает осенний сад или тусклый лунный свет.

ВИТЯ. Эвона как. Да. Скромность, одиночество, не яркость и внутренняя сила. Хорошо, да, хорошо.

Витя достаёт из кармана бутылку, делает большой глоток и убирает бутылку обратно.

ВИТЯ. Я всё-таки думаю, что не Европа мы. Ну, никак.

ЖЕНЩИНА. Вы о чём?

ВИТЯ. Я о судьбе нашей. О России.

ЖЕНЩИНА. А вы чего об этом вдруг заговорили?

ВИТЯ. Я? Да просто. У меня напарник. Ну, второй водила – Савчик.

МУЖЧИНА. А где он сейчас?

ВИТЯ. Савчик-то? Мусоров ждёт. Я бы сам дождался. Из нас я, как бы сказать, более деловой, представительный. Ну, могу кого угодно уболтать. Но просто я немного пригубил, пока мы катались, то есть, улицы чистили. И как бы это ничего, я в любом состоянии водила – ас, ну при ментах как-то неловко. Вопросы будут всякие албанские задавать. Нахер оно надо? Я ему так и сказал. Ты мусоров жди, а я пока девчонкой займусь. Говорю, ну, а ты как хотел? Всё как в жизни.

МУЖЧИНА. Понятно.

ВИТЯ. Мы с ним вообще в паре работаем. Ну, то есть на двух машинах. Но иногда тут такая тоска и холод, что мы вторую машину бросаем на аварийке где-нибудь и катаемся вдвоём. Ну, город убираем, то есть. И вот когда мы так вдвоём, мы частенько говорим про судьбу нашу.

ЖЕНЩИНА. Вас и Савчика?

ВИТЯ. Про судьбу русских.

ЖЕНЩИНА. А, понятно.

ВИТЯ. И вот он мне всё: мы же европейская страна, как такое может быть? И вот талдычит это посто-

янно. Я ему говорю: Савушка, мы в Самаре – разве это Европа?

МУЖЧИНА. Ну, вообще-то да.

ВИТЯ. В смысле?

МУЖЧИНА. Ну, Самара – это Европа.

ВИТЯ. Реально?

МУЖЧИНА. Географически – да, Самара – это Европа.

ВИТЯ. Ну ладно, пусть географически мы хоть Париж. Похер. А в принципе? Я говорю: Савелий, ты в Москве когда в последний раз был? Вот я туда часто езжу по делам. И короче. Говорю ему, ты съезди, посмотри на столицу европейской страны. Зайди в Макдак или Киэфси. Много ты там европейских лиц увидишь? Да дело даже не в лицах, говорю, там всё в глазах. Говорю, нет, не в том, что они там все узкоглазые, они-то хоть работают, нет. Посмотришь в их глаза, а там, знаешь, ну абсолютная такая безнадёга. Ну, а откуда ей взяться, надежде-то. Платят, пусть там, может и получше, ну так там и цены – ебануться можно. А оттого, что нет надежды, люди все как звери. Ну, не бросаются, конечно, друг на друга, ну вот чувствую, что сейчас костью от крылышка подавлюсь и всё – пиздец, прощай Вася, то есть Витя. Все будут смотреть и нихрена не сделают. Не потому, что они там злые. Просто почему-то не сделают. Ну, не хочу так говорить, конечно, но как стадо. Тупое стадо короче. А ты, говорю, Савчик, говоришь: Либерте, Эгалите, Фратерните. Париж, говоришь. Европа. Нам, говорю, там ближе всех эти коровы, которые на вершине Альп пасутся. Из рекламы сыра, знаете? Вот это

наш предел. Наша идея. Национальная, так сказать. И вот прибегают какие-то кочевники и просто говорят: теперь вы наше стадо, продолжайте ни хера не делать. И мы стоим, продолжаем, врубаемся?

Ну, короче я о чём. Это варварство. Это татарство. Это монгольство. Это дикость короче. Какая в жопу её раком Европа?

ЖЕНЩИНА. Вы, получается, славянофил?

ВИТЯ. Да не, почему? Я нормальный.

Пауза.

Не, ну мне в принципе как-то похер. Ну, то есть, там кто с кем и кто кого. Это как бы ну дело каждого. У меня много есть таких. Ну, немного ладно, но есть. И я им говорю, вы просто не попадайтесь на глаза лишний раз, и всё у вас будет заебумба. А то там начнется – парады и всё такое. Вот прикиньте у нас вокруг Куйбышева начнут пидоры ходить? Мне вот коммунистов хватает, честное слово. *(Достаёт бутылку и делает глоток.)* Я в принципе, как это говорят, толерантный короче. Ну, то есть, мне как-то похер. Ну вот реально. Просто. Ну, каждой твари по паре, как говорится. Ну, то есть. Я в принципе не против, когда к нам тут из всяких Станов приезжают и пытаются тут как-то устроится. Они ведь тут живут все вместе. Ну, то есть. Не попережку, а как-то они – там, мы – тут. Ну и короче.

ЖЕНЩИНА. То есть, вы за расовую сегрегацию?

ВИТЯ *(убирая бутылку)*. Ну, в принципе, можно и так сказать. Типа вот они приезжают сюда, живут,

работают. И всё нормально. Ну, то есть. Они не пытаются там типа уж замуж невтерпеж. Ну, то есть. У нас вот девчонки какие – ух, и – много. Зачем тут эта, ну, экзотика короче? Ну и с парнями также. У нас все парни-то, ну пусть не все, ладно, но в основном лучше. Ну, с эстетической точки зрения. Ну, это как по мне. *(Внимательно смотрит на Женщину.)*

ВИТЯ. Ну, вот ты – красивая. Ну, вот реально же красивая. Я думаю, это и у вас там все понимают, правильно? И как бы, ну, для экзотики ты реально – ну, класс. Но вот какое дело. Я тут короче захожу, а вы тут вот вдвоем. И это отлично, супер. И вот я вхожу сюда с этой девчонкой. Посмотри на неё. Красотка. Волосы, кожа, фигура. Я не разглядел, но расщупал. Поняла? И вот с тех пор, как я вошел, этот-то так и глаз не сводит с неё. Да ты не дергайся. Это нормально. Это ты инстинктивно чисто. Всё путём. Чо тут обижаться? Правильно говорю? *(Достаёт бутылку.)* У меня тут ещё осталось. На донышке. Хотите?

Женщина кивает.

Это хорошее дело. *(Обращается к Босому человеку)* Эй отец, стаканчики принеси. Сколько? Ловелас, ты с нами?

Мужчина кивает.

Вот это дело. Да ты не переживай. Жива она. Дышит нормально. Очнётся, будет тебе новая невеста. Отвечаю. Отец, ну чо ты только три-то принёс? А сам? Ну, как знаешь.

Витя разливает водку, передаёт стаканы Мужчине и Женщине.

ВИТЯ (*оглядываясь на окно*). В такую погоду бы на санках кататься, а не водку пить, но...

Пауза.

Ну, коллеги. За спасённую жизнь в эту тёмную ночь. До дна.

Все выпивают. Слышны сирены Скорой и полицейской машин.

О, врачи с мусорами приехали. Мы спасены.

Громко играет аккордеон.

Сцена 3.

Самара навсегда

То, что вы пропустили. Карета скорой помощи доставила Настю в Самарскую ГКБ №8. Полицейский «Логан» доставил Мужчину, Женщину и Витю в Первое отделение полиции города Самары по Кировскому району.

Интермедия с Дежурным врачом и Первым Полицейским

Выходит Дежурный врач и зачитывает отзывы на Самарскую клиническую больницу №8.

ДЕЖУРНЫЙ ВРАЧ.

Теги: хорошее отношение, гнойное отделение, защитный фартук, врачи.

Общая оценка: 3,4

Марина, знаток города 3-его уровня

Печально. Приехали утром на скорой с высокой температурой и болью в груди. Час сидели, ждали врача. Медсестра нам объявила, что даже если у больного пневмония, нас не положат, потому что мест нет и в коридоре. Помимо общих анализов, отправили на рентген. Оказывается рентген грудной клетки можно делать в одежде! Ну и защитный фартук на том самом рентгене тоже не выдают. Итог: оказанная помощь – обследование, диагноз – неверный!

Оксана, знаток города 3-его уровня

В октябре делала там операцию. Врачи мне очень понравились, хорошие и понимающие. А вот кухня у них оставляет желать лучшего. Наверное зависит от поваров. Одна смена хорошо готовит, а другая есть невозможно.

Андрей, знаток города 7-ого уровня

Персонал очень хороший. Что не скажешь про содержание. В палате тараканы, в матрасах клопы и это не у одного, только за это одна звезда. Возможно не проводят прожарку матрасов, подушек и одеял. Постельное бельё чистое. В палатах убирают постоянно.

Ольга, знаток города 3-его уровня

Привезли на скорой, да канечно внимания особого не было. Лежала в проходе. Но перевели в оплату другое дело. Хотя и пять мест, но бабульки, класс. А

врач, так вообще чудо. Приветлива со всеми, объяснит, по полочкам розложит, всегда улыбается. Татьяна Михайловна Блинова, Спасибо Вам! Спасибо за Ваши руки!

Михаил, знаток города 8-ого уровня

Больница застряла в 90х. По моему самая худшая в Самаре. На окраине в бедном районе. Короче бомжатник.

Юрий, знаток города 13-ого уровня

Рекомендую, если заболел, то надо сразу в эту больницу с гарантией потом в морг

Виталий, знаток города 6-ого уровня

Ездил к жене. Обслуживание на уровне, но всё за бабки □

Ден, знаток города 7-ого уровня

Ужасная больница, сразу пытаются разводить на деньги.

Светлана, знаток города 4-ого уровня

Ужасная хирургия, режут на живую, и забывают про тебя

Ольга, знаток города 6-ого уровня

Хорошее отношение к больным молодцы □

Оксана, знаток города 14-ого уровня

Не очень больничка...

Дежурный врач кланяется и уходит.

Выходит Первый Полицейский и зачитывает отзывы о Первом отделении полиции города Самары.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

Теги: душевное место, положительный результат, детская площадка

Оценка: 3,9

Михаил, знаток города 3-его уровня

По ул Енисейская дом 4 задолбали алканафты сидеть каждый день бухать, жечь костры на детской площадке. Неужели нет управы на них. Сколько раз обращались в 102, никакого положительного результата в пользу мирных и законопослушных граждан живущих в этом доме и в домах рядом

Валерий, знаток города 4-ого уровня

Звонил отдел полиции номер 1 ожидайте ответа и это я слышал 5 раз по 40 минут!!! До здравствуй наша полиция Кировского района

Роман, знаток города 7-ого уровня

А мне повезло, приняли, заявление рассмотрели. Дежурный оказался нормальным.

Светлана, знаток города 3-его уровня

Очень благодарна работе полиции отделения номер один, в особенности оценен подход к рассмотрению дела и оперативность. хочу поблагодарить участкового, младшего лейтенанта полиции Перепелкина Сергея Юрьевича.

Сева, знаток города 2-ого уровня

Очень душевное место

Артём, знаток города 2-ого уровня

Спасибо ребятам из отдела, не проехали мимо и вытащили машину из снега

Первый Полицейский кланяется и уходит.

1. После сна

Мужчина, Женщина, Босой человек и Витя сидят рядом в камере Отделения полиции. Мужчина и Женщина спят. Женщина – на плече Мужчины. Босой человек смотрит перед собой. Витя не знает, куда себя деть.

В камере очень сильно натоплено. За окном темно.

Женщина начинает заваливаться на Мужчину, Мужчина – на Витю.

ВИТЯ. Э, слышь. Аккуратнее, ну.

Витя легонько отпихивает Мужчину, но тот продолжает падать.

Ну чо ты? Аккуратнее. (Снова отпихивает.)

Мужчина и Женщина продолжают спать.

(Босому человеку). Отец, эй, отец.

Босой человек не реагирует.

Полная комната народу, а поговорить не с кем. А потом ещё все удивляются, что живём так, как живём.

Мужчина и Женщина снова заваливаются на Витю.

ВИТЯ. Да бля.

По коридору проходит Первый Полицейский.

(Первому Полицейскому). Эй, начальник. Начальник! Эй!

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Чего тебе?

ВИТЯ. А можно меня в другую камеру пересадить?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не положено.

ВИТЯ. Почему?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не положено.

ВИТЯ. Начальник, ну, с ними вон невозможно сидеть. Посмотри на них.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ *(оглядывает камеру)*. И чо с ними?

ВИТЯ. Да ты посмотри, какие они скучные.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это те, что при старике ебались?

ВИТЯ. Ну, любовь. Сам понимаешь. Холодно, то-скливо. Вон как снег сегодня валил. *(Через паузу.)* Дороги нечищенные небось. А чистить некому.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Почему некому?

ВИТЯ. Я же здесь. Вот и некому.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не один ты у нас дворник.

ВИТЯ. Я не дворник! Слушай, начальник, а это надо долго ещё? Мне бы на работу вернуться. Не оплатят же нихера.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну-ка завалил мне. Чо ты хочешь?

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*подходит*). Что тут?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Этот говорит, чтобы мы его отпустили.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Оригинально.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Говорит, снега много намело, а чистить некому.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Так у нас вон двор нечищенный. А ты дворник, что ли? А то лопату дадим, нам не жалко.

Витя молчит.

Эй, я тебя спрашиваю. Ты дворник?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Он водитель уборочной машины.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*оглядывает камеру*). А, так это они! Вы, ребята, просто нахер герои Тарантино.

Первый полицейский кивает.

Ещё б перестрелку замутили, вообще бы было как в Голливуде. Мы над протоколом всем отделом ржали. Ща, как же там было? (*Пытается вспомнить.*) Во. Ща. Я вхожу в помещение с неизвестной мне гражданкой на руках и вижу, как два гражданина совокупаются, а третий гражданин – в скобках – преклонного возраста, наблюдает за происходящим. Гениально. Ты автор? (*Улыбается.*) Так чем ты недоволен?

ВИТЯ. Тут поговорить не с кем.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну, вот мы с тобой разговариваем.

ВИТЯ. Вы ведь уйдёте.

Оба Полицейских переглядываются.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну, вон этот не спит.

Оба Полицейских и Витя смотрят на Босого человека. Тот смотрит перед собой, не реагирует.

Хотя он похоже до сих пор в ахуе. Преклонный возраст всё-таки.

Оба Полицейских смеются. Витя пытается улыбнуться. Второй Полицейский замечает это и тут же меняется в лице.

Ты чем недоволен, гражданин? Протокол подписал – сиди жди.

ВИТЯ. Я вообще не понимаю, почему я здесь сижу.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ты опять?

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну-ка, ну-ка.

ВИТЯ. Да не, ничего. Значит нельзя в другую камеру?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не положено.

ВИТЯ. Тут других нет, что ли?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Есть другие.

ВИТЯ. Ну, так и что?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Туда нельзя.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А почему?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Там нетоплено. Холодно.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну вот, сам видишь, гражданин, о тебе же заботимся. Скоро отпустим, не ссы.

ВИТЯ. Спасибо.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Рады служить.

Оба Полицейских собираются уходить.

ВИТЯ. Всех?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Чо всех?

ВИТЯ. Отпустите всех?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не твоё дело.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ты это, если скучно, девчонку разбуди. С ней всяко веселее. Старика только нам не попорти – мировой мужик. Вон смотри.

Первый и Второй Полицейские смеются и уходят. Витя переводит взгляд на Женщину. Хочет тронуть её за плечо.

ЖЕНЩИНА. Не вздумайте.

ВИТЯ. Я думал, вы спите.

ЖЕНЩИНА (*открывает глаза*). Ну, я спала, пока вы не начали вести светские беседы.

ВИТЯ. Простите, ради бога.

ЖЕНЩИНА. Мерзкие они.

ВИТЯ. Они же менты. Вы чо хотели?

ЖЕНЩИНА. Не знаю. Спать хотела. Вы тоже, конечно. Скучно?

ВИТЯ. Не могу в тишине сидеть.

ЖЕНЩИНА. Ну, давайте поговорим.

ВИТЯ (*оживляясь*). О чём будем говорить?

ЖЕНЩИНА. Да всё равно. Я могу и помолчать. (*Смотрит на него.*) Ну что?

ВИТЯ (*кивая на Босого человека, шёпотом*). Слышь, а почему он босиком?

ЖЕНЩИНА. Я не знаю. Он так ко мне и пришёл. Сначала подумала обокрали. Но нет, он всё время такой.

ВИТЯ (*шёпотом*). А чо это за мужик-то?

ЖЕНЩИНА. Это мой отец.

ВИТЯ (*шёпотом*). И чо с ним?

ЖЕНЩИНА. Он вроде монаха. Юродивый типа.

ВИТЯ (*шёпотом*). Юродивый?

ЖЕНЩИНА. Да вы не шепчите. Ему всё равно. Он не здесь сейчас.

ВИТЯ (*перепуганно*). В смысле не здесь?

ЖЕНЩИНА. Ну, знаете говорят: мыслями не здесь.

ВИТЯ. Нет. Ни разу не слышал.

Пауза.

Так он здесь или нет? Я понять не могу. Я совсем что ли ёбнулся сегодня?

ЖЕНЩИНА. Я тоже об этом думала, пока вы с ними разговаривали.

Пауза.

ЖЕНЩИНА. Физически он здесь, перед вами сидит, но во всех остальных смыслах он не здесь.

ВИТЯ. А где?

ЖЕНЩИНА. Да бог его знает, летает где-нибудь.

ВИТЯ. Летает?

ЖЕНЩИНА. Да.

Пауза.

Вы мечтали когда-нибудь?

ВИТЯ. Я? А что?

ЖЕНЩИНА. Я беседу пытаюсь завести.

ВИТЯ. А. Ну да. Мечтал. Как не мечтать-то.

ЖЕНЩИНА. Ну, и о чём вы мечтали?

ВИТЯ. О том, чтобы царь был жив.

ЖЕНЩИНА. Чего?

ВИТЯ. О том, чтобы был жив царь наш. Как там его?

ЖЕНЩИНА. Да какой царь-то?

Мимо проходит Второй Полицейский.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. О, нашёл с кем поговорить? О чём разговариваете?

Витя хочет ответить, но Женщина его опережает.

ЖЕНЩИНА. Ни о чём.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы главное не пытайтесь убежать. А то глупо выйдет. Отпустим вас и так.

ЖЕНЩИНА. Всех отпустят?

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не ваше дело. *(Смягчается.)* Не могу знать. Сейчас там рассмотрение идёт. Все читаем протокол. Будем решать, что делать. Ну, не буду мешать.

Второй Полицейский подмигивает Вите.

(Женщине.) Он к вам не пристаёт?

ЖЕНЩИНА. Нет, всё нормально, спасибо.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да не за что.

Второй Полицейский уходит.

ЖЕНЩИНА. Какой царь-то?

ВИТЯ *(оглядываясь)*. Где?

ЖЕНЩИНА. Вы сказали, что мечтаете о...

ВИТЯ. О том, чтобы царь был жив.

ЖЕНЩИНА. Ну, вот. Вы про какого?

ВИТЯ. А их много было?

ЖЕНЩИНА. Ну, да.

ВИТЯ. Вот блин. А какой из них умер?

ЖЕНЩИНА. Думаю, что все.

ВИТЯ. Ну, этот. Последний. Из-за которого вот это всё?

ЖЕНЩИНА. Николай?

ВИТЯ. Ну, наверное.

ЖЕНЩИНА. И почему вы бы хотели, чтобы он был жив?

ВИТЯ. Ну, чтобы он потом своему сыну всё передал, а он дальше.

ЖЕНЩИНА. Так вы хотели бы, чтобы у нас была монархия?

ВИТЯ. Это где царь?

ЖЕНЩИНА. Да.

ВИТЯ. Тогда да.

ЖЕНЩИНА. И зачем? Лучше бы разве жили?

ВИТЯ. Конечно, лучше. Вы вот представьте, что всё точно так же бы сегодня случилось. Я захожу с тёлкой в отключке, застаю вас трахающимися на столе, и...

ЖЕНЩИНА. Я поняла.

ВИТЯ. Ну вот всё тоже самое. Увезли бы в мусарню, задавали бы те же самые вопросы.

ЖЕНЩИНА. Да-да.

ВИТЯ. Вы бы уснули у него на плече, он бы начал заваливаться на меня. И я бы был недоволен. И было бы так же скучно.

ЖЕНЩИНА. И что дальше?

ВИТЯ. Но вот только я бы знал, что у нас где-то есть царь или царица. А у них там всякие царевичи и царевны.

ЖЕНЩИНА. И что?

ВИТЯ. Ну, лучше было бы.

ЖЕНЩИНА. Чем?

ВИТЯ. Ну, я бы вот у вас спросил. Слышали, царь-то наш новый дворец отгрохал? Я на Ютубе видел, как его с квадрокоптера снимали. Красивый такой, здоровый. В лесу. И сразу бы как-то лучше стало, что вот мы сидим в душной камере, за окном валит снег, и вообще это какая-то ужасная ночь, а где-то там есть царь и его семья. И он живёт хорошей счастливой жизнью. И ты думаешь: ну, хоть у него всё хорошо, и ладно.

ЖЕНЩИНА. Да.

Пауза.

ВИТЯ. А вы как познакомились-то?

ЖЕНЩИНА. Он зашёл просто поесть. Заказал колу и роллы «Филадельфия».

ВИТЯ. Ты уж извини. Я не хотел. Знал бы, что всё так будет. Оставил бы её там, и хер бы с ней. Лучше бы было. Нам всем.

ЖЕНЩИНА. Да.

ВИТЯ. Идёт.

ЖЕНЩИНА. Кто?

ВИТЯ. Мусор по коридору идёт. Слышишь?

Витя и Женщина прислушиваются.

Это Первый который. У него плоскостопие похоже – шаркает сильно. Я детдомовский. Навык.

Подходит Первый Полицейский.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да уж, и правда скучно у вас тут. Там к телефону.

ЖЕНЩИНА. Кого?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Главного героя. Разбудите его.

МУЖЧИНА. Я не сплю.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. К телефону.

МУЖЧИНА. Кто звонит?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Девушка твоя. Ну, та которая, не эта. Говорит, позовите его к телефону. Я вот и зову.

МУЖЧИНА. Орала?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да. Ну, я её понимаю. Хотя и тебя теперь тоже. Такая стерва.

Первый Полицейский выпускает Мужчину, закрывает камеру. Оба уходят.

ВИТЯ. А что если она скажет: прощаю тебя, приезжай?

ЖЕНЩИНА. И что?

ВИТЯ. Да я так просто. Поддержать хочу.

ЖЕНЩИНА. Херово выходит.

ВИТЯ. Да всё путём будет. Он парень дельный, всё разрулит. Ты ему явно понравилась. Ща она скажет. Как там её зовут?

ЖЕНЩИНА. Я не знаю.

ВИТЯ. Ну, допустим, Настя. Она скажет ему.

ЖЕНЩИНА. Можно я попробую за неё?

ВИТЯ. В смысле?

ЖЕНЩИНА. Ну, реплику скажу за неё.

ВИТЯ. Ну, скажи.

ЖЕНЩИНА. Нет, вы начните заново, а я потом продолжу.

ВИТЯ. Что заново? Зачем?

ЖЕНЩИНА. Ну, скажите ещё раз, что вы там говорили.

ВИТЯ. Всё нормально будет.

Женщина пожимает плечами. Пауза.

БОСОЙ ЧЕЛОВЕК. Он подходит к телефону и берёт трубку. Алло?

Витя и Женщина поворачиваются к Босому человеку.

Он говорит ей. Я очень долго жил как бы не своей жизнью. Знаешь, типа как будто смотришь очень длинный сериал, и там очень много сезонов. И действие так медленно развивается, что если пропустишь несколько серий, то в принципе и похер как-то. И вот я так живу. Как бы даже не все серии смотришь, понимаешь?

Начинает играть аккордеон.

И она ему говорит. Да, я понимаю. Я очень устала. И он говорит. Да, я знаю. И он спрашивает. Как ты себя чувствуешь? И она говорит. Нормально, я что-то переборщила с Аперолем. Ты же знаешь. И он перебивает. Тебя от него клонит в сон. И она говорит. Да, прямо сшибает. И я зачем-то много выпила его. Нажралась короче. И я, на самом деле, ещё на твоём

выступлении начала вырубаться. Так что не помню ничего. Как прошло? И он говорит. Да нормально, только никто не смеялся. И она говорит. Знаешь, Саша, у тебя очень дерьмовые шутки. Прости, что говорю это. И он говорит. Я сегодня разговаривал с навигатором, ну, типа который у Яндексa. С приятным женским голосом. И она смешно пошутила, а я сказал, что это не смешно. И она говорит. Я поеду, Саш. Самолёт уже скоро. Передавай привет маме. Я бы хотела с ней познакомиться, но уже, наверное, не буду. И он говорит. Да, наверное. Ну пока. И он вешает трубку.

Аккордеон умолкает.

ВИТЯ. Я скучаю по Савчику. Второй водила, помнишь?

Женщина кивает.

Он ведь, наверное, сидит внизу и ждёт.

ЖЕНЩИНА. Это хорошо.

ВИТЯ. Он меня спросил как-то. Витёк, а мы друзья? И знаешь, я расплакался и сказал. Навсегда, братан. Навсегда. И потом он мне сказал. Знаешь, братан, без тебя я бы давно съехался из этой Самары. Это ведь такая дыра.

ЖЕНЩИНА. Да.

ВИТЯ. Это ведь – навсегда. Ты знаешь?

Женщина кивает.

Это хорошо.

Слышно, как кто-то идёт по коридору. Появляются Первый и Второй полицейские.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не помешаем веселью? Ладно. У вас тут так уныло, хоть вешайся. Короче.

Первый Полицейский открывает камеру.

Больше не задерживаем.

ВИТЯ. Что случилось?

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ничего не случилось. Позвонили из больницы и говорят. Слышь, Антоныч, будешь за больницу?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Легко.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Короче звонят и говорят.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы нахер нам её привезли?

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я говорю. Так она еле дышала, говорю, как иначе, так по инструкции нужно. А мне там в трубку.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да она набухалась просто. Пятница же, вы чо? В какой реальности живёте? А эти санитары наши. По инструкции тоже блядь работают. Положили на койку, руки и ноги ремнями привязали и начали одежду разрезать. Тут она и очнулась. Такой ор подняла, что главный врач на той стороне реки проснулся. И я её не виню, если честно. Короче, выписываем её нахер. И она теперь вас к телефону требует.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. И в общем, беру я трубку. Говорит, к вам у меня никаких претензий нет. Я говорю. Так ваш молодой человек, пока вы спали, совокуплялся с другой гражданкой. И она говорит.

Второй полицейский машет рукой Первому.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А я тут при чём? Меня за это нужно ремнями привязывать и разрезать блузку за десять косарей?

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Прикиньте, десять косарей за блузку?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В общем, вы свободны.

ВИТЯ. Спасибо, начальник.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

Ночь кончилась. Утро

Наступило. Почти вошло солнце.

Новый день.

ЖЕНЩИНА. Это хокку?

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Всё хокку, если умешь слушать.

Женщина и Витя направляются к выходу.

Стоять!

Женщина и Витя останавливаются.

Мы же вас тут в правах не ограничивали? К унижениям разного рода не принуждали.

ВИТЯ. Нет, начальник.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А вас девушка?

ЖЕНЩИНА. Да вроде бы нет.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну вот и хорошо. То есть, вы бы могли сказать, что для ментов мы вполне сносные?

ВИТЯ. Более чем, гражданин начальник.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А вы?

ЖЕНЩИНА. Да я не знаю, менты как менты. Я редко сталкивалась как-то раньше.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Оно и видно. *(Вите.)* Ты-то бывалый, вон какой вежливый. А вы, девушка, к обычным ментам не попадали просто. Там такое бывает...

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну-ну, не нужно всеу, Антоныч, о коллегах. Но вообще, да, люди бывают таким говном. Вы вот такими не будьте. Оставьте отзыв на Отделение номер один. Смотрите не перепутайте.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. У нас третий рейтинг в городе. И мы в отличие от других мёртвых душ не имеем.

ВИТЯ *(испуганно)*. В каком смысле?

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да, не будем показывать пальцем, *(показывает два пальца)* но некоторые особо нечистоплотные личности не отпускают людей домой, пока те отзыв не напишут. Мы так не работаем. Мы по-отечески. Ласково. Напишите?

ВИТЯ. Напишем, и друзьям расскажем, и их попросим.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вот этого не надо, гражданин. Нам честное мнение нужно о нашей работе.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Иначе откуда мы узнаем, как нам работать? Может, мы что-то не так делаем.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. И наш моральный долг в том, чтобы задавать этот вопрос себе каждый день. Свободны, граждане.

Женщина и Витя уходят.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

Запад или Восток –

Всюду одна и та же беда.

Ветер равно холодит.

Содрогнись, о холм!

Осенний ветер в поле –

Мой одинокий стон.

Там, где родится поток,

Низко склонилась ива:

Ищет ледник в земле.

Иней его укрыл,

Стелет постель ему ветер...

Брошенное дитя.

Пауза.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Красиво.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Сам написал?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не, это старик всё бормотал, пока мы ехали в отделение. Я вот запомнил почему-то. Как будто это он про нас прямо говорил.

Оба Полицейских смотрят на Босого человека в камере.

Эй, ты чо расселся. Отец – свободен.

Босой человек не двигается.

Отец, эй.

Первый полицейский стучит дубинкой по прутьям. Босой человек не двигается, продолжает смотреть перед собой.

Мужик, ты чо? Вставай говорю, свободен!

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Так, слышь. Ну-ка встать!

Босой человек не двигается. Первый полицейский заходит в камеру, трогает его пульс и мотает головой. Второй полицейский переводит взгляд на зарешеченное окно.

Надо скорую вызвать.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Этих вернуть?

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не, ещё успеем.

Пауза.

Завтра хоть на санках кататься — столько намело.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да уж.

Играет аккордеон.

2. Последние сцены в Самаре

Аэропорт им. Королёва.

НАСТЯ. Да в целом город как город. Я не почувствовала какой-то большой разницы со всякими другими. Ну, то есть, вот есть Москва, Питер, ну Казань там ещё, может Екб. А остальные, ну, это как всё одно. Одни и те же девятиэтажки, теплотрубы, проложенные почему-то на поверхности, реки с заросшими берегами, торговые центры, где на первых этажах такие как бы ларьки, где человек сидит посередине, а со всех сторон витрины. Вот эти улицы Ленина, Советские, Московские. Ну что тут ещё? Ну, можно погуглить в принципе. Но зачем? Но вот блузку от Мах Мага, от Мах Мага, сука.

138

В машине на эвакуаторе.

АЛИСА. Глиопластома. Наиболее частая и наиболее агрессивная форма опухоли мозга. Завтра минус восемь тире минус десять, облачно.

В одной снегоуборочной машине.

ВИТЯ. Ты реально сидел всё это время там внизу? Тебе что, больше заняться нечем было? Ну, слушай, все, конечно, как умеют развлекаются, но это. Да я не знаю. Да ничего не случилось. Снег, аварийка, лю-

бовь, суши, менты и больничная койка. Эх, смотри, как занесло. Ух. Это нам всю ночь чистить-не начи- стить. Да не, зачем? Не, ну ты если хочешь один ехать. Ну вот, и я так подумал. Да на одной справимся, не в первый раз же.

Сегодня я что-то так задумался. Вот ты смог бы за меня какую-нибудь реплику сказать? Ну типа, вот я тебе рассказываю, чо случилось у меня или там о чём подумал, и ты такой. Стой, братан, давай я сам за тебя скажу. И дальше как бы за меня реплику произно- сишь. Смог бы? Да не, почему проверка? Просто я по- думал. Да любую вообще. Да хотя бы вот следующую. Вот я сейчас подумал. И я тебя, братан. Это навсегда, слышишь? На-все-гда.

У подъезда дома.

МУЖЧИНА. Ты уверена, что хочешь? Я могу по- том тебя забрать.

ЖЕНЩИНА. Пойдём уже. Ты предупредил её?

МУЖЧИНА. Нет, думаешь стоило?

ЖЕНЩИНА. А если её дома нет?

МУЖЧИНА. Значит завтра придём.

ЖЕНЩИНА. Ну что, пойдём?

МУЖЧИНА. Постой. Это так глупо.

ЖЕНЩИНА. Что именно?

МУЖЧИНА. Я не знаю твоего имени.

ЖЕНЩИНА. Самара.

МУЖЧИНА. Что, Самара?

ЖЕНЩИНА. Это моё имя. Меня зовут Самара.

МУЖЧИНА. Красивое имя. Я Саша.

ЖЕНЩИНА. Я знаю.

МУЖЧИНА. Получается, теперь Самара навсегда со мной.

ЖЕНЩИНА. Если тебе повезёт.

МУЖЧИНА. Может быть, завтра свалим отсюда?

ЖЕНЩИНА. Давай. Теперь уже никакой разницы нет.

МУЖЧИНА. Куда хочешь?

ЖЕНЩИНА. Всегда хотела узнать, как живут люди в Майами-бич.

МУЖЧИНА. Хорошо, наверное, живут.

ЖЕНЩИНА. Вот и узнаем.

Мужчина и Женщина заходят в подъезд. Громко-громко пиликает домофон.

И пока это всё летело, таяло, налипало, короче – происходило, пока вот это всё, за это время всё немножко изменилось, и когда-нибудь всё будет хорошо. Представьте, что в Самаре – весна.

Роман Козырчиков
РУССКАЯ СКАЗКА

Действующие лица:

КОЛЯ, 14 лет.

СЕРГЕЙ, 60 лет.

НАДЕЖДА, 55 лет.

МАРИЯ, 89 лет.

ВАНЯ, 15 лет.

МУЖИК.

МАМА.

ЖЕНЩИНА.

Часть первая. Сны

1

Спит на обочине русский мужик. И сны видит волшебные. Пусто на земле, и метель метёт. Не зги не видно, вьюжит. Из таёжного леса зверь выходит. Медведи спят зимами – думает мужик. А зверь идёт и идёт через метель. Глаза его горят и на мужика смотрят. Кто ты, зверь? Мужик кричит, а слова его ветром уносит и летят они над землёй. Кто ты, зверь, что тебе нужно от меня, я такой же, как ты, зверь. Стоят два зверя и в глаза друг другу смотрят. И стекленеют глаза звериные в стужу.

Коля просыпается. Видит Надежду и Сергея, не двигается.

Большая комната деревенского дома. В одном углу печь, в другом – «Красный угол», всё как полагается. Потолки низкие, окна приземистые, на стёклах снег налип, света мало и пахнет сыростью. Мария сидит на кровати неподвижно, с бледным лицом, смотрит в окно. Надежда, вспотевшая, с красным лицом, но в куртке и спортивной шапке стоит посреди комнаты напротив Сергея. Коля наблюдает за ними с другой кровати.

НАДЕЖДА. Скотина такая, последний раз спрашиваю: где, ёбтвоюмать, мой «Блэйзер»?

СЕРГЕЙ. Да какой ещё «Блэйзер», Надежда? Не видывал я такого в жизни.

НАДЕЖДА. Не видывал? А пахнет чем от тебя?
Где моя полторашка?

СЕРГЕЙ (*крестится*). Вот тебе крест, Надежда,
нет полторашки.

НАДЕЖДА. Дыхни, скотина.

СЕРГЕЙ. Ты пива всосала три литра. Мало тебе?

НАДЕЖДА. Умыкнул мою полторашечку, паразит.

СЕРГЕЙ. Не брал, бабку вон спроси.

НАДЕЖДА. Дыхни, я сказала, ёбтвоюмать!

Сергей осторожно подходит, дышит, отскакивает.

Вот скотина! (*Хватает полотенце, хлещет им Сергея, тот укрывается.*) Приговорил мои запасы. В дом чужой спрятала. Как нашёл, скотина?

СЕРГЕЙ. Побойся бога, Надя. Икон святых побойся!

Надежда останавливается, снимает шапку, вытирает ею красное лицо, крестится на «Красный угол».

Из-за пойла своего грех на душу брать такой!

Надежда смотрит на Сергея, на иконы, снова на Сергея.

НАДЕЖДА. Грех, да, говоришь? (*Хлещет со всей дури Сергея полотенцем.*)

Коля, наконец, садится на кровати. Надежда замечает Колю.

НАДЕЖДА (*кричит*). Ты кто? Откуда взялся?

КОЛЯ (*пожимает плечами*). Коля.

СЕРГЕЙ. Вот те раз. Я Сергей.

НАДЕЖДА. Нет, я не поняла, ты кто?

КОЛЯ. Я тут водку нашёл. Вот. Хотите?

Коля протягивает бутылку, Надежда недоверчиво смотрит, берёт бутылку, прячет её в куртку.

НАДЕЖДА (*Сергею*). Только притронься, скотина. Я тебе так навешаю. Медпункт-то закрыт, учти, хрен к тебе скорая поедет. Не знаю даже, как сейчас газель к нам приедет продуктовая. Яма такая на дороге, ещё больше стала. Даже бананы возят. А вот «Блэйзер. Утончённая вишня» через раз! Понюхай-ка, Коля, вишней ведь пахнет от него?

СЕРГЕЙ. Дали же бутылку тебе уже, что ты причитаешь-то опять.

НАДЕЖДА. А я бы сейчас запивала «Блэйзером», скотина! (*Коле.*) Мы уж и жаловаться ездили на яму. Депутат какой-то приехал, бульжниками завалили её. Вроде лучше стало, так мужики потом бульжники по домам растащили. А потом ещё навешали депутату этому. Крепких пиздюлей получил слуга народа. Он подарки обещал, чтоб проголосовали, или чё, обещал по триста рублей каждому, а давал по двести. Не выдержали мы такой обиды.

СЕРГЕЙ. Мы хоть и деревня, а цену себе знаем. У нас медпункт как закрыли, мы в райцентр сразу к Главе.

НАДЕЖДА. Глава у нас женщина, такая ухоженная, важная шишка, сразу видно. Так она нас так отчитала. Говорит, как вам не стыдно. Вас пятьдесят человек в деревне, а в России, говорит, сто пятьдесят миллионов. Только о себе, мол, думаете. Представьте какие проблемы серьёзные перед страной? А вы, говорит, с медпунктом вашим. А нам и правда, стыдно даже стало. Постояли красные от стыда, в пол потупились. Поехали обратно. Что уж мы ради родины не потерпим, что ли?

СЕРГЕЙ. Мы хоть и деревня, а родина на первом плане всегда.

НАДЕЖДА (*садится на табуретку к столу*). Может, откроем бутылку? Ещё пожаловаться захотелось.

КОЛЯ. Да чё вы мне свою чернуху гоните? Идите домой уже.

НАДЕЖДА. Нет уж, погоди-ка. Ты кто, я не поняла?

КОЛЯ. Я спать хочу.

НАДЕЖДА. Здравсьте! Пришёл, спать улечься. Ты – кто?

КОЛЯ. А вы кто?

НАДЕЖДА. Меня-то все тут знают! Я тут главная! Прокурорша! Из той вон половинки дома. За Марией вот хожу. (*Подходит к Марии, целует.*) Любим мы её очень! (*Целует.*) Вот как любим, очень любим!

КОЛЯ. Мать умерла. (*Показывает на Марию.*) Это бабка моя.

НАДЕЖДА (*охнула, замерла*). Ты сын, что ли? Отец твой выходит сегодня? Сын, что ли?

Коля молчит.

НАДЕЖДА. Не помнишь нас, что ли? Ты чё?

КОЛЯ. Помню. Алкаши какие-то.

НАДЕЖДА. Вот те раз! Паразит какой вырос!

КОЛЯ. Мне восемь было, мы уехали, а сейчас пятнадцать. Откуда я помнить-то.

СЕРГЕЙ. Забыл уж! Не так ты, наверное, себе село-то наше представлял.

КОЛЯ. Нет, именно так и представлял. Село Чернушка.

Все молчат.

НАДЕЖДА. А ты только одну бутылку нашёл?

СЕРГЕЙ. Печку затопи, околеешь как кошатина.

НАДЕЖДА. Так у тебя ведь брат тут получается, что ли?

СЕРГЕЙ. Ваня. Он болеет, правда, лет пятнадцать ему, наверное, не помню, как ты вот. Надя, что там у него? Какая болячка?

НАДЕЖДА. Да откуда я знаю. Больной и больной.

СЕРГЕЙ. Говорили же врачи, алкашка. Он ещё плюс с придурью немного. Ну, в школу не ходил, неразвитый. С нами только, да с бабкой. А она чё? Молится только.

НАДЕЖДА. Ты зато какой у нас развитый!

МАРИЯ. Бесы в нём.

Коля испугался, вскрикнул.

НАДЕЖДА. Помалкивайте, Маша, не несите, не сидите.

КОЛЯ. Она разговаривает?

НАДЕЖДА. Лучше б уж совсем молчала. Бредит уже лет десять.

МАРИЯ. Проклятый род.

КОЛЯ. Ты с кем разговариваешь?

МАРИЯ. Антихристов род.

НАДЕЖДА. Помалкивайте, говорю. Как кликуша стала. Ванькина мать такая же под конец сделалась, с ума съехала. Потом и вовсе померла, как посадили отца твоего.

КОЛЯ. За что посадили-то?

СЕРГЕЙ. Не померла, а сама она, на берёзе.

НАДЕЖДА. На берёзе, так ведь померла же. Не живая же на берёзе.

СЕРГЕЙ. Ещё вот что. Как стемнеет, ходи в горшок. Это важно. Вы возле леса. А у нас тут зверь ходит по ночам. Не понять, что именно за зверь. Может, и волк. Но ночью лучше в горшок.

НАДЕЖДА. Ты один, что ли?

КОЛЯ. Сюда направили. Службы какие-то. К бабке вон.

НАДЕЖДА. Странная была дама, мать твоя. Померла, значит?

КОЛЯ. Идите уже.

НАДЕЖДА. А где жили-то вы?

КОЛЯ. Домой иди, марамошка опойная.

НАДЕЖДА. Чё ты сказал?

КОЛЯ. Пошли отсюда, алкаши.

НАДЕЖДА (*заплакала*). Приехал хам такой, на нас кричит. Сам-то задохлик такой. Чё вот орёт он? Что мы виноваты-то?

СЕРГЕЙ. Ой, всё, запричитала – трезвеет. Стопори, Надежда.

НАДЕЖДА. Обзывает меня, нахал такой. Как не стыдно? Бессовестный. Бутылку украли, матом накричали. За что мне? Что я сделала-то?

СЕРГЕЙ. Заканчивай, Надежда. Говорю тебе, закругляйся.

НАДЕЖДА. Как не стыдно, паразит такой?

Сергей и Надежда уходят, скрипят половицами. Коля осматривается. Высокая кровать, маленькая электрическая плита. Много посуды. Коля подходит к «Красному углу». Там на полке стоят три иконы: большая икона Спасителя, слева – икона Богородицы, справа – Николая Чудотворца. Коля внимательно рассматривает их. Подумал, не стал креститься. Просто разглядывает. Коля садится за стол, смотрит на Марию.

КОЛЯ. Ты помнишь меня?

Мария будто не слышит.

КОЛЯ. Ты глухая? Алё. За что сын твой в тюрьме сидел? Не знаешь?

Мария переводит взгляд куда-то на печку, крестится.

Ты чё? Чё ты увидела? Дичь какая-то.

Мария отворачивается, снова смотрит в окно.

Чё ты смотришь туда, сидишь?

Коля тоже смотрит в окно.

Вдалеке Мужик из леса санки тащит. На санках ветки лежат еловые, брёвнышки. Впереди собака бежит, оглядывается, дожидается мужика, прыгает на него, потом снова бежит впереди. Они идут к сгоревшему чёрному дому: крыша дырчатая, окон нет, пакетами заклеены. Только печка стоит целая. Мужик подходит к пепелищу, кидает ветки в печку. Печная труба даёт дым. Сидит погорелец, смотрит на дымок. А собака к печи прижимается и на мужика поглядывает.

Коля задёргивает перед Марией занавеску.

Короче, я спать.

Коля ложится на кровать, рассматривает белёный потолок, засыпает.

Просыпается – и темень уже. Тихий лунный свет в комнате только. Коля смотрит по сторонам, Мария тоже лежит на кровати уже в углу, белым лунным светом как саваном укрыта.

КОЛЯ. Эй, спишь? Рано тут темнеет так?

Мария смотрит в чёрный потолок.

Чё молчишь? Померла, что ли?

Мария не отвечает.

Такая дичь тут снится. Тебе хоть что-нибудь ещё снится?

Дверь скрипит, открывается. Коля садится на кровати.

(Шёпотом). Папа, это ты?

Тень поворачивается к нему, и горят два жёлтых звериных глаза. Коля кричит, просыпается.

2

Ещё светло, Мария также у стола сидит, смотрит на Колю. У дверей стоит Ваня, длинный и худой подросток, улыбается.

КОЛЯ. Это кто?

ВАНЯ. Бабка – молчальница, ей не допросишься. Божий человек.

КОЛЯ. Чё потерял?

ВАНЯ. Что во сне видал?

КОЛЯ. Тебя видал. Чё надо?

ВАНЯ. Я бабке хлеба принёс. Она же только хлеб и воду. Больше ничего. Постница бабка наша.

КОЛЯ. Ты Ваня? Антихристов род?

ВАНЯ. У нас тут церковь есть. Из неё, правда, потом культурный дворец сделали. Там картинка висит. Сейчас вспомню. «Искусство должно принадлежать народу». Сейчас там свиньи живут с поросятками. И козочки с козлятками.

Ваня снимает большие ботинки, куртку, идёт к столу. Кладёт перед Марией порезанный ломтями чёрный хлеб, подаёт ей кусок, та ест. Все молчат.

КОЛЯ. Отец твой не приходил? Не видел его?

ВАНЯ. А ты зверя не видел? Я видел. Большущий такой, бежит по лесам, глазками сверкает. В шерсти. И клыки большущие. *(Думает.)* И рога на башке длиннющие.

КОЛЯ. Под кайфом, что ли?

ВАНЯ. А глаза – жёлтым горят. Правда.

Ваня садится у стола, ближе к кровати Коли, смотрит на него, улыбается.

КОЛЯ. За что отец сидел?

ВАНЯ. А мамочка моя любила папу. Так сильно любила. И меня тоже. Но его ещё сильнее. Так что на берёзке потом и удавилась с горя. Говорит мне такая: «Езжай, Ваня, с Надюхой в посёлок штанов купить». Говорит: «Смотри какие дырявые.» Мы и погнажи. Купили вот. *(Гладит свои ноги.)* Приезжаем, а она всё уж. Болтается. Вот тут вот. *(Показывает на окно.)* А твоя мамочка?

Коля не отвечает.

ВАНЯ. Я рисунки рисую. Хочешь тебя нарисую?

Коля ложится на кровать, отворачивается к стене, смотрит на белёную стену комнаты, слышит, как Ваня скребёт карандашом по бумаге.

Коля просыпается, а Вани нет уже. Темнота настала. У икон в углу свеча горит. Коля подходит к иконам, всматривается в них, в тени от свечки. Тень трогает лики святых, они будто живые и дышат. Коля слышит стук в окно. Вздрагивает. Стук ритмично повторяется снова и снова. Он долго всматривается в темноту окна после света свечи. Видит, что это ноги женские стучат, о стекло бьются. Коля кричит беззвучно, закрывает руками рот.

Мамочка моя! Кликушка!

Коля оборачивается на Ваню, в углу два жёлтых звериных глаза смотрят на него. Коля поворачивается к иконам и быстро крестится. Свечка гаснет, Коля просыпается.

Ваня сидит за столом, смотрит на Колю.

Ты чё орёшь? Напугал тебя?

Коля встаёт с кровати, садится к Ване за стол.

КОЛЯ. Почему у зверя глаза жёлтые?

ВАНЯ (задумался, потом). Я печку затопил.

КОЛЯ. Я тут оставаться не собираюсь, понятно?

ВАНЯ. Не любил отца? Колотил он тебя?

Залаяли собаки. Коля вздрогнул.

ВАНЯ. Собак боишься, что ли?

КОЛЯ (*подошел к окну*). Отец идёт?

ВАНЯ. Отца боишься?

КОЛЯ. Нет. Нет никого. (*Возвращается обратно за стол.*)

Все молчат.

ВАНЯ. У меня свой ребёнок будет. Скоро-скоро уже. (*Гладит свой живот.*) Это же не быстро всё. Не червячок же.

КОЛЯ. Ты чё несёшь опять?

ВАНЯ. Не несу ещё, в том и дело. Жду только ребёнка. Три года уже.

КОЛЯ. Ты дебил?

ВАНЯ (*пожимает плечами, потом плачет*). Сам ты дебил. Я слышу же, он стучится в животе. Дебил, дебил... Не любите никто ребёнка моего.

МАРИЯ. Проклятый род. Убей дитя своё. Убей, пока не вышел зверь.

КОЛЯ. Чё за трэш тут?

МАРИЯ. Падут семь печатей, вострубят ангелы, прольются чаши гнева Божия на землю.

КОЛЯ. Жесть какая.

МАРИЯ. Выйдет из моря зверь с семью головами и десятью рогами...

Входит Надежда. Волны морозного пара заполняют комнату.

НАДЕЖДА. «Час суда» идёт, не глядите с Марией?

КОЛЯ. Тут страшный суд по ходу намечается.

НАДЕЖДА. Не видала такой. Метель начнётся. Вон завывает уже. Ваня, иди дров натащи, пока не поздно.

ВАНЯ. У меня живот же. Нельзя.

НАДЕЖДА. Иди, кому сказала. Отдубашу сейчас. Живот у него. Три года уже беременный ходит. Ты кого там носишь-то?

ВАНЯ. Не жалко никому даже. Ребёночка не жалко. *(Сидит, не двигается, потом вскакивает, демонстративно надевает ботинки и уходит.)*

НАДЕЖДА. Отец придёт если, Ване не говорите пока. *(Садится на табуретку, отряхивает снег с шапки и куртки.)* Проспалась маленько, башка трещит. *(Молчит.)* Снилось сейчас, будто за Ваней в лес бегу, а на него зверь бросается. Терзает его. Я бегу и проваливаюсь по горло в снег, двинуться не могу, а зверь и меня заметил. Смотрит на меня. Сейчас вон про зверя-то все рассказывают, так чё только не приснится. *(Молчит.)* Этот ещё возвращается. Отец твой. Лучше б не возвращался. Ванька как с ума сошёл, узнал когда, что отец выходит. *(Молчит.)* Ой, тяжело трезветь. Ты как приехал-то?

КОЛЯ. Заставили. Привезли сюда.

НАДЕЖДА. Государство заставило? Оно знает чё делать.

КОЛЯ. Ну.

НАДЕЖДА. Ничё, восемнадцать стукнет, чё хочешь делать будешь. (*Молчат.*) Мать твоя странная была, хорошо помню. Скорбная головой. Вы уж лет семь, как уехали? Заходишь к ей иной раз, она сидит в стенку смотрит. Руки на коленки ложит и сидит. Там на плите кипит, ты орёшь маленький, она сидит. Спрашиваю, чё сидишь? Она говорит: «Я стихотворение придумываю». Странная была. Тетрадок у ей толстых было стопка целая, всё стихотворения её.

КОЛЯ. Чё я тут делать буду?

НАДЕЖДА. Ты чё плакать собрался, что ли?

КОЛЯ. Отвали, дура тупая.

НАДЕЖДА. Да нужен ты мне больно.

КОЛЯ. Вот и вали отсюда.

Надежда сидит какое-то время, затем встаёт, уходит.

(Подходит к иконам, долго смотрит на них, целует). Я хочу уйти отсюда. Сделай так, чтобы я вернулся обратно. (*Молчит.*) Сделай просто, чтобы я исчез. Вообще чтобы. (*Молчит.*) Я тебе не верю всё равно.

Коля долго смотрит на иконы, потом отворачивается, идёт и ложится на кровать.

Коля просыпается, на кровати рядом Мама его лежит, руки на груди сложила, в потолок смотрит.

Мам, ну ты чё, а?

Молчит Мама.

КОЛЯ. Mam, вставай, а?

Молчит Мама.

КОЛЯ. Mam, пошли пожрём?

МАМА. Душно мне, Коля, душно не могу.

КОЛЯ. Давай форточку открою, мам?

МАМА. Жарко, Коля, жарко, не могу.

КОЛЯ. Сейчас, мама, сквозняк сделаю.

МАМА. Не хочу, Коль, помереть хочу.

КОЛЯ. Mam, ты чё, а?

МАМА. Ой, Коля, тяжело мне, печку потуши, а?

КОЛЯ. Mam, ну ты чё?

МАМА. Коля, не могу я.

КОЛЯ. Mam, не умирай, а?

Коля просыпается, вытирает покрывалом мокрое лицо.

МАРИЯ. Ешь иди. Картошка там, иди.

Коля не встаёт, молчит. Смотрит на пар картошки.

Студёную есть будешь.

КОЛЯ. Я домой хочу.

МАРИЯ. Мне недолго уже. Я одна хочу. Ешь и не мешай.

Коля отворачивается к стене.

В окно заколошматил кто-то. Сумерки уже, метель воеет. Коля вскакивает с кровати, под-

бегает, вглядывается в окно. Там Женщина стоит, в тулуп укутана и шаль. Коля надевает куртку, выходит за дверь. Там белым-бело, он выходит за ворота – там поле белое, ничего из-за метели не видно. Коля видит смутный силуэт Женщины у дома.

КОЛЯ. Идите в дом. *(Кричит.)* Вы кто ещё? Иди сюда.

Женщина стоит, слёзы варежкой вытирает.

Я не слышу, вы чё говорите?

ЖЕНЩИНА *(тоже кричит)*. Я так виновата перед ним! Так виновата!

КОЛЯ. Чё, говорю?

ЖЕНЩИНА. Я ведь промолчала тогда, не сказала правду. Такой грех теперь на мне висит.

КОЛЯ. Вы к бабке пришли, что ли?

ЖЕНЩИНА. Я потому-то и сделала так вот. Ему говорю сама: «Штанов купи», – а сама вот тут вот и всё.

КОЛЯ. Вы кто?

ЖЕНЩИНА. Из-за него всё. Любила его и всё тут. Он виноват. Я просто молчала, а теперь всё. Только поле и метель.

КОЛЯ. Чё не сказали?

ЖЕНЩИНА. Но я жалею теперь. А на небесах больше радости об одном грешнике кающемся, чем о девяноста девяти праведниках. Да ведь? На это только моя надежда.

Коля хочет подойти к Женщине, но проваливается в снег, медленно пробирается сквозь ветер.

ЖЕНЩИНА. Он идёт сюда! Бегите скорее.

Коля кричит, просыпается. Над ним склонилась Мария. Коля снова кричит.

МАРИЯ (*шёпотом*). Пропал отец.

Часть вторая. Метель

В темноте несётся поезд. В вечной черноте несётся, нет края черноте этой. Несётся без тормозов и остановок, глазами светит, а там – всё одно: лес и зима, собаки лают, дети плачут. А за поездом зверь бежит. Он всегда бежит и глазами светит. Огромный зверь бежит по снегу. В дома заходит, греется. Люди боятся, но виду не подают. Люди привыкли к зверю – они одной масти. Посидит зверь, чай попьёт – и вон, в лес. Дальше бежит по снегу, по огромной земле.

158

1

По белому снегу, по сугробам идут двое: Коля и Ваня. Долго идут вдоль леса.

ВАНЯ. Надюха мне так и говорит прямо: «Шуруйте – говорит – отца искать». На телефоне позвонила туда куда-то, ей говорят, привезли давно его, возле ямы на дороге высадили. Надюха думает, запил, мо-

жет. «Ищите, – говорит, – идите, ничё не знаю, ваш отец». Я ей говорю: «Куда я пойду, на сносях я». Она меня под жопу сразу пнула и выматерила.

КОЛЯ. И чё теперь, куда идём?

ВАНЯ. Говорю ей: «Застужусь ведь, мне нельзя», – а она в драку моментально.

Коля молчит.

Ты злишься?

КОЛЯ. Ты debil? Чё ты несёшь? Ты стукнутый башкой, что ли? Беременный. Зашквар какой-то.

ВАНЯ. А ты хоть знаешь, как дети делаются?

КОЛЯ. Слушай, тебе в табло выписывали когда-нибудь? У нас в школе за такие рассуждения на серьёзные непонятки бы нарвался.

ВАНЯ (*пожимает плечами*). Папаня только.

Коля и Ваня идут, проваливаются в снег, медленно идут.

КОЛЯ. Мою маму он тоже бил. Пускай окочурится в снегу. Чё мы тут ходим.

ВАНЯ. А я родился в бане. А ты? Бабка говорит, мы все грешники. Она хотела в монастырь уехать спастись. А далеко. Теперь тут сидит спасается. А ты грешник тоже?

КОЛЯ. А ты с бабкой поменьше разговаривай.

ВАНЯ. А я ведь и не спасусь уже. Я же червячок только, из баньки выполз. Не человек даже. Я большой грешник очень.

Коля и Ваня идут, лица ладонью от снега прикрывают.

Недалеко Мужик идёт с собакой, санки свои тащит с еловыми ветками. За ним дети бегут, трое детей. Им на ресницы снег налип, а мокрые варежки пахнут собакой. Они что-то кричат ему, дразнятся, смеются. Он не оборачивается. Идёт и идёт. Собака лает, но побаивается детей – уже не раз получала. Дети кидают снежки в Мужика, хохочут, заливакой ругают. А он тянет и тянет санки. А дети подбегают, тряпочку поджигают и бросают на ветки. Ветки снежные – гаснут тряпочки. Дети видят Женщину, кричат «мама» и бегут к ней.

Коля и Ваня останавливаются, смотрят на них.

ВАНЯ. Ты где жил с мамкой?

КОЛЯ. Я тут не буду, жить здесь не буду. Я шаристый, чё-нибудь придумаю.

Коля и Ваня идут дальше.

160

Почти в городе мы жили. Час до города ехать. Там жили.

ВАНЯ. У нас соседский был человек. Тоже шаристый. Он уворовывал ходил у всех ночью, что где найдёт. Его корова Надюхина избилла до полусмерти потом.

КОЛЯ. Ты чё, нарываешься, что ли, я не понял?

ВАНЯ. Почему? Он уехал потом.

КОЛЯ. Иди молча вообще.

Коля и Ваня долго идут молча.

ВАНЯ. Говорит Надюха, война скоро. Ты хочешь воевать, да?

КОЛЯ. Я готов, если надо.

ВАНЯ. Нападут на нас, говорит. Потому что мы слишком крутые.

ВАНЯ. А ты убивал?

КОЛЯ. Большой, что ли?

ВАНЯ. Сложная работа. Надюха закупила пятьдесят бутылок водки, на войну. Она, правда, подтаскивает и без войны иногда оттудова.

За лесом слышно, как проходит поезд. Коля и Ваня остановились, смотрят на лес.

Ездит тут поезд у нас. Не останавливается. Там не видно им из-за леса, что мы тут живём. Они и не знают.

КОЛЯ. Я уеду отсюда. На поезде.

ВАНЯ. Он даже не заметит тебя и проскочит.

КОЛЯ. А с другой стороны от поезда чё?

ВАНЯ. Ой, да там ничего уже вообще. Туда не ходит никто даже. Там пойдёшь, так не вернёшься. В основном лесу – богу молиться, а в еловом – удавиться. У нас дети как-то прошлым летом, ребёнки маленькие, брат и сестра в лес пошли этот. Пропали. Всем селом искали ходили. Три дня рыскали. Они вышли потом, как ни в чём не бывало. А на третий день померли. Говорят, ягод каких-то наелись. *(Молчат.)* Пошли, давай искать, пока зверь не вышел. Разорвёт нас на кусочки. Он из леса этого выходит и ходит по ночам.

КОЛЯ. Может, зверь твой сожрёт отца хоть. Хоть бы сожрал.

ВАНЯ. А ты помнишь его?

КОЛЯ. Я его не видел же. Это вы тут сочиняете.

ВАНЯ. Отца помнишь?

КОЛЯ. Откуда бы? Мама говорила, он сука конченная. И что он сумасшедший.

ВАНЯ. Бабка наша даже и то его не любит сильно. Хотя набожная очень. Боится его. Говорит: антихрист, антихрист.

КОЛЯ. Я не слышу тебя, в уши прямо задувает.

ВАНЯ. Метель потому что. Сюда зайдём давай.

Мальчик идёт по белому полю. Всё замело снегом. Он проваливается по колено в сугробы. Сверху небо чёрное с огромными ясными звёздами, как в мороз. Ты кто, мальчик? – слышит он голос. Поднимает мальчик голову. Кто это? Звёзды молчат. Куда мне идти, дядя, нет ничего. Где дорога? Не слышно больше голоса. Мигни хоть звёздочкой одной, куда? Молчат звёзды. Одна вспыхнула, заблестела ярко, и видно всё стало. Улыбка, тёплые руки, стол с клеёнкой, нить янтарных бус. Всё видно стало и погасло. Звёзды падают на меня по всему небу. Я смотрю на них и загадываю. Можно, чтобы все были живы? Можно мне будет тепло сегодня? И скажи мне, скажи, дядя, куда мне идти? Я не знаю, скажи мне? Последняя звезда упала. Я иду дальше, прямо по полю, по упавшим с неба звёздочкам. Коля и Ваня идут по полю вдоль путей к забро-

шенной церкви. Маленькая церковь теперь похожа на ротонду – дверей нет, окон нет. Внутри – сугробы снега, надпись на стене: «Искусство должно принадлежать народу». Дом культуры тоже давно заброшен. На потолке культурная краска потрескалась и кусками отвалилась. Видны какие-то росписи. Коля и Ваня спрятались от ветра, стоят внутри церкви в больших куртках, смотрят на высокий потолок.

ВАНЯ. Вот смотри чё. Красиво тут, скажи же? Она хоть и заброшена сто лет уж. А всё равно. Я даже слышу тут музыку будто. Звон. Пам-пам, пам-пам. Не слышишь? А я слышу. У нас тут бабка есть, не наша, другая. Ещё шизанутее. Она сюда таскает свечки порой и на коленях стоит подолгу. И плачет, плачет. А сама колдунья, что ли, какая-то. В чёрном ходит. А всё сюда таскается. *(Молчит.)* Я думаю, то ли художником мне быть, то ли чё. Я рисовать-то умею.

КОЛЯ. Лишь бы не в деревне только. Ненавижу деревню.

Ваня пожимает плечами. Оба молчат.

Есть Лондон, например. Большой город. Мы изучали его. Там вообще всё не так.

ВАНЯ. Я по телевизору видел, может, и Лондон это был.

КОЛЯ. Там красиво, и все почти богатые. Королева у них, дворцы. Большая площадь.

ВАНЯ. Если художником, я буду богатым?

КОЛЯ. Богатым чтобы, надо другое. В банке лучше всего. Я хочу в банк и в Лондон. Надо выучить только язык их и всё.

ВАНЯ. Ты получается сейчас несчастливый?

КОЛЯ. Никто не счастливый, всем плохо. Ты счастливый будто.

ВАНЯ. Там у бабки в книжке написано: «Я посылаю вас, как овец посреди волков».

КОЛЯ. И в чём смысл?

ВАНЯ. Ну, бабка говорит, что надо быть овцой божьей, тогда волки тебя не съедят. Как бы если в тебе бог живёт, то ничего тебе не будет.

КОЛЯ. Бред какой-то. Сам ты овца.

ВАНЯ. Ну, во мне-то кто-то живёт. *(Гладит свой живот по куртке.)* Вот, слушай.

Ваня растёгивает куртку, берёт руку Коли и кладёт её себе на живот под майку.

164

Чувствуешь?

КОЛЯ. Да чё ты делаешь?

ВАНЯ. Ты почувствуй.

Ваня кладёт голову на плечо Коле.

К папе хочу.

КОЛЯ. Ты слышишь?

ВАНЯ. Музыка?

КОЛЯ. Откуда?

ВАНЯ. Я же говорил тебе, что слышу.

КОЛЯ (*убирает свою руку*). Ты debil? Поёт кто-то там.

ВАНЯ. А, это гуляка наш, не бойся. Пьянчуга поёт. Весело если человеку, пускай попоёт.

Коля садится на корточки, закрывает лицо руками. Ваня гладит его по голове.

Ты что?

КОЛЯ. Не трогай меня.

Коля встаёт, наклоняется, берёт снег, вытирает руки. В церковь-ротонду входит Мужик. Коля и Ваня молчат, переглядываются.

Мы отца тут ищем.

МУЖИК (*смеётся*). Святого отца, что ли? Не ищите, я вам говорю, не найдёте.

ВАНЯ. Нашего отца.

Мужик долго смотрит на Ваню, узнаёт.

МУЖИК. А ваш пусть на зоне и сидит. (*Очищает красной рукой подоконник бывшего окна, садится.*) Я же посидел, пускай тоже. (*Смотрит на Колю.*) И ты сын? У него много. Он со всеми. Всё, что движется. Хоть кого, хоть чёрта. Хоть Ваньку вон спроси, он расскажет.

КОЛЯ. Ты, бухарин, на уши не приседай давай.

МУЖИК. До бутылки я охочий, это да. Я полдеревни спалил нашей, вот и посидел.

Ветер задувает снег прямо в церковь.

МУЖИК. Девятое мая тогда, что ли, отмечали. Ночь уже, вся деревня гудит, праздник, гульба. Гульбище! Мы с детьми тоже во всю. Фейерверк пускали, хохотали так. Они сейчас не живут здесь. *(Молчит.)* А этот-то, отец ваш, смотрю, чё-то туда-сюда с Людмилой, женой моей. Смотрю, уже и к дому нашему пошли. Пьяные, весёлые, смеются. Я ребят хватаю, за ними идём. Догоняем, а он мне: «А ты домой не ходи!» И дальше идут. Сын смотрит на меня так: «А куда мама идёт?» *(Молчит.)* Ну, там до драки, конечно. Я ж пьяный был. Вся деревня сбежалась, окна по-включали в домах, чтоб глядеть лучше было. Крепкий батя ваш. Так и ушли они тогда. Вот ведь, а... «А куда мама идёт?» *(Молчит.)* Ну, взбунтовалась у меня душа-то. А как, такое если. Свой же дом и спалил, да полдеревни в придачу. Всё чтоб подчистую хотелось. Дотла чтоб. Как у меня в груди чтоб, вот также. Так и сел. Десятку отсидел. *(Молчит.)* Вышел – и тоска такая. Хоть волком вой. Никого нет, деревенские помнят всё. А куда я? Таскаю санки вон свои. А вот всё равно, думается, что принесут нам правду. Не знаю кто, да хоть вот бутылка, может. *(Достаёт бутылку, отпивает.)* Вот так вот душа у меня распорядилась. Ребёнок ведь, главное, спрашивает. Видите, как оно. Ребёнок только бы не смотрел на меня тогда... Бензина слил да залил всё. Спать их хотел. А там собака наша во дворе, пока вытаскивал её, скулила всё. Они и выскочили. А деревня и полыхнула. *(Молчит.)* По-божески если, говорят, прощать надо. А вот собаку жальче мне, чем человека.

Молчание. Сквозь ветер слышен голос Надежды. Она бежит по сугробам к ним.

НАДЕЖДА. Идите давайте! Нашли отца. Идите, не стойте.

2

Вечер следующего дня. Комната в доме Марии. Накрыт стол. Сидят Мария, Надежда, Сергей, Ваня и Коля. Единственное зеркало над умывальником завешано платком. Все молча сидят, скорбят, как могут.

Вот. Говорю, так и нашли: валяется в сугробе, по кускам. Зверь-то и растерзал его.

СЕРГЕЙ. Как зверь-то по кускам его, Надежда?

НАДЕЖДА. А как ты думал зверь? Соломкой нашинкует?

СЕРГЕЙ. Надо охотой пойти на зверя.

НАДЕЖДА. Ты мне тут давай не это самое! Пускай вон ворожея наша заколдует его. Ой, мальчики, там бабка есть почище нашей ещё. Наша-то хоть раз в недельку какой дурдом скажет. А там такая битва экстрасенсов! Порчу наводит сидит целыми днями, а все бегают здоровёхоньки. Никого не подкосило. А Серёга-то таскался к ней раньше, видела я. Кавалер какой.

СЕРГЕЙ. Ой, Надежда, не собирай, а?

Коля и Ваня сидят по разным углам стола, смотрят в разные стороны.

НАДЕЖДА. Чё вы молчите сидите? Серёга, наливай давай. Помянуть-то надо. Отец ведь ихний.

СЕРГЕЙ (*разливает по кружкам водку*). Парням-то лить?

КОЛЯ. Да.

Ваня пожимает плечами.

НАДЕЖДА. Лей, лей давай. Надо, раз такое уж. Ну чё теперь, так вот вышло. Богадельня тут у нас с Серёгой теперь. Понабрали сиротинушек.

Все выпивают, молчат.

Летом у нас ничего так, весело. Зимой – тоска белая.

Дом продувается, трещит. Надежда в окно смотрит.

Идёт Мужик по сугробам против ветра снежного. Собаку на руках несёт, идёт к своему почерневшему дому. Дошёл, отпускает собаку. За ними старуха бежит в чёрном длинном тулупе. Кричит что-то, палкой машет, дымит. Собака выть начинает. Смотрит вверх, где небо, и воет. Старуха проклятья Мужики кричит. Слова её уносит ветром далеко-далеко.

168

Нельзя в России зимой умирать. Земля не берёт. Задерни встань занавеску, Серёга. Метёт и метёт там. Завывает вон. Подоткни там.

Сергей встаёт, выполняет инструкции Надежды.

И мальчиков жалко как. Война ведь ещё. Всех собирает.

КОЛЯ. С чего взяли-то?

НАДЕЖДА. Всех мы, Мария, похоронили с вами.

СЕРГЕЙ *(наливает всем ещё раз)*. Ну, ты уж не начинай давай. Всех сейчас похоронит. Живые сидим.

Все выпивают.

НАДЕЖДА. До войны-то Чернушка наша какая была? А потом что?

СЕРГЕЙ. Ты будто до войны помнишь? Чё мелешь-то сидишь?

НАДЕЖДА. От американцев-то не жди, никого в покое не оставят. У них души ведь нет. Правда. Танька газету привозила. Там баба Нина печатается, провидица, она сказала – всех в Москве сметут. Только три знака Зодиака выживут. Забыла какие.

СЕРГЕЙ. Я бывал в Москве один раз. С отцом поездом ездили. Достопримечательность смотрел. Дичайшая красота. Красотища дикая.

НАДЕЖДА. Помалкивай. Припёздывает сидит.

СЕРГЕЙ. Ездили в детстве, говорю. Будто знаешь.

ВАНЯ. Мы-то не в Москве же сидим, мы спасёмся, получается, от американцев?

НАДЕЖДА. Да и правда, не в Москве же. Насрать на них. *(Выпивает.)*

МАРИЯ. Большевики.

КОЛЯ. Дура! Пугает меня!

ВАНЯ. Ты пьяный уже.

КОЛЯ. Отвали.

МАРИЯ. Большевики погубили всё.

НАДЕЖДА. Ну всё, расчехлила гусли! Большевики у неё пошли уже. Вы пьёте-то куда?

ВАНЯ. Я выпью давай водку её.

НАДЕЖДА. Тебе куда? Рожать уже пора. Три года — большой срок.

Все смеются.

ВАНЯ. Досмеётесь вы. Ох, досмеётесь.

Молчание.

НАДЕЖДА. Собаки разлаялись опять. Метели боются.

КОЛЯ. Я сказал сегодня, чтобы зверь отца убил. Он и убил.

НАДЕЖДА. Ты тоже много не пей давай. Помянул и хватит.

СЕРГЕЙ. Медведь, поди, в спячку не лёг, вот и ходит, голодает.

ВАНЯ. Ты, Коля, думаешь, ты, что ли, зверя подговорил? Чё как дурак-то. Он ведь ещё до этого, поди, убил уже.

МАРИЯ. Зверь на зверя пошёл.

НАДЕЖДА. Про сына-то родного не стыдно? Зверем звать?

МАРИЯ. Антихрист.

НАДЕЖДА. Ну, это вы сами разбирайтесь, кто антихрист. Всё. Я объявляю войну, достаю запасы свои! Надо нам ещё немного. *(Встаёт, идёт к крышке погребка, открывает, исчезает там.)*

СЕРГЕЙ. Доставка сразу две хоть! Полезешь потом опять, разобьёшься пьяная.

НАДЕЖДА (*появляется из погреба с тремя бутылками*). Умник какой, а. Разобьюсь, а тебя не пушу туда. Не мечтай даже. (*Садится за стол, разливает.*) Таскал оттуда, скотина?

СЕРГЕЙ. Да не таскал, говорю. Опять начинаешь!

НАДЕЖДА. Пересчитывать сейчас не стала, но я пересчитаю.

Все выпивают.

Ой, всё-таки хороший мужик был отец ваш. Весёлый всё-таки. Несмотря ни на что. Никто не смеялся, а он всё равно шутил. Не остановить было. Анекдоты дурацкие были, но зато регулярно.

СЕРГЕЙ. Любил, любил он передачи юмористические. Ох, как любил. Придёшь к нему, он хохочет сидит, телевизор смотрит.

НАДЕЖДА. Такой вот нрав весёлый у человека. Пьянки с ним всегда были самые лучшие. Помнишь друга-то его? Брат золовки свёкра тёти Ани, утопилась которая? Отец-то ваш его как-то звал выпивать, давай, говорит, веселиться. Тот в отказную. Так он его ножом пырнул. За отказ.

СЕРГЕЙ. Виталья его звали. Повесился он потом. Жена довела мужика, с ремонтом привязалась. Он так и указал в листочке посмертном: «Делай свой ремонт сама».

НАДЕЖДА. Крыша, правда, ехала от алкашки иной раз. И драться любил.

СЕРГЕЙ. На рыбалку с ним, помню, ездили с Ванькой вон маленьким ещё. Ох, дубасил он его. Ванька-то рыбачить не хотел никогда, нам ещё мешал. Дурачок же, говорю, чё колотишь-то его.

ВАНЯ. В смысле?

НАДЕЖДА. Не любил Ваньку, это да. Говорит, как девочка он. На девочку похож, мол.

ВАНЯ. Любил. Чё ты врешь-то? Мне говорил, что я красивый. Коля, не слушай Надюху.

КОЛЯ. Мне-то чё?

НАДЕЖДА. За драку-то и сел. Сколько сидел-то? Три года, что ли? Мать Ванькина вон написала на него за драку, а сама удавилась.

СЕРГЕЙ. И вот так вот. На зверя попал. Простим давайте его все.

НАДЕЖДА. Простим.

ВАНЯ. Простим.

Все выпивают.

КОЛЯ (*Ване*). И за Мужика того прощаешь?

Ваня не отвечает.

НАДЕЖДА. А ты, Колька, в отца я вижу. Видно, что шепутной. Ванька – в мать, с ебанцой маленько.

КОЛЯ. Чё привязалась?

ВАНЯ. Кто с ебанцой?

СЕРГЕЙ. Пьёт-то точно как отец.

ВАНЯ. Меня и мама любила и папа. Ты знаешь будто.

НАДЕЖДА. У тебя язык уж не шевелится, давай стакан сюда мне.

ВАНЯ. Папа мне в ночь перед тем как забрали говорил: «Не плачь, Ваня, не плачь». По голове гладил, гладил меня. «Не плачь, не плачь, всё закончится, сейчас и я закончу», – говорил. Он меня любил потому что.

Громкий стук в окно. Надежда закричала, Мария крестится. Тишина. Замерли, прислушиваются.

НАДЕЖДА (*шёпотом*). Смотри иди, Серёга, чё там!

СЕРГЕЙ. Тихо! Не стучат вроде больше.

НАДЕЖДА (*шёпотом*). Иди давай, говорю, скотина!

СЕРГЕЙ. Замолчи, Надежда!

Все слушают, тихо.

НАДЕЖДА (*шёпотом*). Зверь пришёл, поди!

КОЛЯ. Дура.

Коля подходит, отдёргивает занавеску, Надежда кричит.

Ветка там. Ветку принесло. Метель же.

НАДЕЖДА. Ой, помру думала от страха. Думала, покойник или зверь.

КОЛЯ. Не помрёшь, здоровёхонька.

СЕРГЕЙ. Какой покойник-то, Надежда? На куски покойника ведь.

НАДЕЖДА. Кусками и пришёл, может! Умничает сидит! Расскажи давай нам, Колька. Историю расскажи, чтоб со смеху легли все. Как отец твой покойный!

КОЛЯ. Я в драку могу тоже, сразу ляжете. Как отец могу драться, хочешь?

НАДЕЖДА. О, точно, отец вылитый. Башковитых в роду у вас не водилось никогда.

КОЛЯ. У тебя, что ли, водились, марамойка?

МАРИЯ. Когда ты бьёшь кого-то – ты бьёшь Христа.

ВАНЯ (*вскакивает, роняет стаканы*). Что?

НАДЕЖДА. Сиди давай, это так считается просто. Не на самом деле.

МАРИЯ. Он все страдания принимает.

НАДЕЖДА. Хватит вам, помолчите.

ВАНЯ. Откуда ты знаешь?

СЕРГЕЙ. Садись, садись.

МАРИЯ. В каждой овце живёт Христос.

ВАНЯ. Неправда. Надя, неправда же?

НАДЕЖДА. Неправда, успокойся ты уже!

МАРИЯ. Правда! Ты ждёшь смерти моей, чтоб дом забрать – тоже правда.

НАДЕЖДА. Пошла бредить! Я за Ваней слежу. Он тут с вами совсем кукушкой поедет! Одну книжку прочитал только. Библию вашу.

МАРИЯ. А ты ни одной.

ВАНЯ. Чушь говорит сидит бабка старая. Знаешь будто всё. Неправда это.

КОЛЯ. Да сядь ты, овца, уже. У тебя ребёнок ведь.

ВАНЯ. Как бесит меня бабка эта, дура какая-то.

СЕРГЕЙ. Мордобой нам светит, чую. Кулаки прям чешутся.

НАДЕЖДА. Я сейчас почешу тебя мордой об пол, скотина!

КОЛЯ (*Ване*). Эй, ты! Овца божья! Это он тебе ребёнок сделал, да?

ВАНЯ (*залезает на стол, берёт стакан*). Гост!

КОЛЯ. Отец, да?

НАДЕЖДА. Слезай сейчас же! Шатаешься уже! Я вам сейчас вам всем тут дам!

ВАНЯ. Я один стою тут. И бог смотрит на меня по-великому. Вы досмеётесь, а я вам покажу его. Он уже здесь. Я дам его вам. Чтобы сказать вам нужное. И каждого поспасает. Хоть вы и скотины тёмные. И простит вас. Потому что люди. А вы смейтесь, смейтесь. Я знаю. Бог смотрит на меня. И на вас посмотрит тоже. И даст вам свет. На всех посмотрит. И закричат все: «Осанна! Осанна! На всех вас светом посмотрит своим!»

МАРИЯ (*вскакивает*). Осанна! (*Падает под стол.*)

НАДЕЖДА. Слезай давай со стола уже!

Сергей стаскивает Ваню со стола, тот падает, разбивает стаканы. Коля берёт осколок бутылки и сжимает его в ладони.

Ложь осколки, изрежешься!

СЕРГЕЙ. Вот пир пошёл настоящий!

НАДЕЖДА. Пир ему пошёл! Бабка вон под стол закатилась, поднимай давай!

СЕРГЕЙ. Давно не пировали так!

НАДЕЖДА. Я сейчас тебе намылю холку! Договоришься мне тут ещё! К ворожее вон своей побежишь опять!

СЕРГЕЙ. Не мотай душу, Надежда! Я сделаю тебе мордобойство сейчас!

КОЛЯ (*смотрит на свои порезанные руки*). Мама.

НАДЕЖДА. Говорила же, изрежешься!

ВАНЯ. Он на всех посмотрит!

КОЛЯ. Спалил бы Мужик отца лучше. Как я ненавижу всё это, мама. Зачем ты меня родила тогда?

Часть третья. Зверьё

176

1

Коля лежит на кровати с Мамой. В распахнутое окно просвечивают длинные лучи солнца, пересекают кровать, ложатся на пол – и почти до стены. Коля проснулся, но не двигается, прищурил глаза, смотрит на Маму. Он освобождает ногу от одеяла и подставляет её тёплым лучам солнца и вздохам занавески. Мама смотрит на Колю, улыбается.

КОЛЯ. Жарища будет?

МАМА. Опять будет.

Счастливый Коля гладит солнечный свет на гладкой руке Мамаы.

У нас с тобой всегда лето.

Коля прижимается к маминому уху, что-то шепчет, лбом – в тёплые корни маминых волос. Мама смеётся, Коля тоже смеётся.

Пускай так и будет, Коля. Считай, что мы загадали, а значит так и получится.

Мама улыбается, Коля гладит янтарь маминых бус на её тёплой шее.

Скоро увидимся, Коля.

Коля гладит бусы.

Я жду тебя, Коля.

За окном слышен протяжный вой. Мама вскакивает, янтарные бусы рвутся, несколько бусин остаётся в ладошке у Коли. В окно врывается ледяной ветер со снегом, вспыхивает занавеска, вспыхивает весь дом.

Коля просыпается. Та же комната. Утро. Мария сидит на своей кровати, смотрит в окно. Коля не двигается, смотрит в белёный потолок. Метель по-прежнему завывает так, что стёкла ходуном ходят.

СЕРГЕЙ (сидя у стола, Коле). Яблочков принёс. Поешь хоть.

Коля не отвечает.

СЕРГЕЙ. Зима – а яблочков. Дорогушие. (*Молчит.*)
Водка-то она такая. Получше станет потом.

В комнате почти темно. Окна снегом заметены.

Руки-то не больно? Покажи. Устроил поножовщину вчера.

Коля не отвечает.

А этот вот, куда вот убежал, дурак? Далеко не убежит. В сарайке сидит, поди. Всю ночь и просидел. Чё молчишь-то?

Коля не отвечает.

Не нравится тут. Думаешь, дураки одни. Я раньше-то знаешь как печки клал? Всей деревне вон положил. После пожара нашего дома выгорели, а печки стоят целёхоньки. Вы маленькие были, не помните пожарище какой был тут. Сейчас инвалид я. Вторая группа. Надежда тоже инвалид. Пенсия у нас побольше получается. (*Молчит.*) Хочется, чтоб жизнь нормальная была, да и всё. А там уж как богу угодно. У нас ребёнку три года было, схоронили. Чёрт знает. Залихорадило и всё. Там у леса пошли схоронили с Надеждой, посидели на бревне. Одни-одинёшеньки. Один бог только видел.

КОЛЯ. Будто есть бог.

СЕРГЕЙ (*махнул рукой*). Ты давай не говори так. Ты русский человек или нет? (*Молчит.*) Мы, как схо-

ронили, запили так, что себя не помнили. Мне приходиться стал чёрт будто. Дьявол сам и был. Горячка, что ли. А вот приходил и стоит в углу ночью. Дразнится. Страшно, душу всю выворачивает. Это я с дьяволом боролся. Так что есть он. И бог есть. *(Молчит.)* Я покаживаться стал к ворожее-то. На самом деле. Колдует она. Живёт на отшибе там вон, далеко. Много к ней мужиков ходило. Сейчас-то уже старая, а раньше полно было. Она в выпивку подсыплет чего-то, пошепчет и ходят к ней. Не знаю, правда – нет. Её и бить ходили женщины, и всякое было. Но и помогала им тоже, заболит что-то – к ней бегут. Лечит. Надежда сложно сына нашего носила. Вот помогала ей колдунья.

Сергей подходит к ведру у печки, помешивает снег, чтобы растаял. Встаёт у окна, не видно ничего, на снег смотрит.

СЕРГЕЙ. Стихает метель-то. Сейчас Надежда вернётся. Дома у нас, может, Ванька сидит.

Оба молчат.

КОЛЯ. Во сне сегодня деревня горела вся. И лес потом. Я мать на санках вытащил, по полю волоку, а с неба падают угольки будто. Ещё янтарь там... Остановились потом, а она мне говорит такая... И она мне говорит...

Коля оторачивается к стенке, молчит. Сергей садится к нему на кровать, поднимает руку, хочет погладить, потом машет рукой.

СЕРГЕЙ. Ой ладно, во сне-то. Жизнь лишь бы нормальная была.

КОЛЯ. На поезд прыгну и уеду.

Входит Надежда вся в снегу, с пакетом в руках, под глазом синяк. Так снежным комом и проходит, не разувается. В окошки выглядывает.

НАДЕЖДА. Так и не видать его? Не нашла дома я. *(Молчит, смотрит в окно.)* Белота какая, смотрите. Белое и белое всё, края нет. Вон солнце уже видно над миром. Стихает метель. Даже небо белое. *(Берёт пакет, идёт к Марии.)* Принесла вот хлеба вам, кушайте.

Надежда режет хлеб, даёт Марии.

Выпили ещё вчера, человека схоронили, покушайте.

Мария не отвечает, хлеб не берёт.

МАРИЯ. Откуда ему человеком быть? Как родился-то? Как антихрист только может. Я с богом ведь была. А этот-то, дьявол, заезжий в деревню к нам. В борьбе взял меня. У бога из рук вырвали меня. Я богу девство своё несла. Сорок лет уже несла. И такое оскорбление со мной сделал он. Из рая меня вырвал. Кто родиться-то мог? Так и родился червяком. Над сыном своим, над дураком божьим, такое надругательство делал. На кровати этой. А мать его, дурочка, не рассказала даже правду никому. Колотил, говорит, ребёнка и всё. Про поругание такое не сказала. И сама в грех такой вошла потом на берёзе.

Все молчат.

КОЛЯ. Он в бане, наверно, сидит. Я пойду. *(Встает с кровати, выходит из комнаты.)*

НАДЕЖДА. Прости нас, господи. *(Встает у окна. Молчит.)* Сходить надо к Сашке нашему. Когда было-то последний раз. Он там вон лежит. У дерева, пушистое вон. *(Показывает в окно.)*

СЕРГЕЙ *(подходит к Надежде)*. Вон, высокое которое самое. Там лежит.

НАДЕЖДА. Ты подправил крестик ему летом?

Сергей кивает.

Чё он там делает теперь?

*Сергей пожимает плечами.
Молчание.*

2

Коля идёт по двору через снег, заходит в баню. Там холодно, темно. В углу на скамейке сидит Ваня в куртке.

КОЛЯ. Ты чё тут? *(Садится рядом.)* Ты помнишь мать?

Ваня кивает.

КОЛЯ. Она мне говорила, надо богатым становиться.

ВАНЯ. Может, мне тоже тогда – богатым?

КОЛЯ. Ещё она говорила, что надо как-то держаться всегда и терпеть.

ВАНЯ. Мама?

КОЛЯ. Мама. (*Молчит.*) У меня собака там была. После Мамаы убежала сразу. Как только та всё, эта прям дверь вышибла, как взбесилась, и бежать. Я за ней побежал, так и бросил дом. Почему-то. Догнал почти, у жэдэ путей. Она остановилась, смотрит на меня. Тоже уже бежать не может, и я не могу. Смотрим стоим. Она типа смотрит так: ну, не беги ты за мной. А потом пошла тихо через пути, и – в лес сосновый. А я – домой. А там уже соседка пришла, врачей позвала, увезли. Я два часа бежал, оказывается. И сожгли её.

ВАНЯ. Маму?

КОЛЯ. Маму.

ВАНЯ. А собака?

КОЛЯ. Я даже в школу-то не ходил почти. И какой мне Лондон теперь. Я с ней сидел, а она так долго умирала. Из больницы уже когда, дома. А чё я должен был? Она не вставала даже, и душно ей было всё время.

ВАНЯ. Надюха говорит, она с мокрой головой выскочила из дома, от отца убегала. В мороз. Волосы льдинками стали, застудилась и всё. Голова поехала.

Коля видит возле Вани топор, на нём тёмные пятна крови. Коля поднимает топор.

КОЛЯ. Ты чё делал тут?

ВАНЯ (*не сразу*). Меня тогда Надюха за дровами отправила, до метели когда, я дров-то набрал, иду, а потом смотрю: вдалеке-то отец идёт. Пьяный, машет

мне. Я и взял топор сразу. *(Молчит.)* Ну и дурак я. Антихристов род. Зверьё. Он ведь тоже был послан овцой посреди волков, да? Отец тоже был овцой? *(Молчит.)* Я раскаюсь и заслужу прощение. Каждое утро буду плакать, чтобы простили меня. Чтобы видели мои красные глаза от слёз и простили. И ребёнка не будет у меня. Не придёт никто. Буду дальше носить. Спасу его. *(Молчит.)* Надюха бегают там как в жопу раненая? Потеряла?

Коля кивает.

ВАНЯ. Пошли тогда. Опять пить будем. Зима раз. Сидеть да весны ждать будем.

КОЛЯ. Я не хочу.

Коля и Ваня выходят во двор.

3

В комнате. Надежда и Сергей стоят у окна. Мария сидит на своей кровати. Надежда отходит от окна, идёт к столу. Достает из пакета банки с картошкой, котлеты. Кладёт на сковороду, греет на плите.

НАДЕЖДА. Газель как приедет продуктовая, надо им тушёнки заказ сделать. Побольше. И крупы. Пускай будет. Мало ли что. Боюсь войны. Слышишь?

Сергей смотрит в окно, кивает.

Чё стоишь-то?

СЕРГЕЙ. Весна будет – надо в посёлок ехать. Купим хоть крест красивый сыну.

НАДЕЖДА. Я молодая была, раньше часто в этот лес бегала. Сейчас страшно. Раньше не страшно было. С девчонками ходили туда. Рассказывала, нет, тебе? Один раз встретили там парня. А я красивая же была. Платье светлое такое, цветы голубые. Он за мной приударил даже. Потом, говорит, давай встретимся завтра на этом вот месте. Место крестиком маленьким отметили. Недельку ходила туда, он так и не пришёл. Вообще не видели его больше. Или снилось это мне?

Надежда снимает с плиты сковородку, ставит на стол. Марии хлеб кладёт. Все садятся за стол, молчат, не едят.

МАРИЯ. У нас там раньше жили цыгане. Дальше там у путей табором стояли. Этот-то ходил всё время, смотрел на них. *(С трудом.)* Сын-то мой. До ночи там сидел, на цыган смотрел. Подходит потом ко мне, говорит: «Мама, можно я к цыганам уйду?» *(Молчит, берёт котлету, ест.)* Это я ему сказала маленькому, что цыгане ехали и его выростили. Вот он и ходил туда. Он спрашивает, а сама думаю: уйди, уйди ты хоть к цыганам, хоть к чертям. Но молчала. Не ушёл. Уехали потом цыгане. *(Ест.)* Молчала, среди людей ведь живём. К богу в объятия шла, а на людей оглядывалась.

СЕРГЕЙ. Рюмочку надо, Надежда.

Надежда достаёт из-под стола бутылку, наливает себе и Сергею. Оба выпивают.

НАДЕЖДА. Надо, надо. *(Наливает ещё.)*

Молчание.

4

Коля и Ваня идут к дому. За забором Мужик идёт с санками. Они стоят, смотрят на него.

МУЖИК *(кричит им)*. Кончилась метель-то. А псинка моя не пережила её. Издохла. Ведьма наша вчера её окуривала ходила. И всё. Встаю утром – лежит. Околела у печки. Помянул её, в сугробе прикопал. Метель кончилась, а радости никакой теперь без неё. Хорошая была, ласковая. А это потому, что дом её прихватило тогда, ведьмин-то, когда я пожар сделал. Может, и простят меня когда-нибудь. *(Молчит.)* Вечность зима-то ещё. До морковкина заговенья. Ходить да ходить мне за ветками. Отдохнём маленько, и снова зима. Снова веточки тащить. Такое вот существование наше. Такие дни. Немножко света и потьма. *(Молчит.)* Поезд пойдёт вот-вот. Пойду в лес, проскочу до поезда.

Мужик уходит, Ваня и Коля смотрят ему вслед. Потом идут к дому. Слышно, как приближается поезд. Коля останавливается, потом бежит в сторону железнодорожных путей. А по лесу, по земле, бежит зверь. Бешеный испуганный зверь несётся без оглядки по сугробам, глазами светит. Забежал на пригорок, отдышаться сел. Сел, оглядывается. Шкуру отряхнул. На землю смотрит. Смотрит на землю и

*воет. Разносится вой по огромной земле.
Ваня стоит, потом пытается побежать за
ним, бежит медленно, не получается. Он бежит
к дому, кричит. Выбегают за ворота Надежда
и Сергей.*

ВАНЯ. Вот он дурак. На поезд сбежал. В лес прямо. Вот он дурак.

Надежда, Сергей и Ваня стоят у ворот, смотрят на лес. Слышен звук поезда.

НАДЕЖДА. Чё такое-то, а?

ВАНЯ. Дурак же, говорю. На поезд прыгать побежал.

СЕРГЕЙ. Товарняк идёт, длинный.

НАДЕЖДА. Вот ведь не все дома, куда побежал-то!

Поезд стучит и стучит. Мария вышла, смотрит с крылечка в лес.

СЕРГЕЙ. Сейчас уже проедет, побежим.

НАДЕЖДА. Как долго-то.

Поезд стучит громче.

ВАНЯ. В Лондон, что ли, свой побежал?

СЕРГЕЙ. Да вот пойми пойдя, про какой-то янтарь говорил.

ВАНЯ. Вот дурак-то какой. Шли-шли и побежал.

НАДЕЖДА. Зачем в еловый-то ходить. Нельзя туда.

Поезд проходит уже рядом, грохочет на всю округу. Из леса слышен протяжный вой.

НАДЕЖДА. Страшно-то как, господи.

Мария смотрит в лес, крестится.

СЕРГЕЙ. Сиротка ведь, куда бежать ему.

ВАНЯ. Вот дурак. Вот дурак какой.

Поезд затихает, уходит. Тишина. Скрип снега. Из леса выходит Мужик с санками. Идёт по снегу к ним. На санках ветки еловые лежат, на ветках лежит Коля. Мужик тащит санки, они оставляют длинный след от полозьев. Тишина.

КОНЕЦ

Мария Малухина

МОРЕ. ЗВЕЗДЫ. ОЛЕАНДР

МОНО

(или стерео)

Действующие лица:

ДАШКА, 16 лет.

ДАШКА. Девяносто восемь, девяносто девять... шестьсот. Надо открыть глаза. До шестиста же достаточно, да? Да же? Всё ведь давно закончилось. Я же начала считать, когда Алису уже не было слышно. Я же специально слушала, сквозь море, сквозь сверчков этих ночных дурацких, чтобы перестало быть слышно. И когда перестало, я начала считать до шестисот. Или шестиста? Какая разница. Надо просто открыть глаза. Там ничего страшного нет. Страшное всё закончилось. Было да сплыло.

И... Оскар за самую дебильную шутку отходит к Даше. Даша молодец. Давай уже, открывай глаза.

А вдруг там всё ещё... А вдруг ещё видно? Но должно же уже отнести в море. А почему в море, если прибой. Прибой же, блин, наоборот его к берегу прибьёт? А-а-а... Фак, фак, фак. Хотя говорят же, не лежите долго в море на матрасе, заснёте, вас в Турцию отнесёт. Какую-то тётку, вроде, когда-то унесло. А что ж она до Турции ела и пила? И как не сгорела нафиг? Она же, наверное вообще как деревяшка обугленная к Турции причалила. Хотя сколько вот отсюда до Турции? День? Два? Может, это вообще миф. Городская там легенда. Только не городская, а пляжная. Может, его всё-таки унесло? И несёт себе в сторону Турции. Там, наверное подводные течения, вот его этим течением и того.

Блин, вот обычно глаза же закрывают, когда страшно, да? Когда в ужастике кто-то вот-вот выпрыгнет, можно через руку смотреть – поднес к глазам пальцы и через них, чтобы в нужный момент отгородиться.

Но когда выпрыгивают, это же всего секунду длится, а потом ты открываешь глаза спокойно. Потому что пока опять закадровая музыка зловещая не начнётся, можно расслабиться, всё норм. А тут-то что делать? Когда всё время? Когда длинно страшно? Когда как началось, так и длится? И не заканчивается?

Ну, подожди, вот смотри, ты сейчас откроешь глаза. Всё очень просто. Впереди – море, над – звезды, тоже над, но пониже – олеандр. Всё. Ничего там больше нет.

А если есть?

Ну, блин, если есть, то надо отвернуться и валить. На космических скоростях. Стоп. Про валить на скоростях, это мы, конечно, поторопились. Надо подумать. Надо хорошо подумать, потому что тут можно так попасть...

Уже, блин, попала!

Попала-то попала, а можно ещё больше. По-серьёзному. На всю жизнь попасть.

А это, блин, не на всю жизнь?

Так, спокойно. Споко. Щас мы что-нибудь придумаем. Щас мы успокоимся и быстро, чётко, слаженно придумаем план действий. Как Тамара Васильевна говорит: «План – это уже полдела».

Такое ощущение, что этого всего вообще нет. Школы нет, Тамары Васильевны, всего класса. Родителей тоже нет. Ленки нет. Как будто это вообще не моя жизнь. Есть только сейчас. Песок в трусах, море, олеандр этот. Олеандр. Слово какое идиотское.

Если любое слово долго повторять, оно станет идиотским.

Но «олеандр» особенно. «Др» этот. А без «др» был бы «олеан». «Олеанская дева». Или орлеанская? Неважно. И Жанна Д'Арк такая в веночке олеандровом. Хотя веночки уже точно из моды вышли. Года три как.

Так, неважно. Море. Звезды. Олеандр. Больше ничего.

А если он все ещё там?

А что изменится? Тебе не о нём надо думать, а о том, как из этого всего выбираться. Но сначала надо посмотреть. Просто, чтобы понимать. Примерно.

Что примерно?

Что делать, примерно. Если он там и если его унесло – это, наверное, какие две разные модели действий должны быть. Правда не понятно, в чём разница. Надо подумать.

Только сначала надо посмотреть. Потому что пока я не посмотрю, я так и буду думать о том, лежит он там или не лежит. Вместо того, чтобы план какой-то выработать. Надо оптимизировать, как папа говорит. Оптимизировать собственные возможности.

Да, но думать о том, что там, легче, чем реально посмотреть. Как кот Шредингера. Или Ленкина беременность. Когда месяц назад у неё задержка была, а все на дачу свалили, и поговорить было не с кем. Так бы хрен она со мной, конечно, поделилась. Я как была для неё мелкой, так и останусь навечно. Пофиг, десять

мне или шестнадцать. Правда, вот родители же говорят, чем старше мы будем, тем меньше эти два года будут чувствоваться. Хотя им просто всегда хотелось, чтобы мы дружили, потому и говорят.

Она же мне весь мозг вынесла, пока на тест свой не пописала. Казалось бы, чего проще. Хотя мне приятно было, пусть она так почаще мне мозги выносит. Я же тогда ей говорила, сделай тест, легче будет. Она же, когда свою одну полоску увидела, до потолка скакала. Но до этого, весь день ужасы воображала, как ребёнка одна в восемнадцать растить будет. Хотя, мне кажется, не такие, в общем, и ужасы. Особенно в свете последних событий.

Я её сейчас лучше понимаю. Тогда вот думала, ну какая дура, ну легче же знать, чем не знать. А сейчас понимаю, как ей было страшно. Когда страшно, вообще нормальная логика отключается. Ладно, блин, это просто. Это несложно. Надо просто открыть глаза. Как пластырь сорвать. Раз, два, три. Нет. Не три.

Да, блин! Даша! Ты можешь. Раз, два, три!

Вроде нету. Я даже к воде подошла вроде реально нету. Ну, было бы видно, такая луна. А не видно. Значит, унесло. Только нет никаких гарантий, что обратно не принесёт. Хорошо. Хорошо.

Сейчас, Даш, самое время думать. Песок из шортов вытряхнула, заныкалась обратно под олеандр – уже первый шаг сделан. Теперь сиди и думай. Время ещё есть. Времени полно. Дофига времени.

А я же знала, блин. Прямо чувствовала что-то. Не хотела сюда ехать. Я же сказала им, нормально всё, посижу одна дома месяц. Но нет, типа в шестнадцать ещё рано одной дома жить. Какой, вообще, лагерь? Я в эти лагеря до конца жизни наездилась, сколько можно уже. Я сказала им, ну пошлите в какой-то креативный лагерь хотя бы, но на крутые, прям креативные, типа денег нет, поэтому езжай, деточка, опять на море. Загорай. Иммунитетом запасайся. Ага. Щас.

Так, не тупим, соображаем. Во-первых, надо сделать так, чтобы тебя здесь как бы не было. Следы на песке не останутся – ветер. Тут под олеандром тоже нормально всё, надо только траву поправить чуть-чуть, чтобы не примятая была. Что ещё там в кино обычно, отпечатки?

Но это к Алисе, я-то что. Тем более, если его на пляж обратно не вынесет, там никаких отпечатков через несколько часов не останется, это в сериале как-то было, его раздует, там вообще месиво будет. Ой, мамочки. Ой-ой-ой...

Так. Стоп. Не думаем, не думаем, туда нельзя думать, об этом вообще никогда-никогда не надо думать. Там его нет, там вообще ничего больше нет. Так. Думаем о хорошем. Давай!

Мороженое. Черное платье с пайетками. Котик наш сладкий Гриша. Олеандр вон прекрасно как пахнет.

Думаем об олеандре.

Когда я маленькая была, мы на море ездили, я обожала этот запах. Самый сладкий, самый вкусный. Он мне так нравился, что я нарвала цветков и в рот за-

пихала, думала, они и на вкус такие же. Хорошо, мама тут же увидела, вынула всё из рта, к доктору гостиничному потащила, как раз мы в санатории были. Они мне промывание сделали. Они же ядовитые все насквозь, олеандры эти. И цветки, и листья. Кажется, я тогда поняла, что жизнь – какая-то странная штука, в которой не всегда получается так, как было бы лучше всего. Вот было бы здорово, если бы олеандры были на вкус такие же, как на запах, и не ядовитые. Было бы здорово, если бы я просто протупила месяц одна дома с сериальчиками. Было бы здорово, если бы мы с Димой не оказались в одной смене. В одном отряде. Или чтобы оказались, но без Алисы. Или чтобы...

Алиса... Господи, если мне так стрёмно, то как, вообще, Алисе? Может, найти её сейчас по-тихому? Сказать, что я видела?

Ну, скажешь ей и что? Она ещё больше пересрёт, от того, что ты видела.

А если не сказать, может, она вообще там щас суициднется от ужаса в одиночестве, а мне что тогда делать? А вдруг она сама всё расскажет завтра?

Ну, тогда вообще хорошо. Просто будешь тупо молчать и никому ничего не расскажешь.

А если не расскажет? А-а-а...

Ненавижу Алису. Ненавижу. Такая мразь. Я когда Алису в первый раз увидела, подумала: вот это стерва. Вот это прямо стерва. Их сразу видно. Они так с тобой говорят очень доброжелательно, очень вежливо, но как-то, я реально не знаю как, но им удастся в это «вежливо» добавить какую-то нотку, такую интонацию в голосе, и тебе сразу понятно, что она как бы

выше себя ставит. Выше, чем ты. Что она, в общем-то, смотрит на тебя как на говно, просто слишком типа хорошо воспитана, чтобы это показывать. Я реально не знаю, откуда это в них берётся, но они с детства такие. Я помню, в первом классе, меня посадили за парту с Викой. В первом классе, в семь лет, она как-то умудрялась это проворачивать. Их всегда ещё зовут как-то так. Типа Виктория, Кристина. Алиса, вот. А ты типа Дашка – козья какашка. А она А-ли-са. Не могу просто. С первого же дня стало ясно, что Алиса тут как бы звезда. У неё ещё инста типа популярная, ну не популярная, так, есть подписчики какие-то, и она вся такая сториз всё время пилит, ни на секунду от телефона отлипнуть не может.

Бл-и-и-ин! Телефон же! Если у неё геотег включен был, ее же спалить можно! Но может, она его выключает. Ладно. Ладно. Не мои проблемы. Господи, господи, спасибо за мой хреновый телефон, спасибо, что он просто тупо сел по дороге сюда. А если всё равно запалить можно? Даже с выключенным?

Да ты параноишь просто, Даш.

Ну, они в сериалах всё время какую-то типа триангуляцию делают, когда преступника по мобильному ловят. Типа от какой башни сигнал ловился, в том радиусе и искать.

Ну, так и что, мы все в этом самом радиусе. Как, вообще, они могут понять, ты на пляже была или в корпусе дрыхла? Десять минут ходьбы, все рядом, тут если сигнал от башни отражается, то всё равно от одной и той же. Тем более, сигнала нет никакого. Сдох телефон.

Может, они и за выключенным следят?

Да, всё может быть. Только мы не в сериалах. И не в Америке. Кто тут, вообще, так париться будет? Никто. Всё. Кончаем паранойю. Надо о плане думать, а не хернёй страдать.

3

А я теперь даже не знаю, кого я больше ненавидела, Алису или Димку. Ну, в смысле потом. С Димкой же поначалу, вообще, всё идеально было. Вот прямо как должно быть. Я вообще не понимаю, как оно всё так быстро. И не туда. Как так-то? Просто это же, это же другое было. Потому что всё, что до Димки было оно такое: ну, когда вам обоим понятно, что это просто типа пососаться на дискаче и забыть. Ну, или пару дней погулять. Ну, как-то так. А тут всё началось... Ну, как отношения какие-то. Когда даже думаешь, фантазируешь, что лето закончится, а вы в Москве всё равно вместе. Когда хочется, чтобы так было.

196

Это потому, что ты дура, Дашка. Дура тупая. Как только что-то замаячило, что-то такое вырисовываться начало, сразу вот это вот, фантазировать. А если фантазируешь, потом ещё больше, когда олеандр не олеандр. Когда всё не так, как ты себе в голове нарисовала.

Ну, он всё-таки так себя вёл, что вполне себе можно было фантазировать. Нормально так повод давал. Ну, то есть я не совсем же долбанулась и всё это себе выдумала? Есть же, в конце концов, какая-то объек-

тивная реальность. Ну, и в ней Димка, он вполне себя вёл. Когда он в первый день подошёл, посмотрел на мой телефон, спросил, что я слушаю, мы прямо поговорили полчаса хорошо так, и он как бы меня выделил из всех. Потом на обеде рядом сел, вот уже как бы второй шаг. Я обратила ещё внимание, как Алиса глаза закатила – «с этой???»», типа. Как бы незаметно, но все заметили. Ну, или я одна заметила, не знаю.

Но я-то прямо была в себе уверена, потому что кликнуло. Я его ещё в поезде заметила, они за несколько отделений от нас ехали, и я тогда подумала, что было бы клёво, если бы мы с ним в одном отряде оказались. И оказались, и он первый подошёл, и ну, кликнуло. Редко так совпадает. Там даже такой кайф от этого словился. Как будто мы в пинг-понг играли, мячик перекидывали. Ну, шутки всякие, подколы, стёб такой легкий. Как надо. Всё было, как надо.

Вообще, конечно, очень все быстро просекли, как ночами из палат линять. Ну, а чего там просекать? Двухэтажный корпус, балконы широкие, потолки низкие, тут даже упасть нормально нельзя. Вожатки сами ночами бухают со своими вожатыми, они как бы должны нас мониторить, но сами каждые пару дней реально тусуют. Так что мы тоже гулять уходим целыми палатами. Ну, не на всю ночь, на пару часов. Всё-таки часа в четыре, в пять вожатые спать идут, и тут, конечно, если они спялят, что мы целыми палатами пропадем, будет полный пипец. Они, конечно, больше мелких пасут, не самый старший отряд, хотя по логике, за мелких особо и переживать не надо, всё равно всю ночь спят как зайки. Но мы тоже особо не борзем, гуляем только когда они у себя в комнатах

туют, и где-то к половине четвёртого потихоньку обратно лезем.

А тогда, это день на третий, наверное, было, мы все ломанулись на пляж. У кого-то ещё из дома контрабандный алкоголь был, у кого-то сиги, ну, кого что интересует, и там как-то душевно было, хорошо. Вот тут прямо и сидели, в пяти метрах отсюда. Включили фонарики на телефонах, болтали, чего-то за жизнь там терли. Такое первое единение. И Дима снял толстовку и набросил мне на плечи. Она так пахла – какими-то хорошими духами, не Аксом этим вонючим, а прям хорошими. Такой запах... Взрослый. И я сидела в этом запахе, в этой толстовке, и смотрела на Алису немножечко свысока. Но так, вежливо. Типа незаметно. Потому что меня выбрали, а её нет. Никого больше. Только меня.

А на следующее утро нас всех потащили на весь день на море. Кто был поживее, играли в волейбол, но большинство просто завалились на полотенца. Никто даже особо не болтал, просто у всех на жару с похмелья болела голова. Дима лег рядом, он тоже просто молча лежал. Я вставила наушники в уши и включила «Саммертайм» Джоплин. Никогда не думала, что буду слушать такое старьё, но папа накидал мне песен, типа стыдно не знать классику. Что-то не моё совсем, что-то норм, а с «Саммертайм» я живу уже пару месяцев. Бывает, заедают иногда песни, и ты на репите живешь, но это только тогда, когда песня в тебя попадает на миллион процентов.

И вот я закрываю глаза, вставляю наушники, мой палец лежит на паузе, и я такая, как звукорежиссёр: чайки, звук прибоа, мяч отлетает от рук тех, кто в во-

лейболе, и раз, два, три... Плей. Вступают тарелки. Потом гитара ... и ... Summertime-time-time, child, your living's easy... А потом он вынимает один наушник, правый, и мы слушаем Джоплин вместе. А на минуте сорок пять, когда начинается этот безумный гитарный проигрыш, он берёт меня за руку, и кажется, что это лучший момент моей жизни!

4

Так как, как же, блин, всё куда-то не туда потом свернуло? От Дженис Джоплин, от пляжа, от «Саммертайма»?

Это потому, что ты дура, Даша.

Но почему он так резко это всё... Не мог же он потому, что... Ну, хотел то же, что с Алисой?

Ты мозги свои включи, наконец, и перестань слюни пускать. Ты спасибо, блин, скажи, что всё так получилось, потому что иначе ты бы сейчас не тут сидела, а там, куда Алиса убежала. Или ещё похуже.

Куда она, кстати, убежала-то? Не в палату же в свою... А может и в палату... Может, ей вообще норм. Может, это я тут в полной заднице сижу, а ей вообще отлично.

Да нет. Ты же видела... Ты же видела, как она ре-вела...

Может, найти её?

Да? И что ты ей скажешь? Алиса, я тебя понимаю, я бы тоже...

А я бы тоже?

А что, нет, что ли? Ты вот ещё раньше слилась, когда он с тебя трусы снять попытался.

Ну, может, он случайно. Может, у него просто рука соскользнула.

Блин, Даша, ты тупая? Если он с Алисой так, то это точно, прям стопроцентно не случайно ни разу. Вот сколько раз ты с ним целовалась. Четыре, да? И каждый раз оно было, ну, немного больше, чем в предыдущий. И в тот последний раз, когда все в парке играли в крокодила, а потом все пошли на ужин, а вы задержались, типа через пять минут придём... И там же был этот момент, когда вы целовались, и его руки, ну, они совсем куда-то не туда.

Ну поэтому, может, всё так тупо и получилось, нет? Потому что я сказала, что нет, не надо, и слилась быстро в столовку. Если бы не сказала...

А что, что, если бы не сказала? Ты с ним прямо там в беседке бы, да?

Нет, конечно. Но я всё равно не понимаю, почему он тогда так себя повел. Он же потом весь вечер и весь следующий день меня тупо игнорил. Я... тогда не поняла, да и сейчас не понимаю, я даже извиниться хотела подойти, типа сказать, ну, что он мне очень нравится, просто как-то он слишком быстро, что я не хочу так быстро. Я весь день сочиняла, как бы сказать это получше, чтобы не как полная дура звучать. А потом я такая ищу его после обеда по всей территории, чтобы поговорить, ну и вижу их с Алисой. Как он её

обнял и чего-то они вместе в телефон тупят. Вообще не палясь, на лавочке, посередине корпуса.

День, блин! Меньше дня! Он же даже не сказал мне ничего. Реально же как дура попёрлась, поговорить хотела, вот эта фигня вся, которую мама с папой всё время несут про то, что конфликты надо решать говорением, что надо проговаривать свои эмоции для здоровых отношений. Ага. Вот так идёшь, идёшь проговаривать, и у тебя землю из-под ног, фигак, и выбили. Я даже с места сдвинуться не могла. И Алиса такая поднимает голову от телефона от своего, и так смотрит на меня. Ну, т-а-к смотрит. Типа чего тебе, лохушка? Я вообще дико тупанула, конечно, просто развернулась кругом и пошла. Я ещё в этих шортах дурацких была, нелюбимых. Вот когда есть у тебя вещь, и вроде она норм, но ты её тупо не любишь. Но продолжаешь носить, потому что вроде глупо выкидывать, нормальная же вещь, но бесит. И я прям увидела себя со стороны, как я иду в этих шортах, а у меня ляжки жирные и коленка ободранная. А Алиса вся такая сидит, такая загорелая уже, красивая. Фу, блин. Ненавижу!

Ненавидишь? А не надо ненавидеть. Может, она на себя взяла, то, что по судьбе тебе предназначалось. Может, это вообще не с ней должно было случиться.

Ну, по заслугам тогда. Шлюха.

Да? А чем она хуже тебя?

Дура потому что. Сама виновата.

А ты не сама виновата?

Я не знаю, я не знаю, я запуталась!

И родителям ведь не расскажешь.

Может, рассказать?

Да? И что? Что? Типа я в лагере никому не сказала, а вам теперь расскажу. Как ваша прекрасная дочь ... вот такое вот.

Да что такое-то?

Да я не знаю! Надо было позвать на помощь кого-нибудь.

Кого?

Ну, взрослых, я не знаю. Кого-то, кто мог бы это остановить.

Да? Да? И что бы ты сказала? Прибегаешь ты такая к вожатым, говоришь, там Дима Алису... Да пока они бы добежали, он бы её сто раз...

Ну, да. Но его бы...

Что его бы?

Ну, наказали, посадили, я не знаю.

Да? А Алиса что тогда? Она не человек, что ли? Ей как жить потом?

А сейчас ей как жить? Что, так лучше, что ли? А мне, блин, как жить?

Да так же, как раньше, ты-то тут при чём. Ты-то жива-здорова.

Ну да, жива. В отличие от некоторых.

Нет, вот прямо нет. Если ты сейчас туда подумаешь, всё, капец плану, капец всему. Всё, всё, уходим оттуда. Туда нельзя. Думаем о хорошем. Малиновый торт с эклерами. Сэндвич с тунцом из Сабвея. Актёр, который Элиота играет в «Волшебниках». Всё, всё нормально. Всё окей. Всё хорошо.

Может, Ленке рассказать?

А она?

А она потом родителям...

Ну, она-то тебя поймет. Ты же не сдала её с её задержкой и тестами.

Масштабы разные.

Да как разные-то?

То, что она с кем-то в восемнадцать лет потрахалась, они поняли бы. А то, что я...

А то, что ты не потрахалась, не поняли бы?

Нет, то, что я за ними сегодня пошла. Я сама не понимаю, чего меня понесло.

Тебе было обидно.

Да.

Тебе было больно.

Да.

Тебе хотелось посмотреть.

Да на что посмотреть? Что я, извращенка, получаюсь? Я не хотела за ними подглядывать, я хотела просто своими глазами это увидеть.

Чтобы стало ещё больнее?

Да не знаю я. Чтобы понять, как вообще так можно. Когда ты переключаешься с одного человека на другого меньше, чем за день. Просто потому, что первый человек не готов. Просто потому что... *(Голос дрожит.)*

Так, человек, ты в руках себя держи. Спокойно.

Я не знаю, я хотела понять, может, я что-то не так сделала? Может, Алиса знает, как надо правильно? Но это я сейчас уже додумываю. А тогда я просто сидела на балконе и слушала музыку, меня девчонки звали обратно в палату, но я сказала, что хочу посидеть одна. Они там спать легли, свет погасили, и я тоже собиралась спать пойти, но тут я увидела Диму с Алисой, как они тихонько идут в сторону пляжа. Я не знаю, что на меня нашло. Я просто дождалась, когда они завернут на дорожку, вылезла с балкона – первый этаж, тут лезть нечего, и пошла за ними. Я не думала тогда! Вообще! Просто пошла.

Я... это очень глупо, наверное, но я себя чувствовала как в шпионском фильме. Я никогда раньше ни за кем не шла незаметно, не кралась. Я даже пряталась за какой-то тумбой, но это так, для себя. Они бы меня всё равно не заметили. Когда они отошли от корпуса, Алиса тут же включила музыку на телефоне. Мне кажется, это такой дебилизм, включать музыку на телефоне через динамик. Типа создавать атмосферу. Капец просто. То есть, без музыки ей не романтич-

но... Видимо, надо, чтобы всё как идеальный сториз выглядело, даже когда не заливаешь онлайн. Инстаграм мозга какой-то. И она, короче, врубила «Незабудку». Я вообще не поняла, при чём тут «незабудка твой любимый цветок» и прогулка по ночному пляжу... И голос у этого парня, который поёт, мерзотный, на мой вкус, но ладно, ей виднее, конечно. Они с Димой чего-то ржали, скакали под эту «Незабудку», он типа отобрал у неё толстовку, на себя напялил, она такая отдай-отдай, ну, как обычно бывает. Это по дороге всё. А потом они дошли до пляжа, стали у воды тусить, а я как раз подошла и засела под этим олеандром. Оттуда меня в темноте точно не видно, ну и ветки ещё нависают, прикрывают. У меня поначалу даже от запаха голова закружилась, так сладко, и в носу зачесалось... Я подумала, если я сейчас чихну, это всё. Это конец. Но я зажала нос двумя пальцами, и перехотелось, а потом уже как-то и запах перестала замечать.

Алиса там на берегу, конечно, просто из кожи вон лезла. Начала типа колеса крутить по пляжу под лунной, типа вот я какая легкая, гибкая и вообще гимнастка. Я, конечно, сидела, смотрела и... Да ну, в общем.

Ядом исходила, вот что.

Ну, ядом исходила, да. Потому что она может, а я не могу. Видимо, поэтому её Дима и выбрал, а не меня.

Ты совсем, что ли, дура?

Отстань.

Совсем тупая?

Заткнись!

Ты что не понимаешь, что то, что было дальше, вообще твоего Диму перечёркивает? Как нормально-го человека? Как того, о ком можно было фантазировать?

Заткнись!

Да-а-а... Дима её выбрал, а не меня. Драма какая. Трагедия! Обрыдаться можно. Бедненькая Даша.

Заткнись!

Что дальше-то было? С твоим Димочкой? А?

Ничего дальше не было! Вообще ничего не было!

Было!

Нет, не было! Нет! Не хочу!

Не хочешь, но было!

Заткнись! Ла-ла-ла!.. Я тебя не слышу! Не слышу! Ничего не слышу! (Затыкает уши руками и поёт.) «Не-за-будка твой любимый цветок»!..

206

7

Даш, кончай, а? Напелась?

Да.

Успокоилась?

Да как тут успокоиться, вообще? Как?

Вдохнула. Выдохнула. Серьёзно, вдох, выдох. Море. Звёзды. Олеандр. Всё просто. Всё понятно.

Да ничего, блин, не понятно!

Даша, то, что было дальше – тоже очень просто.

Мы же об этом не думаем.

Теперь думаем.

Ты сама говорила, мы туда вообще-вообще-никак-совсем не думаем.

Теперь надо.

Зачем? Зачем надо? Я же так это вообще никогда не забуду. Давай лучше, действительно: море, звёзды, олеандр. Как будто ничего не было. Просто встанем и пойдем в корпус, и ляжем спать, и проснёмся утром, и...

И?

И посмотрим, что и как.

Нет.

Почему нет-то? Вполне себе план. Отличный план. Замечательный.

Так не получится.

Почему?

Так не пойдёт.

Почему?

Алиса закончила делать последнее колесо и упала на песок. Она немножко не рассчитала движения и её занесло набок. Ты под олеандром позлорадствовала.

Не надо.

Пока Алиса лежала на песке и хохотала, Дима воспользовался моментом. Действительно. Пляж, луна, прибой. Идеальный момент для идеального поцелуя.

Не надо, прекрати.

Дима целует Алису. Они сосутся на песке, и тебе так противно, ты думаешь, что сейчас надо встать и тихо-тихо, чтобы не дай бог не хрустнуть веткой, выбраться из-под олеандра и пойти обратно в корпус. В конце концов, ты действительно пришла не подсматривать.

Нет...

Ты очень занята тем, чтобы тихо подняться, ты уже встала на ноги и просто стоишь за цветущим кустом, готовая последним движением выскользнуть на дорожку и увинтиться к корпусу, когда...

Когда...

Когда?

208

Когда я слышу, что Алиса кричит: «Прекрати! Нет! Не надо!».

Прекрати. Нет. Не надо. Ты поворачиваешься к ним и видишь...

И вижу, как Дима пытается её раздеть. Я вижу, как Дима...

Твой ненаглядный Димочка, да...

Я вижу, как Дима пытается стянуть с неё лифчик. Алиса сопротивляется... Она брыкается, колотит его руками и ногами...

А ты замерла...

Я не знала, что делать. Кинуться к ним? Помочь Алисе? Побежать в лагерь за взрослыми?

Про взрослых мы уже говорили. А вот прямо там ты могла бы ей помочь. Помочь Алисе. Но ты не захотела.

Я не могла, меня замкнуло, заморозило, я пошевелиться не могла.

Пока Алиса отбивалась.

Пока Алиса отбивалась.

А если бы он победил? Если бы он начал...

Он не начал...

Ты осталась бы смотреть?

Нет!

Тебя же заморозило.

Нет! Нет! Я не знаю!

Но он не победил...

Нет... Я тогда не поняла, что случилось. А потом, в смысле сейчас, когда дошла до берега, я увидела, там из песка торчала железная штука. Типа для зонтика, или я не знаю для чего. Они катались по песку, и в какой-то момент Алисе удалось чуть-чуть вырваться. Она не хотела.

Она просто его ударила. Она защищалась. Она не хотела, но так получилось.

Так получилось. Так получилось. Просто ей удалось ударить его по голове. И там оказалась эта железная штука.

Так бывает.

Так не должно было быть.

Но так бывает.

Она сама сначала не поняла. Пыталась его растолкать, кричала, редела.

Ты могла тогда выйти из-за своего куста, из-за своего тупого олеандра, выйти и помочь.

Но я просто смотрела.

Ты просто смотрела. Ты просто смотрела, как, накричавшись, она тащит его в воду. Ей было очень тяжело. Очень. Хотя тащить было всего ничего. Она плакала, она говорила: «Господи, господи, господи, помоги». И ты могла бы помочь. У тебя не отвалились бы руки.

Я не могла!

Ах, ты не могла.

Я была бы соучастницей. Соучастницей убийства.

А так ты свидетель.

Лучше быть свидетелем, нет?

Я не знаю.

И я не знаю.

И я не знаю.

И я.

Когда я была маленькая, я часто врала. Не потому, что я была плохим ребёнком, а просто приходилось. Ну, бывает. Иногда проще соврать, чем долго объяснять, как оно там на самом деле было. Мне ни за что почти не стыдно, только за один случай. Но за него – прямо очень. Иногда вот просыпаешься ночью воды попить или в туалет, а потом не заснуть и всякая ерунда в голову лезет, он как раз одним из первых и приходит.

У нас хомяк был, Пьер. Потому что чёрно-белый как Пьеро, а «о» отвалилось в итоге и остался просто Пьер. И, короче, один раз мама с папой уехали куда-то на пару дней, а нас оставили с бабушкой. Поскольку на бабушке была готовка, уборка и мы с Ленкой, хомяк, соответственно, был на нас с Ленкой. Кормить, клетку чистить, воду ему менять, вот это всё. Мне шесть лет было, а ей восемь. Ну, и поскольку она старшая, то на деле предполагалось, что она как старшая реально за него и отвечает. И всё шло нормально, но в последнюю перед приездом родителей ночь я проснулась, вот как раз воды попить или в туалет, а потом никак не могла заснуть. Ленка крепко спит, и её если разбудить, то она очень злится, я это уже тогда прекрасно знала. А мне было ужасно скучно... И в общем, я вынула Пьера из клетки и взяла к себе в кровать. Поиграла с ним немного, он заснул у меня на груди, и я заснула. Я не знаю, что произошло, или я его придавила как-то во сне, или ещё что-то. В общем, утром он был у меня под боком уже... уже мёртвый. Маленькое тельце. Очень маленькое. Все ещё спали. И я... Я так испугалась, что мне влетит, что никому не

сказала. Я просто тихо положила его обратно в клетку. Потом проснулась Ленка, мы обе ревели, бабушка пила корвалол. Я очень боялась, что родители приедут и будут ругать Ленку, что она его плохо кормила и он умер. Ходила весь день тряслась, но так и не призналась, что это я его... Но родители приехали и никого не ругали. Они сказали, что хомяк, скорее всего, умер от какой-то своей внутренней болезни. И мы просто похоронили Пьера во дворе в коробке из-под маминых туфель. А я так никому никогда и не рассказала.

Ну, и к чему эта трогательная история? Типа надо идти и сдавать Алису?

Нет. Типа я и тогда была готова подставить Ленку, лишь бы меня за хомяка на месяц сладкого не лишили.

А, то есть, теперь ты будешь сидеть на пляже до рассвета и думать о том, какой ты ужасный человек?

Я не хочу подставлять Алису! Если я расскажу, а она нет, получается, я её сдам... Это будет худшим поступком за всю мою жизнь. И за всю будущую жизнь тоже. Я даже не знаю, что надо сделать, чтобы это переплюнуть.

А если не сдашь?

Они всё равно, скорее всего, найдут Диму, да? Вряд ли его, действительно, далеко унесло. Завтра станет ясно, что он пропал, начнутся поиски, и рано или поздно...

То есть, пока весь лагерь на ушах стоять будет, ты будешь просто наблюдать?

Значит, надо убедить Алису во всём признаться. Если она сама всё расскажет, ко мне, вообще, никаких вопросов. Никто даже не узнает, что я в этом как-то замешана. Я тут вообще не при чем.

Ага, а кто Алисе поверит, что она его случайно... Что она защищалась? Как она, вообще, докажет, что он пытался её изнасиловать?

Ну, не надо...

Надо. Из - на - си - ло - вать. Это так называется.

Да какая разница как это называется? Почему мы, вообще, на этом застряли?

Потому что ты дура тупая. Даже сейчас, даже сейчас ты его оправдываешь.

Да не оправдываю я никого. Просто Алиса тоже, знаешь, не ангел небесный. Может, она, вообще, этого хотела? Зачем-то же она с ним пошла ночью на пляж? Просто передумала в последний момент.

М-м-м... Прямо как ты.

Я устала. Я хочу домой. Я к маме хочу. К папе. К Ленке. К котика сладкому Грише. Я хочу, чтобы этого всего не было. Чтобы это был просто сон. Проснуться сейчас дома, а мама на кухне уже кофе варит. Неужели так сложно? Неужели! Так! Сложно!

Не реви.

Я не реву.

Ты ревёшь. Тебя скоро из корпуса слышно будет.

Ну и что! Ну и реву! Имею право!

Дашка, соберись. Надо решать. Скоро четыре утра. Надо обратно идти, чтобы не дай бог не спалили, что ты в ночь убийства пропала где-то.

Так девчонки все равно знают, что меня не было...

Может, и не знают... Они крепко спят. Если ты тихо обратно залезешь, может, и не проснется никто. Но надо решать, Даша.

Да как я, вообще, могу решать? Как я могу? Вот мне дали Алисину судьбу и что я, как бог египетский, её взвешивать должна? Как человек может за другого решать? Вдруг то, что я тут наreshаю, всё изменит? Вдруг её в колонию из-за меня посадят? Я смотрела документалку про девочек из колонии. Какая бы там Алиса ни была, её там с потрохами сожрут. И не подавятся. Да пусть она сама решает!

Ты сама тут два часа решить не можешь, что делать, а она пусть решает?

214

Да почему я, вообще, должна о ней столько думать? Я от неё, между прочим, ничего хорошего не видела, только плохое и очень плохое. Пусть сама выпутывается.

Но ты же пошла за ними. За Димой и Алисой.

Да не знаю я, зачем пошла.

Чтобы быть частью. Чтобы не оставаться в стороне. За бортом. Очень обидно, когда тебя выкидывают за борт. Очень обидно, когда тебя не хотят.

Ну и?..

Ну и бери ответственность. За хомяка тогда не взяла, а за это сейчас бери.

Да при чём тут ответственность? Мне всего шестнадцать, я даже пиво купить не могу, если захочу.

Ей тоже шестнадцать. И ему шестнадцать. Было.

Ну? И? Нам всем шестнадцать, ура?

Да кончай уже клоунаду, Даш.

Вот мамиными словами не надо, ладно? Про клоунаду?

Ладно.

Ладно.

Но ты же уже знаешь, что делать.

Да не знаю я ничего, что ты пристала. Я, вообще, знаю только то, что есть море, звёзды и олеандр. А во всём остальном я сильно сомневаюсь.

Есть море, звёзды, олеандр. Есть ты, которая очень устала под ним сидеть. Есть Дима или то, что было Димой. Есть его тело где-то в черноте моря. Ты разлюбишь пляжный отдых и в следующий раз зайдёшь в море только через много лет. Есть спящие в вашей палате девчонки, есть вожатки и вожатые, которым, по-хорошему, надо бы прикрыть всю эту лавочку с ночными прогулками, но им самим по двадцать, тоже можно понять. Где-то далеко на даче спят мама и папа, мама всё ждет, когда распусят-

ся посаженные этой весной гладиолусы, и утром она увидит первый ярко-красный цветок. Где-то, наверное тусит с друзьями Ленка, она, похоже, ещё и не ложилась. А где-то на дальней скамейке, что под неработающим фонарём, или на траве у задней стены столовки, или под каким-то олеандровым кустом, где-то рядом – Алиса.

Сволочь, стерва и гадина Алиса.

Красивая, загорелая Алиса.

Дура, ненавижу! Алиса.

Точно такая же, как ты, Алиса. И ты встанешь...

И я встану, и вытряхну песок из шортов, и тихо-тихо пойду. И загляну в каждый темный уголок, в каждое секретное место, под каждый олеандровый куст.

Ты найдёшь Алису.

Я найду Алису.

Сначала ты сядешь рядом...

А потом мы вместе придумаем план. Ведь говорит Тамара Васильевна, что план – это уже полдела.

Но до этого ты просто...

Я просто возьму её за руку и скажу: «Эй. Я тут. Я с тобой».

КОНЕЦ

Александр Новожилов
ТАБЛИЧКИ

Действующие лица:

ОЛЕСЯ.

ОЛЕГ.

МУЖЧИНА.

Сентябрь. Нелегальный пункт приёма металлолома, расположившийся в гараже. Большой стол, на котором расположились чашка, чайник, калькулятор, небольшой приёмничек. Кроме того в гараже стул, весы, мешки с металлоломом, ширма в углу, на стене висит фуфайка. Олеся – хозяйка пункта и по совместительству приёмщица. Олеся одета как типичная кладовщица, с платком на голове, потому выглядит старше своего возраста. Она сидит за столом, пьёт чай и слушает радио. Раздаётся стук в ворота. Олеся вздрагивает. Она подходит к воротам и смотрит в глазок.

ОЛЕСЯ. Кто там?

ОЛЕГ (*из-за двери*). Лом возьмёшь?

Олеся открывает дверь в воротах, высовывает голову, смотрит по сторонам.

ОЛЕГ. Да не бойся, родимая, нет никого. Свистнешь, и то не услышат.

ОЛЕСЯ. Заходи.

Олег проходит. На плече у него большая спортивная сумка. Олеся закрывает дверь.

Что там у тебя?

Олег ставит на пол сумку, растёгивает её. Достает мешок с металлом.

ОЛЕГ. Черняшка. (*Ставит мешок на весы.*)

ОЛЕСЯ (*заглядывает в мешок, затем смотрит на показания весов*). Девятнадцать тысяч восемьсот. Как ещё дотащил. (*Подсчитывает на калькуляторе.*)

ОЛЕГ. Как ещё нашёл!

ОЛЕСЯ. Ой, не говори. Сто пятьдесят восемь рублей.

Олеся заходит за ширму. Выходит с деньгами. Отдаёт Олегу.

Что ж ты на бутылку-то не донёс?

ОЛЕГ (*пряча деньги в карман*). Какая бутылка, мать? Бабушке на растирку собираю. Болеет бабушка сильно. Артрит, ортроз, остеопороз. Слышала? Не дай бог заразиться. Господи, прости.

ОЛЕСЯ. Не заразишься. Лучше мешок помощи стащить.

ОЛЕГ. Это как раз-два. В одно мановение. (*Снимает мешок с весов, ставит рядом с другим мешком.*) Так сойдет?

ОЛЕСЯ (*утраивая мешок*). Сойдёт. Иди, бабушку лечи, лекарь.

ОЛЕГ. Со всех ног.

Олег подходит к двери, пытается открыть замок. Олеся в это время достаёт из мешка прямоугольную металлическую пластину.

Подруга, выпускай, заклинило что-то.

Олеся изучает пластину.

Открой, слышь!

ОЛЕСЯ. Ты что принёс?

ОЛЕГ. А что я принёс? Металл принёс.

ОЛЕСЯ. Металл?

ОЛЕГ. Металл. Железо. Банки-склянки там разные.

ОЛЕСЯ (*читает*). «Алешенька Лунёв. 14.06.89 – 15.09.89». Ты что мне принёс, склянка-банка? Ты откуда это взял?

ОЛЕГ. Ну, а что? Оградки, значит, можно сдавать, а таблички, значит, нельзя?

ОЛЕСЯ. А ты читал чья это табличка? Ты когда её с памятника отковыривал, ты читал, что на ней написано?

ОЛЕГ. Ничего я там не отковыривал, она там просто прислонена была к памятнику. Если бы не я, так кто-нибудь другой её взял. В натуре тебе говорю.

ОЛЕСЯ. В натуре...

ОЛЕГ. По натуре.

220

Пауза.

ОЛЕСЯ. Вот сейчас «по натуре» взял эти таблички и вернул их обратно... На место отнёс. Понял?

ОЛЕГ. Тебе надо, ты и носи. Я тебе не почтальон. Своё дело я сделал. Металл принёс? Принёс. Ты приняла? Приняла. Деньги отдала? Отдала. Всё. Двери отворяй. Офидерзейн. (*Идёт к двери.*)

ОЛЕСЯ. А ну стой, молокосос!

ОЛЕГ. Ты слова-то выбирай, старуха! А то и фасад могу разукрасить.

ОЛЕСЯ. Старуха?

ОЛЕГ. Старуха.

ОЛЕСЯ. Я?

ОЛЕГ. Ты. Как в старых и не очень добрых сказках, только без ступы. *(Пытается открыть замок двери.)*

ОЛЕСЯ. Да какая же я старуха? Ты где старуху увидел?

ОЛЕГ. Да везде. Вот тут, вот тут, вот тут и ещё вот тут. И вон там под одеждой твоей такая старуха живёт, что...

ОЛЕСЯ. Что?

ОЛЕГ. То. Открывай поживей, заклинило что-то. А у меня ещё дел по горло... Ну...

ОЛЕСЯ *(надвигаясь на Олега)*. Морда ты алкашачья, ты хоть знаешь, сколько мне лет?

ОЛЕГ. У женщин не принято спрашивать.

ОЛЕСЯ. А я тебе скажу!

ОЛЕГ. А мне и не надо!

ОЛЕСЯ. А я тебе скажу!!

ОЛЕГ. А мне и не надо!!

ОЛЕСЯ. А я тебе скажу!!!

ОЛЕГ. А мне и не надо!!!

ОЛЕСЯ. Мне надо!!!

Пауза.

ОЛЕГ *(спокойно)*. Но мне-то не надо... Отпусти по-хорошему.

ОЛЕСЯ. Не отпущу.

ОЛЕГ. Вот дура старая, репьем к штанам прицепилась – не стряхнёшь. Ещё этот замок, как назло. Так и будем стоять что ли?

ОЛЕСЯ. Кто-то стоять, а кто-то сидеть.

ОЛЕГ. Ну вот, ворота отворяй и сиди себе... до самой пенсии.

ОЛЕСЯ. Не... ты не понял. Это ты будешь сидеть до самой пенсии.

ОЛЕГ. Да кто ж мне посидеть спокойно даст на этом свете? Одних забот каждый день полна сумка.

ОЛЕСЯ. Я тебя посажу.

ОЛЕГ. Как это ты?

ОЛЕСЯ. А так. За бессовестность твою. Вот за это. *(Трясёт табличкой.)* Вот за то, что ты у трехмесячного ребенка, да с могилки...

ОЛЕГ. А ты мне тут про совесть не пиликай. Сама краденое скупаешь, а мне свою совесть как лапшу на уши вешаешь. У самой рыльце измазано по самое не балуйся... Ладно. Давай её сюда, пойду верну, где была.

ОЛЕСЯ. А вот выкуси. Не отдам я её тебе.

ОЛЕГ. Почему не отдашь? Ты ж хотела.

ОЛЕСЯ. А вот теперь хочу, чтобы ты в уголок вон в тот посмотрел и дяде милиционеру ручкой помахал.

ОЛЕГ *(мельтешит взглядом по углам)*. Какому дяде? Ты что бузишь?

ОЛЕСЯ. Вас снимает скрытая камера. Вон там.

ОЛЕГ (*закрывая лицо рукой*). Да не вижу я ничего. Где там камера?

ОЛЕСЯ. А тебе и не надо её видеть. Там на том конце провода всё видно. На кассету всё записывается. А милиционер посмотрит потом и фоторобот нарисует. На каждом столбе твоя бесстыжая морда будет висеть. Зайцем от гончих собак скакать станешь, вприпрыжку, пока в клетку тебя не загонят. А когда загонят, тогда и узнаешь, как над могилками чужими глумиться... Старуха тебе покажет. Она тебе такое покажет!

ОЛЕГ (*поворачиваясь к Олесе*). Зараза! Страшнее бациллы. Значит, не ввали люди с понятием, что ты подстилка ментовская, что под ментом ты лежишь и ему подмахиваешь? (*Достаёт из кармана купюру, сминает её, бросает Олесе в лицо.*) Подавись, шавка!

Олег толкает дверь. Дверь неожиданно легко открывается. Он убегает.

ОЛЕСЯ. Куда? (*Вдогонку плюёт.*) Да чтоб на тебе род остановился! Как вас ещё земля русская на себе держит! (*Закрывает дверь. Поднимает купюру. Кладёт в карман. Смотрит на табличку. Бросает табличку на стол.*) Ещё и этого не хватало. В общую кучу уже и не бросишь. (*Засовывает руку в мешок, который принёс Олег. Останавливается.*) Может, конечно, зря я так с ним... А не надо было первому начинать. Старуха, старуха, да какая же я старуха! У старухи внуки должны быть, а у меня не то что внуков, у меня и детей ещё нет. А то, что я одеваюсь так, то это ни о чем ещё не говорит. Холодно мне здесь, холодно сидеть, поэтому и одежда такая. (*Осматри-*

вает себя.) Нормальная одежда. Можно подумать, тут солнышко как в раю светит. (Снова заглядывает в мешок. Достает ещё одну табличку. Всматривается с трепетом и страхом.) Мать моя, Богородица. Господь с тобой. Благословенен плод... Малышка-то какой. Хорошенький-то какой. (Берёт табличку со стола.) Неужели это ты такой... Алешенька. Сколько же тебе здесь? Месяца два от силы... А сколько уже лет-то прошло?.. За что, Господи? За что дитя невинное прибрал ты к себе? Чем же он перед тобой провинился? Скольких ты уже за это время жизни земной лишил? Для чего же ты травы сорные расти оставляешь, а цветочки красивые срываешь? Все у тебя не как у людей, Господи! (Кладёт таблички на стол.) Кто бы ещё показал, где тебя искать... Этот больше не придёт. Точно не придёт. Зачем он вообще приходил? Ведь спокойно так было на душе. А теперь возись с тобой как с маленьким. Господи, говорю-то что, ты ведь и есть маленький. (Засовывает руку в карман. Достает из кармана купюру, брошенную в неё Олегом. Хочет порвать, но вместо этого разглаживает её.) Вот был бы ты живым, я бы может тебя насовсем у себя оставила, а так... конфет тебе куплю. Отнесу на могилку. И таблички твои тоже. Так правильно будет. (Кладёт купюру в карман. Прячет таблички в стол. Включает радио.)

2

Темно. Тихое место. Небольшая полянка. Бревно и пенёк. Олег сидит на бревне. На пенёке стоит бутылка водки, два стакана и закуска.

ОЛЕГ (*повернув голову, говорит куда-то вдаль*).
Слышь, я чё говорю, Серёнь? Мне-то что теперь с этим делать? Там моя фейса как фоторобот, и я собственной персоной во весь рост: от корней и до самых кончиков. Вот нафига я эти таблички брал? Веса в них 100 грамм и цена копеечная. Прошёл бы мимо и делов. Слышь? Веса, говорю, 100 грамм. А давят на меня как тонна. Вот тебе и 100 грамм... (*Наливает из бутылки в стакан.*) Я ещё остограмлюсь. Ты там не заблудился? Эй! (*Выпивает.*) Не, ну я думал вдруг до килограмма не дотянет. Это не потому, что я какой-то, ну, как его... «расхититель гробниц». Я просто думал, что до килограмма может не хватить, вот всякую мелочевку и подбирал. Ну, а тут сама судьба. К скупке через кладбище ближе, ты же знаешь, вот я и пошёл. Не то чтобы я целенаправленно. Ну, ты понимаешь. Так-то я детей люблю, ну, в смысле. А что теперь делать не знаю... Надо бы эти таблички на место вернуть. Может, не поздно ещё? Может, никто ещё по ту сторону объектива мне в глаза-то и не заглянул? А, Серёнь? Может, есть ещё шанс под статью не загреметь?.. Да разве она отдаст эти таблички похорошему? К такой бабе и на козе с бантиком не подъедешь... Да я и не знаю, как подъезжать-то. Знать бы как глазки-то по науке строить, да и говорить им что для услады, уже давно женатым бы ходил. Но, видно, не судьба, Серёнь, видно последнюю бутылку беленькой мы с тобой сегодня допиваем... Кошки на душе скребут. Я тут себе уже всё расчесал докрасна, зудит, спасу нет. Хоть кума бы твоего попросить, чтобы таблички эти на заводе сварганил. Только вот не помню, как пацана этого звали, да и фотография его

там... А... всё бестолку. Если ментам настучала, то всё, пиши завещание. Был один срок, будет и второй. Не помилуют, Серёжа, не дадут шанса на исправление. Ты там как вообще?.. Чё тебе плохо?.. Мне тоже плохо, Серёж, но у тебя хотя бы душа не болит. Кишки, печень – это так, ерунда, Серёжа, ливер это. Тело. Тело без души только у собак, а мы люди, Серёжа, люди, которые дрожат от неизвестности, а сами и не знают, произойдет с ними эта неизвестность или стороной обойдёт. И я дрожу, от страха дрожу, боюсь, что сдаст меня эта падла, и табличку с номерком на грудь мне повесят в казенном учреждении... Вот она душа какая, трясётся как осиновый лист. И как успокоить её? Как приструнить?.. К ноге, дрянь, к ноге! Ан нет, не слушается она. И если твоя душа, Серёжа, для меня потёмки, то своя – крошечная темень, не подчиняется она мне, хоть ты тресни... И пацан этот, слышь, он же мне ничего не сделал, а я его, вроде бы безмянным оставил из-за рубля этого грёбаного. Как преступника: без имени и фамилии... Схожу завтра на кладбище, конфет пацану отнесу. Может, хоть одна царапина с души исчезнет. А то груз, понимаешь, давит, снять надо. А пока вот так. *(Наливает. Выпивает.)* Ну, где ты там? Отзовись хоть. *(Встаёт, идёт шаткой походкой.)* Подскажи, что делать, ты ж опытный, Серёнь?! *(Останавливается.)* Вот такая штука, Серёжа, что в пору хоть задушиться. *(Уходит.)*

3

Тот же нелегальный пункт приёма металлолома в гараже.

ОЛЕСЯ (*сидит за столом, пьёт чай*). Душица от слова душа. Нервную систему очень успокаивает. Сначала бодрит, а потом расслабляет, и на душе тепло становится. Нет, это не самовнушение, так оно и есть. Неспроста у каждой травы своё название. Хворобой – с болезнями борется, чистотел – тело чистит, мята – и так каждому понятно, а душица, значит для души пользу несёт. Для души что главное? Добрым быть, не злиться. Вот мы с душицей и стараемся. Душа она хоть и невидимка, а чувствуется иногда там внутри, то щемит, то ломит. Вот как с ним. (*Берёт в руки табличку, смотрит на неё.*) Неужели ты так спасаешь, Господи? От этой жизни спасаешь. А может, и про меня в твоей канцелярии уже табличка уготована? (*Выдвигает ящик в столе, достаёт оттуда пакет с конфетами.*) Я и конфет тебе купила и Алёшеньке. (*Смотрит на конфеты.*) Ласточка – птичка небесная. В церковь тебе конфеток отнесу, Господи, чтобы сласть нашу земную попробовал, чтобы не гневался на меня. Может, и Алешенькину могилку своим проведением поможешь найти. Родители его, поди, волнуются. Тут и сердце не выдержит. Был бы мой, точно бы разорвалось... А у кого-то ещё совести хватает с могил подбирать.

В ворота стучатся. Олеся прячет таблички в стол. Закрывает ящик стола.

ОЛЕСЯ. Кому там приспичило? Я уходить уже собралась. (*Подходит к двери. Смотрит в глазок.*) Не видно ничего. Кто там?

Слышен голос за дверью: «Медь. Первичка».

А что так поздно?

Тот же голос из-за двери: «Долго сказка сказывается, да не быстро дело делается».

ОЛЕСЯ. Много у тебя?

Снова голос: «Килограмм 15».

Сейчас открою. Черт с тобой.

Олеся открывает дверь. Внутрь забегают Мужчина в балаклаве. Олеся застывает.

МУЖЧИНА. Не двигаться! Ограбление! *(Пытается достать из кармана нож, не получается.)* Да что там у тебя? Вылезай же!

Всё происходит настолько неловко, что нож падает на пол. Олеся начинает пятиться назад.

Да, ё моё! *(Поднимает нож. Держит за лезвие.)* Стоять! Ни с места!

Олеся замирает.

(Заметив, что держит нож не так). Блин! (Берёт нож правильно.) Камеры выключай! Мешки выворачивай! И поживее!

ОЛЕСЯ *(снова пятится назад)*. Да как, да что тут, да у меня тут и нет ничего. А деньги я сейчас отдам. Всё отдам. Только не убивайте!

МУЖЧИНА. Какие деньги? Стоять! Ни с места! Иди сюда! Резче, резче!

ОЛЕСЯ *(останавливаясь)*. Как это и стоять и идти? Всё одновременно-то как? *(Кричит.)* Спасите, мамочки! *(Бежит за ширму.)*

За ширмой что-то со звоном и грохотом падает.

МУЖЧИНА. Ты чего это? (*Прячет нож, идёт за ширму.*)

Мужчина, пятась, выходит из-за ширмы. Натывается на стол. Останавливается в растерянности. Замечает конфеты. Потом резко смотрит по сторонам, приглядывается к углам под потолком. Медленно переходит от мешка к мешку, копошится там. Затем садится на пол, держится за голову. За ширмой что-то снова со звоном падает. Мужчина убегает. Слышен кашель Олеси.

4

Полянка. На бревне сидит Олег. На пеньке и рядом много винных бутылок, пустых и неначатых, и конфеты горстями. Рядом с Олегом лежит человек. Это Сергей.

ОЛЕГ (*толкает человека ногой*). Серёнь, ну ты чё так быстро? Мне одному столько не выпить. Давай, вставай! Соберись, тряпка! Продолжаем. (*Ставит ногу на него.*) Слабак. Духом ты слабый, Серёня! От хорошего вина совсем голову потерял. Вот я, ты слышишь, совсем другое дело. Я хоть сейчас десять приседаний сделать смогу и меня не поведёт. Хочешь покажу? (*Выпивает стакан.*) Смотри и учись, салабон. (*Начинает приседать.*) Один, два, три, четыре... А ты

о приبلудной, Серёнь, ничего не слышал? Говорят, её того, наглушняк. Я вчера в скупку ходил, стучался, никто не открыл. Не врут, значит. Видать совсем обнаглела. Может, обвесила кого? А народ у нас сейчас злой, мстительный. Человек человеку волк, зуб за зуб. Ты им левую щеку не подставляй, без правой останешься. Восемь, девять, десять. *(Заканчивает приседать.)* Ну вот, а ты говорил: не смогу, не смогу. Сила духа, Серёжа. Это тебе не душа какая-нибудь с остатками совести, которая вот здесь в груди лягушкой квакает. Забудь ты о душе, Серёжа, забудь. Надо ли нам знать, что там тикает? Надо ли нам туда вообще заглядывать? Надо ли жалобить себя? Об стену лбом биться... Не. Не надо. Только дух, только чистая энергия силы. Вот что поможет в этом мире выжить, вот что спасёт... А вот эти свои рассуждения о сочувствии ты оставь для попов. *(Берёт с пенька конфету.)* Пацанов малолетних жалко стало. Только они меня не пожалели, когда у следователя в кабинете все коробки с краденными конфетами мне на шею повесили да по карманам рассовали. А я эти конфеты даже в руки не брал. Вот где они все? Где они теперь все эти пацаны? В Москве? В Риме? В Нью-Йорке? А я за них, за всех теперь здесь с биографией не очень замечательной. *(Бросает конфету Серёже.)* На! Сам купил, сам и закусывай! *(Берёт с пенька ещё одну. Рассматривает.)* «Ласточка». Сто лет конфет не ел. Да и сейчас не тянет. Слишком большой была расплата за сладенькое. *(Разворачивает конфету, выбрасывает её. Делает из фантика самолётик.)* А по чесноку, Серёжа, сдрейфил я тогда. Если бы тогда на себя всё не взял, меня бы ихние мамашки с папашками

на куски порвали, как будто бы я маньяк какой-то, правда. Даже дом подожгли, сволочи, чтобы в страхе меня держать. *(Разворачивает ещё одну конфету, выкидывает. Снова делает самолёттик. Берёт третью.)* А всё из-за этой... ну, ты знаешь... из-за белобрысой. Не выгнала бы она меня в ту ночь из хаты, глядишь и обошлось бы всё... Подумаешь, «дурой» назвал. Так не ударил ведь, ни разу даже пальцем её за те месяцы не тронул... А она... Дура она и есть дура. Так меня на суде охарактеризовала, что с того момента у меня к бабам как отпало. Не воспринимаю я их ни с каким гарниром и ни под каким соусом. Потерялось у меня к ним доверие. *(Разворачивает конфету, выкидывает. Делает самолёттик.)* Вот такая сила духа, Серёжа. Такая сила духа была, не больше этой конфетки. Только не благо мне что-то сейчас от этой силы духа. *(Запуская друг за другом три сложенных самолёттика).* Москва. Рим. Нью-Йорк. *(Берёт бутылку.)* Липецк... Занесла сюда ласточка на крылышке своём, а сама улетела чёрт знает куда в краюшки тёплые, где фиги под солнцем растут. А я что, глупее птички? Не пойду и не найду свои фиги и своё солнышко? И пойду, и найду. Один пойду. Никто мне не нужен. Никто. И ты, Серёня, спи крепким сном. *(Уходит.)*

5

Тот же гараж. Олеся сидит за столом с перевязанной головой.

ОЛЕСЯ *(наливает вино в стакан).* Липецк... Липецк не Москва, не Рим и даже не Нью-Йорк... Ли-

пецк. *(Выпивает залпом.)* Почему Липецк? За что Липецк? За что?.. Вот живёт кто-то в Париже и даже не знает почему тонна алюминия на Шанхайской бирже, зато почему литр духов наверняка знает. А я и почему флакончик не знаю. И много чего ещё... Вот знают они там у себя, что медь не магнитится, а если магнитится, то это совсем не медь. И чем она от латуни отличается. Тоже не знают. И чем жизнь хорошая отличается от плохой. Нет, ничего они не знают. И когда ножом перед тобой размахивают, а после уголки металлические тебе на голову падают, и руками холодными тебя за шею трогают – это тоже не всем известно. И как можно скорую помощь вот с такой головой не вызвать! А так!.. Скорая помощь может и полицию пригласить, потому что скупку нелегальную держу и по десять тысяч в месяц участковому отдаю. И не знают там в Париже, что десятую тысячами от этого рыжего не отделаешься, и как противно бывает от этого. И даже не знают, что никому ты на это не пожалуешься. Потому что на меня саму давно пора жаловаться за то, что краденое скупаю. И не знают, что по-другому жить здесь нельзя, когда солнце с неба светит, а кажется, что со всех сторон только и веет холодом. *(Наливает себе вина. Выдвигает ящик. Достает конфеты «Ласточка». Берёт одну конфету.)* Скажи мне, птичка, почему у этих мужчин руки такие холодные? Я не помню, чтобы у кого-то из них были теплые ладони. А пальцы? Пальцы, которые только рвут, щипают и душат, и трогают, трогают быстро-быстро как на рояле играют. *(Разворачивает конфету.)* И так нескладно они играют, что нет этой музыки. Ничего нет в этих отношениях, только нескладность

одна. А музыка... только по радио. Сколько хочешь, завались этой музыки. *(Кладёт конфету в рот.)* А в сердце, одни синяки и ссадины. *(Делает из фантика самолетик. Запускает.)* Париж. Теперь ты знаешь, что у них холодные руки. *(Разворачивает другую конфету. Делает самолетик. Запускает.)* Милан. Ещё увидимся. *(Поднимает стакан.)* Липецк... Липецк... За что?.. За что ты не учишь их любить? За что ты их так наказываешь? И меня вместе с ними. *(Смотрит на таблички в открытом ящике.)* Ну, что вы на меня смотрите? И закрепить вас некому и попросить некого. Вот встретить бы вашего папку. Да как его найдёшь? Не сидит же он на могиле целыми днями... А если сидит и ждёт, и волнуется, и болит у него сердце... тогда чего же я тяну? Почему не иду?.. И как будто вы уже тут прижились... и как будто бы я с вами тут уже прижилась... И не так уж и холодно тут становится. Правда?

В это время к гаражу подходит Олег. Стучится в дверь. Олеся замирает. Олег стучит ещё. Олеся встаёт, на цыпочках подходит к двери, смотрит в глазок. В это время Олег отходит от двери, чтобы уйти, но останавливается, снова делает шаг к двери, передумывает и уходит.

ОЛЕСЯ. Никого. Показалось. *(Выпивает.)* Не положено вам тут по христианским законам находиться, у вас всё-таки свой дом есть. Может, вам тут и лучше, но не положено так. *(Берёт конфеты, таблички, бутылку. Кладёт всё это в сумку. Уходит.)*

Кладбище. На могиле Алёшеньки лежат конфеты. Олег пьёт вино из бутылки.

ОЛЕГ. Скверная история, брат. Скверная. Я не про таблички про твои, я вообще. Ну, прости. Так получилось. Я ж не виноват, что они не прикручены были. Тебе-то уж, наверное, всё равно. А кому надо найдут. Так ведь? Если мамка с папкой живы, найдут и так... Я бы тебе табличку новую сделал, только не помню, как тебя звать-величать. Память совсем того. Зато вот конфет принёс. А ту табличку твою я теперь где возьму? Приблудная уже всё: на тот свет отправилась. К тебе, значит. Там, может, и свидитесь. Вот увидишь её – с неё и спросишь... И с меня тоже спросят. Только по-другому. И не там, а здесь. И так спросят, что лучше уж наверху среди вас заболтаться, потому что, когда спросят, то жить здесь совсем не захочется... Как тебя зовут-то хоть? Ей Богу, не помню, хоть убей. Вот помнил тогда, а сейчас забыл. Правда. А вот про конфеты не забыл. Сначала дюшесок хотел принести, а потом... ну, так получилось. Шоколадненькие поди лучше, чем леденцы? Да, пацан?.. Не, не, я не ржу. Я просто понял, что ты мне ответить не можешь. Я, как ты видишь, под градусом, и мне кажется, что ты здесь возле памятника своего стоишь, а на самом деле это я тебя представляю, что ты здесь как живой. Ты мне даже отвечаешь что-то, а на самом деле это я сам себе отвечаю. Понимаешь? Сдвиг мозгов. Ну, ты в курсе. О, вот опять с тобой заговорил... А ты знаешь, пацан, я тебя не таким представляю, какой ты взаправду был.

Ты постарше, лет пятнадцать тебе и ты вместе с ними ночью в магазин идёшь. А я в это время мимо прохожу, подхожу огоньку спросить, а ты не просишь меня на шухере постоять, а говоришь вместо этого: «Беги, дядя, быстрее беги отсюда, не оборачиваясь, иначе жизнь твоя труба, в ошметок превратишься». И я бросаю сигарету и бегу, быстро бегу, не оборачиваясь, бегу к новой жизни своей, где я человек, с большой буквы человек, с заглавной буквы да с красной строки человек. Бегу туда, где дом мой, где ждут меня, где надеются, где любят... Только вот не было тебя тогда, и ничего ты мне не сказал. Только делов успел я натворить и ползаю по земле как червяк, как калека. Посмотри сам: ну какой я тут жилец, я и мертвых-то уже не боюсь, сам, как видишь, заживо захороненный. *(Выпивает.)* Мать Божья, а вон и приبلудная чешет! Царствие ей небесное! Над каждой могилкой склоняется. Что это она? Ищет чего-то? Только захоронили, наверное, а душа, видимо, неприкаянной осталась. Не может земную твердь покинуть. Грехи, значит, тянут. Царствие ей небесное. Прости меня, приبلудная! И ты меня, Господи, прости, если, как люди говорят, на небесах восседаешь. *(Крестится.)* Погляди как живая прям. Сюда идёт. За мной, наверное. Вот они и пути Господние, неисповедимые.

Появляется Олеся.

ОЛЕГ *(крестится)*. Царствие небесное тебе новопреставленная раба Божия. Пощади, мимо пройди, не забирай. Пусть земля тебе будет пухом, а небеса...

ОЛЕСЯ. Что? Я тебе сейчас покажу, тварь, ново-преставленную рабу!

Олеся достаёт конфеты. Кидается в Олега. Олег вскакивает.

ОЛЕГ. Ты что, коза! Ты что это, э! Не понял, блин! Ты как вот так?

ОЛЕСЯ. Значит, на могиле пьянствовать вздумал?! Сначала таблички снимал, а теперь сидит вино хлещет как ни в чём не бывало!

ОЛЕГ. Ты что? Живая что ли?

ОЛЕСЯ. Живая? Я тебе сейчас покажу, какая я живая!

Кидается в Олега конфетами.

ОЛЕГ. Харе, коза, харе!

Берёт с могилы конфеты, кидает в Олесю.

Ожила, блин.

ОЛЕСЯ. А ну пошёл отсюда, тварь поганый!

ОЛЕГ. Эх, повезло тебе. Живучая, стерва.

ОЛЕСЯ. Смотри, как бы и тебе свезло.

ОЛЕГ. Не угрожай! Я дядю милиционера не боюсь.

ОЛЕСЯ. Я и без всякого дяди. *(Достаёт бутылку.)* Бутылкой перемахая так, что осколки из мозгов будешь выбирать, да не выберешь.

ОЛЕГ. Может, лучше выпьем, раз принесла?

ОЛЕСЯ. Я тебе сейчас жажду-то утолю.

ОЛЕГ. Но-но, полегче, тетя, ухожу. А ты располагайся пока, тут мест полно.

ОЛЕСЯ. И для тебя останется, дядя.

ОЛЕГ. И правда, живая

Пауза.

ОЛЕСЯ. Но, но! Ты чего это подходишь? Стой, где стоишь.

Олег подходит ближе.

ОЛЕСЯ. Я отвечаю – бутылкой могу по темечку захватить.

ОЛЕГ (*подходит ближе*). Заезжай.

ОЛЕСЯ. Я не шучу. Я знаешь как двинуть могу? Я знаешь как одному раз двинула?

ОЛЕГ (*подходя ещё*). Двигай.

ОЛЕСЯ. Последний раз предупреждаю.

ОЛЕГ (*подходит вплотную*). Предупреждай. (*Целует Олесю в щеку.*) Хорошо-то как!

Олеся толкает Олега. Олег отскакивает.

ОЛЕСЯ (*утираясь*). Ты чего это? Дурак совсем?

ОЛЕГ. Хы... точно живая. (*Поднимает с земли конфеты, кладёт на могилку. Уходит.*)

ОЛЕСЯ. Пьяница полоумный, ещё и целоваться лезет, ещё и живой меня называет. А какая я ещё должна быть?.. Господи, могила-то какая заброшенная. Ни имени, ни фамилии, маленькая такая. А ну-ка, что это за дырочки такие? (*Достаёт из сумки таблички, при-*

слоняет к памятнику.) Господи! Алёшенька, нашла тебя. Все дырочки, где шурупчики были, сходятся одна к одной. Как же тут плохо у тебя, не прибрано, песочком не посыпано, ни одного веночка, ни одного цветочка. Неужели мамка с папкой тебя позабыли совсем? (*Садится на могилу.*) Вот только этот пьяница о тебе и помнит. Конфеты подбрасывает. А может так... случайно. Может за оградками пришёл?.. А может и не за оградками. Может, ещё что-то осталось в сердце человеческое. Вот только кто бы ему ещё подсказал, что не совсем он в зверя превратился... Да и кто ему подскажет, если мы и сами на зверей похожими стали, только с паспортами... (*Поворачивается лицом к памятнику.*) Чем же ты перед миром-то провинился, Алёшенька, что только мы о тебе помним, непутевые? (*Встаёт.*) Заберу я твои таблички. (*Прячет таблички в сумку.*) Пускай пока у меня побудут, а то опять нелюди человеческие украдут. Ты оттуда жизнь нашу видишь, сам всё понимаешь, на Бога, как говорится надейся, а сам... Ну, я пошла. Здоровья тебе там. Самое главное. А остальное наживём. Я ещё приду сюда, вернусь. (*Машет рукой.*) Пока. Ну, пока. Всё, пока. (*Уходит.*)

7

Полянка. Олег ходит вокруг пенька.

ОЛЕГ. Вот коза живучая. Что мне теперь прощения у неё просить? На колени перед ней становиться? К ней же просто так не подступишься, не объяснишься с ней по-простому. А если она меня уже сдала? Почему

меня не ловят? Я ж не канарейка какая-нибудь, я по земле хожу. И камера эта. Зоркий глаз. Если он в углу висел и всё видел, то почему я его не видел? Неясно, ничего мне тут не ясно... Мне теперь что: всю жизнь бояться, прятаться по кустам? На мушке она меня держать теперь будет? Не-е-е, не пойдёт, сбивать надо прицел, пусть в другую сторону целит, не в мою. Ломом по спине бей-колоти, а с ног не свалите. Не встану я на колени перед ментовской подстилкой. Если мне по судьбе сидеть, то пусть так и будет. *(Достаёт нож, открывает его.)* Что ж за баба такая: ни за жизнь с ней не поговорить, ни влюбиться по-настоящему. *(Закрывает нож.)* Даже представить себе не могу, как это влюбиться можно? Что ж для этого надо? Какое вещество такое требуется в кровь пустить, чтобы радость в другом человеке почувствовать? И знать бы, где это вещество взять, взял бы уже. Ведь чувствуют люди радость друг в друге без всяких там, наверное, веществ. Сядут вот рядом, одним воздухом подышат и всё, влюбились уже. Жалко, не понять мне этого. С такой жизнью и не с кем. Напиться бы, только денег нет. В последний раз напиться. *(Уходит.)*

239

8

В гараже за столом сидит Олеся. По-прежнему на голове повязка. На столе лежат таблички. Олеся пьёт чай, слушает радио.

ОЛЕСЯ. Вот пока живите у меня. Тут надежнее. Я вас в столе буду хранить. *(Прячет.)* Пока

мужик настоящий в моей жизни не появится и вас к памятнику не прикрепит как следует, чтобы оторвать было нельзя. Только где взять этого мужика настоящего? Одни искусственные только и заходят.

Кто-то стучится в ворота.

ОЛЕСЯ. Ну вот, ещё один пришёл. (*Подходит к воротам, смотрит в глазок.*) Кто там?

ОЛЕГ. Я.

ОЛЕСЯ. Кто я?

ОЛЕГ. Не узнаешь, что ли?

ОЛЕСЯ. А ты мне кто? Родственник?

ОЛЕГ. Аккумуляторы принимаете?

ОЛЕСЯ. Иди, откуда пришёл, и аккумулятор этот ворованный верни кому следует.

ОЛЕГ. Слышь, подруга, хорош комедию ломать! Аккумулятор этот мой. А если ты из-за этих вонючих табличек обозлилась, то я их хоть сейчас могу на суперклею посадить.

Олеся открывает, видит Олега с хризантемами и аккумулятором.

ОЛЕСЯ. Каких табличек?.. Каких ты сказал табличек?

ОЛЕГ (*ставит аккумулятор на землю*). Не цепляйся к словам. (*Протягивает цветы.*) Это вот тебе на прощание, девять белых хризантем.

ОЛЕСЯ. С кладбища приволок? Сейчас я тебя ими примирю.

Олеся выхватывает у Олега цветы, бьёт ими его по голове. Олег не сопротивляется, спокойно стоит с закрытыми глазами.

ОЛЕСЯ. Подонок, подлец, нелюдь! Чтобы больше ноги твоей здесь не было! Чтобы на моём пути больше никогда твоя физиономия не попадалась! Таскай своё барахло ворованное куда хочешь, а про это место чтобы навсегда забыл! Ясно тебе?

В руке Олеси остаются одни стебулышки от цветов. Олег открывает глаза, проводит ладонью по лицу.

ОЛЕГ. Ясно всё. Пройти-то можно?

ОЛЕСЯ. Что?

ОЛЕГ (*поднимая с земли аккумулятор*). Аккумулятор занести. Зря что ли пёр?

ОЛЕСЯ. Зря.

ОЛЕГ. На бутылку-то хоть дай, напьюсь в последний раз. А после и отправляй своих кумовьёв по моему адресу.

ОЛЕСЯ. Каких кумовьёв? Я тебе повторяю: неси своё ворье куда хочешь, хоть к черту на кулички.

ОЛЕГ. Чтобы к черту на кулички уехать, новый аккумулятор нужен, а на моей пятерке только этот. Да и куда ехать уже. Приехал. Сама знаешь.

Олеся пропускает Олега в дверь.

ОЛЕГ. На, поставь куда-нибудь, а то руки горят от тяжести. И деньги мне твои не нужны. Расхотелось пить. Пропало настроение.

Олеся решается взять аккумулятор из рук Олега. Аккумулятор тяжелый, Олеся не может удержать его. Аккумулятор падает.

ОЛЕГ. Пойду. (Уходя.) Закрывай, а то мало ли.

Олег уходит. Олеся в задумчивости стоит со стебulyшками.

ОЛЕСЯ. Я думала, что это он, а это совсем не он.

9

Полянка. Олег сидит на бревне, пьёт пиво. Олеся у себя в гараже ставит в стакан стебulyшки. Одновременно видно и Олеся и Олега.

ОЛЕГ. А я представил, что это был не я. Совсем не я. А так хотелось ей в обратку залепить, удержало что-то. Видимо, не погиб всё-таки инстинкт самосохранения природой заложенный... Лупи, думаю, лупи сколько влезет, пока руки не оторвутся. Потерплю напоследок раз уж твоя взяла. Пусть менты в камеру глядят и смеются. Пусть от души погрохочут. Хоть кому-то радость от меня будет.

ОЛЕСЯ. У него были теплые руки... У него были теплые руки!.. Я это почувствовала, когда он мне аккумулятор отдавал... Я дотронулась до его руки. Не специально дотронулась, и она оказалась теплой... Значит, это был не он. Точно не он. А кто же тогда в маске приходил? А если... Как же так? Как же таким разным можно быть? Что же у него в голове тогда творится. Господи? Как ему живётся с этим?.. Он же несчастный

человек. Он ведь так несчастен. Он думает, я хочу его в тюрьму упрятать, а я совсем не хочу. Не такая ведь я! Совсем не такая!

ОЛЕГ. Мы совсем разные. Она баба, я мужик, нам и поговорить-то не о чем, кроме борща. И что говорить-то о нём, о нём и так всё сказано-пересказано, в книжках всё написано уже... Не ёкнуло у меня нигде: ни здесь, ни там. Хоть ты этой дрянью обпейся, хоть ещё чего покрепче, а всё равно не ёкнет. Не баба, а прям шнырь какой-то с третьего барака. Тьфу ты! Нацепила на себя обноски. Ни помадки, ни ресничек, ни кожи, ни рожи.

ОЛЕСЯ (*достает из стола маленькую сумочку, зеркальце*). Как я давно сюда не смотрела!.. Мамочки мои!.. Как этот рыжий повадился сюда, так и попрятала всё. Фуфайку надела, платок бабушкин. Даже лицо перед его приходом алюминиевой железячкой натираю, чтобы оно серым и больным выглядело. А ему хоть бы что. Прежней меня запомнил. А мне самой теперь тот образ вспомнить бы... Как себя-то быстро забыть можно, Господи! Как себя легко можно позабыть. А с лицом-то что стало: не лицо, а фасад больницы нашей. Но я вспомню, я сейчас всё верну как было. (*Из сумочки медленно извлекает помаду, тушь, тени, пудру.*)

ОЛЕГ. Цивильный фасад мужику нужен, чтобы фантазии разные в голове крутились. Картинки, там, разного привлекательного содержания. (*Смотрит на пивную бутылку.*) И борщ ещё с мясом. И чтобы постирано-убрано всё было. Ну и койка, соответственно. Как же без койки?

ОЛЕСЯ (*открывает тушь*). Всё засыхает уже. (*Мажет глаза.*) Ой, щекотит! Как цыган совсем. (*Вытирает под глазом.*)

ОЛЕГ. Она себя хоть в зеркало видела? Ей кто-нибудь про зеркала рассказывал?.. Ну в лужу-то она смотрелась – это ясен пень. А так, чтобы чисто своё отражение увидеть и не испугаться. Это же не каждый вот так сможет себя оценить по чесноку. Такое мужество надо бабе иметь, что зашатаешься.

ОЛЕСЯ (*рассматривает себя в зеркале*). Вот если бы каждого человека снаружи можно было разукрасить, чтобы он после и внутри изменился, как же мы прекрасно бы зажили тогда. Почему же мы друг на друга смотрим, а внутрь не заглядываем? Как же это неправильно. Как же это не по-человечески друг от друга прятаться за этими телами, одеждами, за всеми этими ненужными словами.

ОЛЕГ. Да и без бабы житуха пресновата... Ну, уж лучше без неё, чем вот с ней.

ОЛЕСЯ (*красит губы ярко-красной помадой*). Всегда думала, что лучше без неё, а с ней всё же лучше.

ОЛЕГ. А с ней ещё надо и в губы целоваться, помимо всего прочего. И помимо всего прочего, ещё и удовольствие от этого надо испытывать. А не представлять, будто долг родине отдаёшь.

ОЛЕСЯ (*снимает фуфайку, снимает с головы повязку*). А закуталась-то как, мамочки! Как будто на север еду. И повязка эта.

ОЛЕГ. И повязка эта, как в песне про Щорса: «Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве».

Олеся наносит на глаза тени. Пудрит лицо.

ОЛЕГ. Жуть-баба. И мешки под глазами, как будто месяц караул несла. Несла-несла и недонесла. Уронила в преисподнюю. Страхолюдина. Вот такие и ходили по деревням, мирное население раскулачивали. А потом из человеческой кожи абажуры для настольных ламп клепали.

ОЛЕСЯ (*довольная, глядя в зеркало*). Какая кожа! Как у артистки. Вылитая Мерилин Монро. Или эта черненькая... ну как её... Кто? (*Задумалась.*)

ОЛЕГ. Баба-яга. Вот кто. И никакая мазюкалка ей не поможет. Как говорится: «тут природой дадено, как в ларьке украдено».

Олеся кладет все причиндалы в сумочку и убирает в стол.

Значит природой так задумано ей в наказание без мужика всю жизнь прожить или с ментом рыжим в гараже. (*Смеётся.*) И никто ж ей не подскажет, не осмелится сказать: «На кого ты похожа, подруга, взгляни на себя, блин».

ОЛЕСЯ. Если посмотреть на себя. Ведь я ещё не старуха. Совсем не старуха. Какое тепло от моего дыхания идёт. И уши горят. Тепло, тепло-то как.

ОЛЕГ. Вот, ей Богу, не тепло и не холодно на душе. И сколько мне за эти таблички дадут? Не пожизненно ведь сидеть. (*Допивает пиво.*)

Олеся открывает дверь, выглядывает на улицу.

ОЛЕСЯ. И сидеть уже не охота. Так хочется гулять. Просто ходить и смотреть. Смотреть на всё

по-другому, другими глазами. И так смотреть, чтобы всё, на что я смотрю, мне радостью отвечало. Как же прекрасно будет жить тогда! Как же захочется тогда жить!

Олеся снимает рабочий халат и вешает его на крючок. Под халатом джинсы и кофточка. Олеся выключает свет, выходит из гаража, закрывает дверь.

ОЛЕГ. Вот и думай, захочется после всего этого жить? (Достаёт из кармана мелочь. Подбрасывает в руке.) Да уж, не густо. (Уходит.)

10

Та же полянка. Вечер. Появляется Олег с листом оцинковки.

ОЛЕГ. Всё. Третий. (Оглядывается.) Погоди-ка, а где ещё два? Я же ещё приносил!

246

Вдалеке слышатся характерные звуки.

Эй, вы там! Листы вернули! Быстро, я сказал! (Озираясь.) Этот бы не свистнул. (Убегает.)

Слышен голос Олега: «А ну брось, а то ноги потрываю! Да что же вы за люди такие! Они же стоят три копейки!»

(Возвращается на полянку.) Догонишь их, ага! Помчались как спринтеры за золотыми медалями. Ладно хоть этот никто не успел утащить. (Пауза.)

Значит, крыша у неё течет в трёх местах, так Серёня поговаривал. А как же я одним листом всё перекрою? Задобришь разве её, если только в одном месте поправишь. А то глядишь, ещё сильнее разозлится. *(Глядя на лист.)* Ну, и что мне с тобой делать? Хоть самому под тобой спрятаться и стоять грибом, бледным-бледным, ядовитым-ядовитым. Да только собственным ядом до смерти не отравиться бы, а то чувствую, что весь организм отравой наполнен. И выплеснуть бы её. Да не хочет она. Жалко ей, что ли, со мной расставаться? Или тех, кто вокруг жалко? Что же это за напасть такая: и крышу тобой не закроешь и выбрасывать тебя неохота. *(Бьёт по листу.)* Лежи, ржавеи! *(Видит идущую к полянке фигуру.)* Тихо! Тихо! *(Прячется под лист оцинковки.)*

На полянке появляется Олеся. Она осторожно идёт вперед, не замечая Олега. Олег высовывает голову из-за листа и от неожиданности роняет его.

ОЛЕСЯ *(вздрагивая)*. Ой! *(Замечает Олега. Останавливается.)*

ОЛЕГ *(поднимаясь)*. Опачки! Откуда такая красота? С какого, так сказать, микрорайона?.. Шла бы ты отсюда, девочка, пока ещё девочка. *(Пауза.)* Ну, что ты стоишь? По-русски не понимаешь? Опасно здесь. Тут девушки не ходят. Тут дяди взрослые вечера коротают за распитием алкогольных напитков. А после на подвиги их тянет вот с такими вот смазливками. Разворачивайся и иди отседа, не ищи приключений на свою помаду. *(Пауза.)* Что молчишь?.. Как ты здесь вообще оказалась? Не местная что ли? А может ты из этих?..

Я таких не люблю. И денег у меня нет. Поняла? Презираю я вашу древнейшую профессию.

Пауза. Олеся по-прежнему молчит.

ОЛЕГ. Ты с деревни, что ли? Заблудилась? Да? А заблудиться от слова «блуд». Ты в курсе? Кивни, что ли, для приличия.

Олеся кивает.

Понимаешь, значит.

ОЛЕСЯ (*улыбаясь*). Понимаю.

ОЛЕГ. Говорить умеешь, значит?.. А ты улыбочки мне тут не распространяй. Нечего мне с тобой тут понапрасну губы растягивать. Красотка, блин. С тобой свяжешься, горя потом не оберешься. Знаю я таких... Ну, что ты припёрлась сюда? Не меня же ты искала?

Олеся смеётся.

Заливается... Да я тебя сейчас одним ударом в землю вобью. Посмотрю, как ты тогда загрохочешь. Не веришь?

Олеся мотает головой в знак отрицания

ОЛЕГ. Не веришь, значит?.. Ей Богу, как наваждение какое-то... Ты хоть живая? А то я в последнее время только с мертвыми и разговариваю.

Олеся кивает.

ОЛЕГ. Слушай, наваждение, раз ты живая, поможешь лист до скупки дотащить? А я так уж и быть

провожу тебя до первых фонарей, а дальше катись на все четыре стороны.

Пауза.

ОЛЕГ. Ну, что ты меня гипнотизируешь глазками своими кукольными? Хватайся, давай, за тот край и потащили! Только руки не порежь!

Олеся берётся за край листа.

ОЛЕСЯ. Теплый какой.

ОЛЕГ. Заговорила. Что тёплый-то?

ОЛЕСЯ. Край этот.

ОЛЕГ. Так я же за него держался, глупая.

ОЛЕСЯ. Поэтому и говорю, что тёплый.

ОЛЕГ. Значит, неси и грейся. Только под ноги гляди, стекло кругом. Раз, два.

Олег и Олеся уходят.

11

249

Тот же вечер. Олег и Олеся появляются возле гаража с листом оцинковки.

ОЛЕГ. Пришли. Дальше я сам. Ты здесь постой, а мне туда надо. Со старухой поговорю и вернусь. Если будут приставать, кричи. *(Идёт с листом к воротам.)* Ух, и вредная старуха! Представляю, как она меня сейчас этим листом обогреет.

Олеся идёт за Олегом.

ОЛЕГ (*заметив это*). Я тебе сказал здесь ждать, непонятливая ты моя! У старухи тут камеры везде и менты на привязи. Оно тебе нужно лишний раз светиться?

ОЛЕСЯ. А как же лист?

ОЛЕГ. Что лист?

ОЛЕСЯ. На весы такой не положишь.

ОЛЕГ. А мне его не вешать. Мне дырку ей на крыше заделать. Может тогда она овчаркой быть перестанет. Знаешь она какая? О-о-о!.. Только завидит меня, сразу с цепи срывается и лаять начинает.

ОЛЕСЯ. Просто так ведь не лают.

ОЛЕГ. А это не просто так. Было тут одно дело: еле ноги унёс. Чуть зубами в меня не вцепилась. Ментов обещала натравить. И натравит, будь уверена. Скоро опять на нары сяду. Да ты не бойсь, не опасным я преступником был... так... оказался там где не надо... Только ничего я не воровал. Подставили меня. Ясно тебе?

ОЛЕСЯ. Куда уж яснее.

ОЛЕГ. А таблички эти... Ну, так случайно получилось. Я их хоть сейчас на место отнесу. А разве она теперь их отдаст? Плохая она баба, нехорошая, в людях совсем не разбирается. Вора от несчастного человека отличить не может.

ОЛЕСЯ. А что ж вы к ней тогда идёте, если человек она плохой?

ОЛЕГ. Вот потому и иду, чтобы в последний раз в глаза ей посмотреть. Высказать всё хочу, что у меня к ней накопилось. И с места не сдвинусь, пусть ментов

вызывает. Отгулял я своё, видимо, а прятаться как су-рок по норам не буду, не в моих это понятиях. Быстрее сяду, быстрее выйду. Я так решил. Потому что жизнь эта и не жизнь совсем. Смеются надо мной высшие силы, вот пусть и дальше погрохочут. Зато душа моя в порядке будет. Вот так.

ОЛЕСЯ. Ну, пойдём тогда?

ОЛЕГ. Куда?

ОЛЕСЯ. К старухе. *(Подходит к воротам.)*

ОЛЕГ. А ты зачем?

ОЛЕСЯ. Чтобы дверь тебе открыть. *(Открывает дверь ключом.)*

ОЛЕГ. Ты это чего?

ОЛЕСЯ. И лист заноси, а то стащат.

ОЛЕГ. А как так?

ОЛЕСЯ. Молча.

ОЛЕГ. А старуха? Где же она?

ОЛЕСЯ. Сейчас увидишь. И расскажешь ей всё, что у тебя там накипело.

ОЛЕГ. Подожди. Не ходи туда, она... Она тебе кто?

ОЛЕСЯ. А ты ещё ничего не понял? Погляди лучше! Зенки раскрой! Или совсем ослеп от своей пьянки?

ОЛЕГ *(вглядываясь)*. Да ладно тебе.

Лист падает из рук Олега. Олеся и Олег долго и безмолвно смотрят друг на друга.

ОЛЕСЯ. Во мне что-то не так?

ОЛЕГ. Ага. Да... всё не так, только наоборот. А как это... вообще?

ОЛЕСЯ. Может, укусить тебя, чтобы ты понял?

ОЛЕГ. Я пойду. Да?

ОЛЕСЯ. Куда?

ОЛЕГ. Ну, туда, подальше отсюда.

ОЛЕСЯ. А может, всё-таки зайдёшь? Ты вроде поговорить хотел.

ОЛЕГ. Ну, как бы теперь и некому уже говорить. И так всякого наболтал. А ты и вправду она?

ОЛЕСЯ. Я это я. И не знаю, о ком ты говоришь.

ОЛЕГ. Значит, да.

ОЛЕСЯ. Значит, да.

Пауза.

ОЛЕСЯ. Пошли внутрь, нечего здесь стоять.

ОЛЕГ. Да я уже всё сказал. Слова вроде бы это... и закончились уже.

ОЛЕСЯ. У меня не закончились.

ОЛЕГ. А как же лист?

ОЛЕСЯ. Осенью листья падают на землю. Закон природы.

Олеся подходит к Олегу. Берёт его за руку, увлекает в гараж.

Гараж. Олеся включает свет. Убирает всё, что лежит на столе, при этом не упуская из вида

Олега и пытаюсь уловить его настроение. Олег стоит в нерешительности. Олеся снимает с крючка фужайку, вытряхивает её. Затем расстилает фужайку на столе.

ОЛЕГ. Ты чего это?

ОЛЕСЯ. Я же говорю, осенью листья ложатся на землю.

ОЛЕГ. Земля теперь холодная.

ОЛЕСЯ. А их всё лето кормило солнышко. Разве им может быть холодно?

ОЛЕГ. Они мертвы. Ветер сотрёт их в пыль и от них ничего не останется.

ОЛЕСЯ. А ты не хочешь стереть в пыль всё, что с тобой было?

ОЛЕГ. А если у меня не получится?

ОЛЕСЯ. Ты уже начал. У тебя уже получается.

Олеся ложится на стол. Олег отключает свет.

253

13

Полянка. Олег сидит на бревне.

ОЛЕГ. Странно всё в этом мире. До жути странно. И никакие мысли мои в голову не лезут. Хотя бы одна, но моя, как раньше. Раньше они в очередь друг за другом становились. А теперь не становятся, не приходят, не заскакивают. Даже выпивать неохота. А надо бы. Только неохота. Не хочется. Причесать-

Сюжеты

ся хочется, умыться, ногти почистить, ботинки новые купить. *(Вскакивает.)* На ракете полететь прямо в космос. И лететь, лететь, лететь, расчесанным, побритым, с чистыми ногтями и в новых ботинках, даже от галстука не отказался бы. Только вот чувствую, что не мои это мысли, не мои желания. К кому-то другому они шли, только заблудились, и ко мне повернули. Не хочу. Не хочу я быть полем для очередного эксперимента неведомых мне сил. Вот вам. *(Показывает фигу.)* Не удастся. Какой есть, такой есть. Я себя четко в руках держу, не дамся я на сентиментальность. Не позволю никому близко подойти. И вот тут в голове моей кубики на свой лад местами менять тоже не позволю. Пока сам этого не захочу. А я не захочу и точка.

Олег бьёт по пеньку. Пенек рассыпается.

ОЛЕГ. Ну, вот и всё. Больше никаких посторонних мыслей. Даже дышать стало легче. Даже воздух каким-то другим стал. Даже про таблички эти забыл, про ментов, про срок этот... Временное помешательство какое-то. Не должно же так быть. Где разум-то? Где всё то, что было раньше? Даже хвоста не осталось, за который ухватиться можно было бы, чтобы всё назад затянуть. Неужели это всё из-за неё? Неужели это всё она? *(Смотрит на свои ногти, трогает щетину, зачесывает волосы пятерней.)* Умыться бы ещё не мешало, да только такой водой, чтобы отрезветь вконец и на ноги встать, твердо встать. Я ей всё расскажу, всё расскажу про себя. И потом посмотрю какой водой она меня умоет. Я обязан, я обязан это сделать. *(Уходит.)*

Гараж. Олеся пьёт чай.

ОЛЕСЯ. Господи, напиться не могу. И у чая вкус какой-то другой. Раньше только отдушку лёгкую чувствовала, а сейчас сладость какая-то на языке остаётся, и сахара ни грамма нет, а всё равно сладко. *(Включает приёмник.)* И музыка. И чай. *(Проводит рукой по стебулышкам.)* И цветы. И он. Ну, что ещё нужно?.. Так говорю, как будто с жиру сбесилась. А на самом деле: это же всё не с избытком. Господи, прямо 8 марта какое-то! И ничего в голову не лезет. Как волной накрыло. Кому рассказать, все только у виска и покрутят. Скажут, что чокнутая какая-то. А я и вправду на голову ушибленная. *(Трогает на голове место удара.)* Слава Богу, заживает. Чтоб тебя застрелили, паразита, чтобы тебя собака бешеная загрызла. Вот если бы тогда убили меня, так бы и до этого дня не дожила. И кому спасибо говорить: тебе, Господи, или душегубцу моему, что рука у него в самый последний миг задрожала?.. А может, это посланник был твой, Господи? Всё же неслучайно в жизни людской происходит. А без тогдашнего и нынешнее не наступает... Знать бы все законы твои, может, и жилось бы полегче. Да только как их узнаешь, если ты с нами на своём языке говоришь, а мы только по намёкам твоим догадываться и можем, что ты до нас донести хочешь... В церкви говорят, что небесную жизнь любить надо, а я пока земной жизни не налюблюсь, отсюда никуда не уйду. Хоть ты мне кирпичи на голову кидай, хоть души, хоть пламенем

жги, всё равно до времени не уйду. Уж больно она хорошая, как выясняется, эта жизнь земная. *(Проливает чай.)* Растяпа. В небеса улетела. *(Вытирает со стола.)* И туда попало. *(Выдвигает ящик. Достает таблички, протирает.)* Ничего, скоро на своём месте будете. Появился тот, кто вас обратно прикрепит, и так прикрепит, что не оторвёт никто. Всё на своих местах должно быть. Тогда жизнь правильной будет, а так...

*Раздаётся ритмично-мелодичный стук в дверь.
Олеся прячет таблички в стол.*

ОЛЕСЯ. Матушки, совсем забыла какое сегодня число. *(Подходит к воротам смотрит в глазок.)* Сейчас открою.

Олеся возвращается за платком, накидывает его на голову, надевает халат, фуфайку. Ритмично-мелодичный стук повторяется.

Да никакого ж покоя от тебя, мент рыжий. Иду, иду, отворяю уже. *(Стирает с губ помаду. Пытается вытереть глаза. Скидывает платок с головы. Вместо платка надевает на голову тряпку.)* Сейчас десятку отсчитаю и выйду. Мелких много.

Стук в ворота сильный и не мелодичный. Олеся берёт кусок алюминиевого лома, трёт им лицо.

Да чтобы рука у тебя отсохла!

В сердцах бросает алюминий. Достает из стола деньги. Открывает дверь, выходит за ворота.

Полянка. Олег сидит на бревне, пьёт из бутылки.

ОЛЕГ. Как же я увидел? Как же не попался-то? Вот и искупала она меня в водичке, как тряпку половую в ведре вымыла. Ведь знал же, что она под ментами ходит, а толку-то. Связался на свою голову. Хотел проблему затереть, а получилось так, что меня чуть не затёрли. Хороша баба, ничего не скажешь. Хотела randevу мне назначить возле гаража с участковым. Рандеву, блин. Свиданьице. А я-то думаю, для чего она меня закадрила? Под суд пухнуть захотела и лучше способ не придумала, как через это самое место меня заманить. С пути истинного сбить. Дух мой попать. Ага. Щас ей... Вот оно... вот что значит шестое чувство. Без чутья ни один зверь по лесам не бегаёт, ни одна рыба в реке не плавает, и человек без чуйки – не человек вовсе, а так, жук навозный. Хорошо, что она координат моих не знает, если что скрываться проще будет. Таблички, видите ли, ей покоя не дают. Две железки ржавые. А такой сыр-бор из-за них, как будто я банк ограбил. Принципиальная, значит, до конца идёт. Ну-ну... А это, *(водит вокруг лица пальцем)* это всё зачем ей было нужно? Чтобы меня заманить, что ли? Ну, получилось, профи, что сказать. Верь теперь в искренность человеческих чувств. А у меня из-за неё, между прочим, сдвиг произошёл, вот здесь в груди, где когтями звериными раньше драло. Боялся ведь, что хорошо будет и добоялся. А теперь опять на старые круги. *(Бросает бутылку.)* Да не могу я её больше пить. Подсадила... вот

как посадила, сука... Но теперь всё, никаких у нас с тобой тёрок не будет. Жил без бабы и ещё проживу. А скупок и других в городе полно. (*Уходит шаткой походкой.*)

16

Гараж. Олеся сидит одна.

ОЛЕСЯ. Всё. Не будет у нас с тобой никаких телодвижений, даже напоследок. Девки дворовые пусть тебя ублажают. Забрал десятку, так и проваливай к чертовой матери!.. Попрошайка в погонах. Думала ведь поначалу, что порядочный. И не рыжий, а золотой. А ты вон как со мной поступил. Теперь у меня никого не будет: ни мальчика, ни девочки. Чтобы тебя так же на том свете на суд Божий вели, как ты меня к врачу своему с пистолетом под ребрами вёл. И не твой это ребенок был, тварь ты поганая, а другого, которого ты тоже убил. Но теперь вернулась ласточка в душу мою. Теперь я тебе никого больше не отдам... Зря только я этому рыжему про него рассказала. Напрасно думала, что отстанет. Не из таких оказался. Красный сделался, закипел как свекла в кастрюле, шмон обещал устроить с собаками. Да делай, что хочешь. Закрою всё здесь, под автосервис этот гараж молдованам отдам, или в уборщицы пойду. А ноги его переломать не дам. Пусть только попробует его хоть пальцем тронуть: на квадраттики порежу и в мешки с металлоломом распахую... Подавись ты своими звездочками и кобуру себе в одно место засунь, а сердце моё у другого в кармане. Не тебя звала на свидание, а

его... А он и не пришёл. Может, заболел? Может, случилось что?.. Нехорошо всё это. А вдруг он больше не появится? А я даже не знаю, где его искать. К какому берегу плыть, чтобы его найти? Я уже столько всякого себе напридумывала, что как мне жить теперь без этого, не знаю. *(Достаёт таблички. Плачет.)* Зачем ты мне их сюда принёс? Ведь не было их, не было тебя, и как в моей жизни было всё хорошо, гладко, всё ровно, ровнее некуда. И так уже я ко всему вот этому вот привыкла. А ты оставил эти таблички, а сам исчез будто умер. Растормошил мне всё в груди. Сижу уже несколько дней, сама не своя. *(Пауза.)* У меня здесь музыка звучала.

Олеся включает приёмник. Там передают новости, переключает на другую волну – новости и там.

ОЛЕСЯ. Где же музыка? Где же музыка жизни? Ведь была музыка!

Олеся бьёт по приёмнику, он замолкает.

А теперь тишина траурная... Не место всему этому здесь, не место. *(Кладёт в сумку таблички и отвёртку. Уходит.)*

17

Кладбище.

Олег прохаживается с большой спортивной сумкой, подбирает какие-то железячки. Подходит к могилке Алёшеньки, замечает рядом оградку, пытается выдернуть её. В это время

появляется Олеся, на её плече небольшая сумочка.

ОЛЕСЯ. Не пыжься, всё равно не возьму.

Олег оборачивается, смотрит на Олесю, затем поворачивается к ней спиной. Снова и снова пытается выдернуть оградку.

ОЛЕГ. А это не для тебя.

Пауза.

ОЛЕСЯ. Нашёл другую?

ОЛЕГ. Не к тебе же идти.

ОЛЕСЯ. Да? И чем она лучше? Что в ней там особенного?

ОЛЕГ. Она посторонних вопросов не задаёт. Ей только неси-неси да подтаскивай. Лучше я лишний километр протопаю. Всё надежней будет.

ОЛЕСЯ. И кто она? Прошмандовка какая-нибудь очередная?

ОЛЕГ. Скупка у Степаныча. Прошмандовка.

Пауза.

ОЛЕСЯ. Я думала, ты про другую женщину говоришь.

ОЛЕГ. Ещё чего. Сдались вы мне. Уже встретил одну с сюрпризом.

ОЛЕСЯ. С каким сюрпризом?

ОЛЕГ. Спрашивает ещё... В виде дяди с золотыми звездами.

Пауза.

ОЛЕСЯ. Прости, я не думала, что он заявится.

ОЛЕГ (*оставляет оградку*). Не думала она. Ты после этих табличек только и думала, как меня ментам сдать. Всю твою натуру вижу. И вот это всё (*проводит пальцем вокруг лица*) знаю для чего ты вымазала, и встречу эту в тот самый час не просто так назначила. Думала, куплюсь на весь этот антураж и прискачу к тебе?.. А я купился... и прискакал. Но вместо того, чтобы хлеб с солью увидеть, увидел другое: дядю рыжего вот с такими ушами и с таким носом, и дядя этот, как ты знаешь, вовсе не Дедушка Мороз.

ОЛЕСЯ. Я не знала, правда, не знала!

ОЛЕГ. Зато я знаю, для чего он к тебе захаживает... И все знают, весь берег этот знает, а тот берег, если не знает, то догадывается.

ОЛЕСЯ. Я сказала ему, что у нас с ним больше ничего не будет. Я выгнала его. Я ему о тебе всё рассказала.

ОЛЕГ. И что? Что ты ему рассказала? Что ты могла обо мне рассказать? Что ты знаешь обо мне? Что я металл тебе сдаю! Что я водку пью ночами, а потом вою на всю округу! Или, может, ты ему рассказала, что я как мужик ни на что не способен? Что ты ему могла про меня рассказать? Шкура ты!

Пауза.

ОЛЕСЯ. Я сказала ему, что люблю тебя.

Пауза.

ОЛЕГ. Не надо. Не надо меня ломать, не надо. Не надо мои последние чувства человеческие в порошок растирать. Насмехаться над собой не позволю. Всё стерплю, любую боль тела своего, но вот этого уже нет.

ОЛЕСЯ. Я и правда люблю тебя.

Пауза.

Люблю... Ты хоть знаешь, что такое любовь? Ты любил когда-нибудь? А тебя? Тебя любили?.. Может, ты думаешь, что это ненормально, что нет по нашей жизни никакой любви, но это не так. Она есть. И я тебя люблю.

Олег достаёт из сумки балаклаву, надевает. Опустив голову, поворачивается к Олесе.

Этого не может быть. *(Медленно подходит к Олегу. Берёт его за руки, заглядывает в глаза.)* Это был не ты? Правда?

262

Пауза.

У тебя руки тёплые. *(Целует руки Олега.)* Ведь это был не ты?

ОЛЕГ. Я мог тебя...

ОЛЕСЯ. Нет! Скажи, что это был другой.

ОЛЕГ. Ты так хочешь?

ОЛЕСЯ. Соври мне.

ОЛЕГ. Я думал, что тебя...

ОЛЕСЯ. Не надо ничего думать, ты не смог бы...

ОЛЕГ. Я испугался, что ты меня сдашь.

ОЛЕСЯ. Никуда я тебя не сдам. Я люблю тебя.

ОЛЕГ. А камера с кассетой?

ОЛЕСЯ. Ты что? Там нет никакой камеры. Ты же видел. Я специально тогда сказала, чтобы напугать тебя.

ОЛЕГ. Специально? *(Отходя снимает балаклаву, бросает её на землю.)* Дура ты.

ОЛЕСЯ. Дура! Дура я! Дура! Глупая дура!

ОЛЕГ. Подумала, что это я?

Олеся молчит.

ОЛЕГ. Ведь подумала?

ОЛЕСЯ. Ты же сам...

ОЛЕГ. Как ты могла?.. Как ты могла такое подумать? Мало ли что я... Мало ли где я эту маску взял. Может, вот здесь, на этом самом месте нашёл её.

ОЛЕСЯ. Прости.

ОЛЕГ. Что?

ОЛЕСЯ. Прости меня.

ОЛЕГ. Ты просто...

ОЛЕСЯ. Прости меня, пожалуйста. Разве ты не понимаешь?..

ОЛЕГ. Я многого теперь не понимаю. Я теперь ничего не понимаю: ни в тебе, ни в себе, ни в мире этом.

ОЛЕСЯ. Зато я понимаю многое. Ты боишься чувств. Не бойся. Люди их по-всякому проявляют.

Просто ты не привык ещё. Ты привыкнешь. Я обещаю тебе... Помнишь, ты первый поцеловал меня на этом самом месте. Разве ты забыл? Я помню, как ты это сделал. Для чего ты это сделал тогда?

ОЛЕГ. Пьян был, наверное.

ОЛЕСЯ. Нет, ты был не пьян. Ты был рад от чего-то. У тебя светились глаза. Неужели ты забыл это состояние? Ведь ты был радостный тогда.

ОЛЕГ. Я обрадовался, что ты живая. Вот и всё.

ОЛЕСЯ. Ты, правда, так переживал за меня? Значит, ты уже тогда что-то чувствовал ко мне? Ведь так?

ОЛЕГ. Прости... Но я обрадовался тому, что не загремлю по тяжелой статье. Я думал, что ты умерла тогда. Я щупал пульс на твоей шее, но его не было.

ОЛЕСЯ. Он был, просто ты не там щупал... Но ты бы всё равно не смог сделать мне ничего плохого. Ты ведь не такой. Правда?

ОЛЕГ. Почему? Потому что руки у меня теплые? Попробуй. Вот! Попробуй, какие у меня ладони! Холоднее надгробного мрамора они! Холоднее ты ещё в своей жизни ничего не встречала.

Олеся берёт в руки ладони Олега.

ОЛЕСЯ. Я их согрею. Слышишь? Они снова будут тёплыми.

Олеся прижимается лицом к открытым ладоням Олега. Плачет.

ОЛЕСЯ. У тебя такие хорошие руки. Эти руки даже не смогли убить. Разве они снова не смогут стать теплыми?

ОЛЕГ (*растерянно*). Прекрати... Прекрати плакать.

Олег сжимает голову Олеси, целует, обнимает её.

Не говори, не говори мне больше ничего.

ОЛЕСЯ. Понимаю. Понимаю. Ты привыкнешь. Я буду из ложечки тебя своей лаской кормить как ребенка, пока ты не повзрослеешь, пока ты не поймёшь, что любовь – это и есть жизнь, и ничего кроме любви не стоит воспринимать всерьёз. У меня кроме тебя никого нет.

ОЛЕГ. А этот?

Пауза.

ОЛЕСЯ. Я же сказала тебе: только ты. Знаешь, я решила закрыть скупку. Пойду куда угодно работать. Но этим заниматься больше не буду. Слишком злой была эта жизнь. Хватит теперь уже.

ОЛЕГ. Это всё из-за него?

Олеся молчит.

ОЛЕГ. Значит, правду люди говорят.

ОЛЕСЯ. Что я мусорская подстилка?

ОЛЕГ. Нет. Что ты несчастная женщина.

ОЛЕСЯ. Я должна тебе ещё кое-что сказать. Это касается детей.

ОЛЕГ. И это тоже правда?

ОЛЕСЯ. Значит, и это тоже люди знают?

ОЛЕГ. Жаль, что я не способен убить.

ОЛЕСЯ. Не убивай, прошу тебя. Мы лучше уедем, если ты захочешь. Или улетим отсюда как ласточки. Давай?

ОЛЕГ. Куда лететь-то? На юг, что ли?

ОЛЕСЯ. Да хоть куда.

ОЛЕГ. Я ни разу не был на юге.

ОЛЕСЯ. Я тоже не была. Только сначала надо сделать одно дело. *(Достаёт из сумки таблички.)* Я пришла, чтобы оставить их здесь. Плохая это примета таблички с кладбища при себе держать. Поможешь закрепить?

ОЛЕГ. Так ведь нечем.

ОЛЕСЯ. Я с собой всё взяла.

Слышен хруст веток. Олег резко поворачивается, глядявается.

266

ОЛЕГ *(меняясь в лице)*. Может потом?

ОЛЕСЯ. А что у тебя случилось?

ОЛЕГ. Не могу я сейчас. Понимаешь? Не могу!

ОЛЕСЯ. Я не понимаю тебя. Почему?

ОЛЕГ. Как тебе сказать... Мне работу тут предложили вахтой в Москве. сорок пять дней работаешь, две недели отдыхаешь. Отправляться сегодня вечером. А как приеду, обязательно закреплю. Лады. Не всё ж по кладбищам таскаться да пьянствовать, пора и финансово подниматься.

ОЛЕСЯ. А почему ты раньше мне об этом не сказал? Почему так поздно?

ОЛЕГ. Так мне только вот с утра предложили. На подмену. Я и согласился. *(Озирается.)* А таблички ты спрячь-спрячь, а хочешь тут оставь, только их опять стырят и к тебе же принесут.

ОЛЕСЯ. Ну, пожалуйста, тут работы на пять минут. Закрепи. Ты должен это сделать. У этого мальчика сейчас кроме нас никого больше нет. Мы обязаны.

ОЛЕГ *(снова озирается)*. Не-не-не. Не могу я сейчас. Понимаешь? Тороплюсь. В путь надо собраться. На полтора месяца уезжаю. Харчей ещё в дорогу надо наготовить, переодёжу взять.

ОЛЕСЯ *(тоже озирается)*. А что ты оглядываешься всё время, как будто боишься чего? На нас что, кто-то смотрит? Никого, вроде, нет.

ОЛЕГ. Да так просто, нервное. Показалось что-то. Ты спрячь-спрячь таблички, не свети. *(Шёпотом.)* Закреплю я эти таблички вечером перед дорогой. Зайду, возьму и закреплю.

ОЛЕСЯ. Всё-таки зайдёшь?

ОЛЕГ *(шёпотом)*. Зайду-зайду.

ОЛЕСЯ. А почему ты шепчешь?

ОЛЕГ. В горле что-то сжалось от волнения. *(Поднимает с земли балаклаву, кладёт в сумку.)*

ОЛЕГ. Ты иди, нечего тут стоять.

ОЛЕСЯ. Ага. А ты...

ОЛЕГ. И я... *(Быстро уходит.)*

ОЛЕСЯ. Я буду тебя ждать. Вечером.

Олеся кладёт таблички в сумку. Оглядывается словно бы замечает кого-то. Спешно уходит. Олег возвращается на могилу.

ОЛЕГ. Куда подевались-то? Выследили всё-таки, легавые. Не спрячешь погоны за елками да березами. А доказательств-то у вас всё равно никаких нет. Камера-то она из воздуха сделанной оказалась. Липа всё, а не камера. И она хороша. Возьми таблички, возьми. Как будто бы меня за них по голове погладят. И ещё слово такое выкинула: любовь... Любовью прикрывается. Руки целует. Артистка. Стала бы нормальная баба руки первому встречному целовать? Да ни за что в жизни. А эта... *(Бросает сумку и садится на неё.)* Неужели и вправду засадить меня удумала?.. Ничего не пойму. Не сходитя ничего. И стала бы она просто так руки целовать как священнику, и в губы не полезла бы. Верить-то кому? Тому, что внутри у меня или губам её? Как же её совсем на чистую воду вывести, чтобы чище некуда было? Ведь если меня посадят, ей от этого лучше не станет. Орден ей за это не дадут, не похвалят. Ничего ей не будет, никаких пряников... Вот зачем я ей? Что с меня взять? Я ведь любить не умею, не создан я для любви... А как ей скажешь?.. Всё равно разжалобит. Всё равно разворошит вот тут. И я поддамся. И гривой буду кивать. И мурлыкать стану. И ещё многое чего начну делать, чего раньше не делал... Дурак. Ох, дурак... *(Поворачивается к могиле Алешеньки.)* А ведь это всё из-за тебя, пацан. Всё могло в моей жизни как и прежде остаться, если бы тогда мимо тебя прошёл... Ты как специально решил мою жизнь изменить... Скучно тебе там, что

ли? Поиграться было не с кем? Решил над живыми поиздеваться? Да? (Оглядывается.) Ну и где вы есть, ребята со звездами на погонах? Почему за ней пошли? Я ведь тут. Тут я! Берите меня! Сажайте! Спрячьте меня подальше, поглубже, потемнее! Чтобы не видеть её никогда, чтобы слов её не слышать. Где вы? Зачем вы пошли за ней? Она же ни в чём не виновата. Это я. Я это всё. (Пауза.) Я не справлюсь. Я не справлюсь с ними один. Они же заберут её. Надолго заберут. Помогите мне, пацан! Мне больше некого просить, у меня больше нет никого. Подойди к Господу, попроси у него, чтобы он сейчас рядом с ней побыл, недолго, хотя бы полчаса, пока я бежать туда буду. А я скоро буду. Всё решу, всё сделаю и таблички твои принесу. Ты же всё слышишь. Ты же к Богу ближе. (Берёт сумку.) Ты же ангел почти. А? Может быть, ты и правда мне в помощь свыше послан? Я чувствую! Я теперь всё чувствую! Я побежал, пацан! Я буду! Я скоро буду! (Убегает.)

Вечер. Олеся входит в гараж. Она чем-то обеспокоена. Достает из сумки таблички. Ищет место куда бы их спрятать. Слышен стук в ворота: ритмично-мелодичный. Олеся мечется, перекладывая таблички из одного места в другое. Ритмично-мелодичный стук повторяется. Стук в ворота становится сильным и монотонным. Слышится, как остановилась машина, раздаётся собачий лай. Ворота начинают выбивать.

Сюжеты

Возле гаража появляется Олег с сумкой на плече. Он видит всё происходящее. Лезет в карман. Из кармана падает «Ласточка». Олег кладёт её обратно в карман...

ОЛЕГ (*тихо*). Не болит, не щемит, мосты не срывает. Затишье внутри, приятное затишье... Продлить бы его на мгновение, уйти... Только как тут уйдёшь? Нельзя же просто так исчезнуть. Нельзя вдруг взять и от всего отказаться. Она же не простит, она же снова будет вот здесь звериными когтями рвать, от неё, ведь, с ума сойдёшь, свихнёшься... Ещё мгновение. Ещё одно мгновение.

Пауза. Олег сбрасывает сумку на землю, достаёт оттуда балаклаву. Решается надеть её. Достает из кармана нож.

Ну, вот и всё. (*Открывает нож. Кричит.*) Землю ройте, уроды легавые! Овчарки позорные! Смерть по ваши души пришла! А её я вам не отдам! Не отдам!! Не отдам!!! (*Бежит к воротам.*)

Раздаётся выстрел. Олеся замирает с табличками в руках. Ворота продолжают выбивать. Олеся садится и кладёт на стол таблички. Гаснет свет. Олеся включает приёмник, он не работает. Находит зажигалку. Зажигалка то горит, то гаснет.

ОЛЕСЯ. Ну вот, Алешенька, некому теперь твои таблички к памяtnичку прикрепить. Со мной ты останешься. Хотя я тебе и не мамка, а не отдам тебя никому, дотронуться не разрешу. Ты теперь в моей жизни

самое живое существо, радость ты моя, горе ты моё
безутешное. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

*Зажигалка гаснет. Олеся достаёт из кармана
конфету «Ласточка». Убирает её. Дверь выби-
вают.*

ОЛЕСЯ (*прижимая таблички к груди*). Не отдам!
Не отдам!! Не отдам!!!

Совсем темно.

КОНЕЦ

Елена Саморядова
ШАНС

Пьеса

Действующие лица:

КАТЯ, 32 года.

МАША, 32 года.

СВЕТА, 32 года.

ЛЁША, муж Маши.

ВЛАД, муж Светы.

ВОДИТЕЛЬ.

САША.

ОФИЦИАНТ.

ОХРАННИК.

ГОЛОС РАДИОВЕДУЩЕГО.

1

Вечер. Катя выходит из аэропорта. У Кати звонит телефон.

КАТЯ. Алло. Нет... Всё понимаю, ничем не могу помочь. Я не в Москве, вот только из аэропорта вышла, вернусь завтра поздним вечером. Не так всё плохо... Я помогу. Да. Отлично.

У Кати снова звонит телефон.

Да. Нормально долетела. Ты так говоришь, как будто здесь средневековье. Обычный маленький город. Вадим делает. Я договорилась... Под мою ответственность... Десять лет не ездила, а сейчас поехала... Да. Ты не понимаешь. Окей. У меня такси подъехало. Не могу больше говорить.

2

Кафе. На стене плазменный телевизор, работающий без звука. Телевизор настроен на музыкальный канал. В зале пять столиков, из которых занят только один. За ним две женщины – Маша и Света. Перед каждой открытая папка меню. Свете приходит сообщение на телефон.

МАША. Катька?

СВЕТА (*читая*). Славик... Славик-Славик в попе... Ой, прости, услышала сегодня во дворе. Как дурь какая-нибудь – так я запоминаю. А как важное...

Я же замуж вышла... Ты в курсе? Он у меня военный, красивый, здоровенный.

МАША. Я прочитала у тебя Вконтакте.

СВЕТА. Так всё быстро решилось... Мы и не звали никого особенно ну так чтобы прям...

МАША (*листает меню*). Что?

СВЕТА. Да ладно, проехали. Ты какая-то... М-м-м... неживая. В отпуске давно была?

МАША: Я дома сижу. С детьми. Я уже в отпуске.

СВЕТА. Заметно... Заметно... У меня скидка в одном хорошем медцентре 25 процентов. Ты обращайся, если что.

МАША. Спасибо. Дети часто болеют, а ОМС – это наказание какое-то. Бабушкиными рецептами спасаемся.

Неловкое молчание.

Ну, где же она? Я бы уже заказала...

СВЕТА. Закажи.

МАША. Нет, я так не могу... Интересно, как у неё дела?

СВЕТА. У кого?

МАША. У Катьки.

СВЕТА. Вот уж, действительно, интересно. М-а-асквичка, блин. Она мне вчера позвонила впервые – года, наверное за три. Совсем потерялась в своей столице.

МАША. Я думала, она только со мной так.

СВЕТА. Почему?

МАША. Ладно, закажу. *(Оглядывается, потом машет рукой, подзывая официанта.)* Подойдите к нам, пожалуйста!

ОФИЦИАНТ. Что-то выбрали?

МАША. Цезарь... Вот у вас здесь... По акции. И чай.

ОФИЦИАНТ. Зелёный, чёрный?

МАША. Зелёный.

СВЕТА. Я ещё думаю. Спасибо.

ОФИЦИАНТ. Если что я рядом. *(Уходит.)*

МАША. Почему я сказала «зелёный»? Я же его не люблю...

СВЕТА. Вот уж проблема так проблема! Позови официанта и поменяй заказ.

МАША. Ой, как-то это... Да выпью, ничего страшного.

СВЕТА. Книжка, ты вообще не изменилась.

МАША. Меня Маша зовут вообще-то.

СВЕТА. А меня Света. И что? Есть же кармические имена, как у индейцев... Ну, типа... Соколиный... этот как его... нос, Быстрый... м-м-м... мозг... Ты, Книжка, с детства была обречена.

МАША. Зайцева, какое ж ты трепло...

СВЕТА. Я не Зайцева, я Звезда. В каждом правиле есть свои исключения.

Снова сообщение на телефон.

МАША. Славик?

СВЕТА. Катька. Боится, что не найдёт нас. (*Оглядывает пустое кафе.*) Это у неё там в Москве все друг у друга на головах едят, а у нас простор, Россия...

МАША. Сколько она уже в Москве? Лет десять?

СВЕТА. Где-то так, да. Не виделись дольше, чем дружили.

МАША. Не виделись и не виделись. Ну и что? Не забыли же друг друга. Дружба — она на всю жизнь. Если настоящая.

СВЕТА. Книжка...

МАША. Не называй меня так. Я же просила.

Входит Катя.

СВЕТА. Катька!

МАША. Сюда!

КАТЯ. Слушайте, так сейчас мощно прокатилась! Попался водитель, которому пришлось показывать дорогу. У него навигатор сломался. Я думала, это только московская фишка.

СВЕТА. Нет-нет, ну что ты, мы тут тоже в курсе модных тенденций. Таксисты у нас сплошь неместные и по-русски часто не говорят.

КАТЯ. Мой говорил, но всё равно очень странно было. Я-то думала, что раз давно не была, то забыла... Куда ехать, то-се. А вот нифига. Всё помню. (*Звонит мобильный телефон.*)

МАША. Еще любишь значит. Ну... Малую родину.

КАТЯ. Всё, телефон я выключила. Мне больше никто не позвонит. Давайте выпьем?

МАША. Катька, ты замечательно выглядишь!

КАТЯ. Правда?

МАША. Фиолетовый – ужасный цвет, но тебе идет...

КАТЯ. Ох, Маша... У тебя помада на зубах.

МАША (*водит языком по зубам*). А так?

КАТЯ. Норм, уже не так кровожадно. Ну? Что у кого нового?

СВЕТА (*встаёт, показывая свой округлившийся живот*). Та-да-а-м!

КАТЯ. Беременная? Да ты что!

СВЕТА. Да... Носите меня на руках, любите меня, пылинки с меня сдувайте!

МАША. Я не понимаю, что изменилось. Ты и раньше требовала к себе такого отношения.

СВЕТА. Это я просто так требовала, по приколу. А теперь у меня появился аргумент! (*Садится.*)

КАТЯ. Прям круто. Поздравляю! Какой месяц?

СВЕТА. Пятый.

МАША. Мальчик или девочка?

СВЕТА. А это важно?

МАША. Конечно!

СВЕТА. Не знаю. Я как-то не заморачиваюсь. Муж тоже белугой не воег, что ему нужен именно мальчик. Нет, есть такие, я знаю. Но мы, в принципе, хотели ребёнка. Получилось, мягко говоря, не сразу... Короче, я врачей попросила не говорить. Зачем, мысли эти... Славик и так с ума сходит. Всю мебель в детскую ку-

пил уже, одежду на первое время, игрушки... По ходу в Америку полетим рожать. Нашим врачам он не доверяет.

КАТЯ. А ты, Маш, как?

МАША. Я нашим врачам доверяю. Я с ними двоих уже родила. Жаловаться мне не на что совершенно. Никаких у меня осложнений не было, ничего. Яну двенадцать, Василесе два. Такие они у меня хорошие, добрые детки вышли. Ян с меня ростом уже, усы каждое утро в зеркале высматривает. Лёшка его подкалывает, предлагает лупу...

КАТЯ. Лёша всё тот же?

МАША. Мы с Лёшей развелись три года назад. Это другой Лёша, новый.

КАТЯ. Ничего себе!

СВЕТА. Что ж ты молчала?! Почему развелись?

МАША. Вы же знаете, как говорят, «потеряла голову»... Он актёр, так красиво ухаживал... Ну и вот, я потеряла голову.

СВЕТА. Ты – Книжкина Мария Васильевна?

КАТЯ. То есть, это не Лёша тебя бросил, а ты его?

МАША. Нет, это Лёша меня бросил, когда узнал...

Появляется Официант. На подносе бутылка вина и бокалы.

ОФИЦИАНТ. Ваше вино. Вам пробку оставить?

КАТЯ. Не надо, спасибо.

СВЕТА. Мне бокал не нужен. Мне просто воды без газа принесите, с лимончиком.

ОФИЦИАНТ. Без проблем. *(Уходит.)*

МАША. Девочки, ладно. У меня всё хорошо. Не переживайте за меня. Катька, твоя очередь. Давай, рассказывай. Есть кто-нибудь?

КАТЯ. Вся Москва замучилась выбирать! Если серьёзно... Некогда, Маш. Совсем времени нет. Меня же повысили. Да. Такие планы по развитию, мы очень здорово растём. Я иногда думаю о том, что... Пора, ну вы понимаете... Семья, дети, вот это вот всё. А с другой стороны в Европе в сорок прекрасно рожают. Куда торопиться? Я вот зато почти ипотеку выплатила, машина у меня новая. Сейчас покажу. Вот, смотрите... *(Достаёт телефон и принимается показывать фотографии.)*

МАША. Мне нравится.

СВЕТА. Валютно живёшь.

Снова появляется Официант. На подносе салат, чайничек с чаем и чашка.

ОФИЦИАНТ. Кому чай?

МАША. Мне. Я же просила зелёный! А вы принесли чёрный.

ОФИЦИАНТ. Простите, пожалуйста. *(Уходит.)*

КАТЯ *(поднимая бокал)*. За нас!

СВЕТА. Вы часто об этом вспоминаете?

КАТЯ. Нет.

МАША. И я нет.

СВЕТА. А я часто. Каждый год в этот день такое чувство... Даже не знаю... Словно у меня день рож-

дения, но такой, настоящий. Катя, ты молодец, что приехала.

КАТЯ. На днях шеф миллион долларов принёс в чемоданчике. Ну там, короче, не важно. Подержи, говорит, я беру... Не корзина с грибами, совсем. Если только по весу. Я стою, думаю... Спрашивает меня: "Ну как?" А мне даже сказать нечего. И он забирает у меня чемоданчик.

МАША. Почему нечего? Сказала бы, что круто, спасибо.

КАТЯ. Не знаю. Я потом об этом много думала, что у меня есть, чего нет.

СВЕТА. Поэтому решила приехать?

КАТЯ. Похоже на то. А Саша придёт?

СВЕТА. Саша номер поменял. Я когда ему позвонила, мне пацан какой-то ответил, что никакого Сашу Иванова не знает.

МАША. У меня тоже так было. Я купила новую симку, и где-то через день мне стала женщина названивать – требовала вернуть долг. А я её не знаю, впервые слышу. Видимо, от прежнего владельца мне досталась.

КАТЯ. Интересно, почему Саша поменял номер?

СВЕТА (*Маше*). А ты почему поменяла?

МАША. Я не меняла, мне просто понадобился второй.

КАТЯ. Я звонила Саше несколько лет назад, когда накатило и хотелось всё бросить. Он сказал, что женился, счастлив, скоро станет отцом. Может, он поэтому поменял номер...

МАША. Почему поэтому?

СВЕТА. Поэтому, Маш.

МАША. А-а-а...

Молчание.

СВЕТА. Я так боюсь...

МАША. Чего?

СВЕТА. Моя жизнь больше не моя. То есть, она пока моя. Но уже совсем скоро...

МАША. Послушай меня. Я тоже боялась, когда первого ждала. Никак у меня в голове это не укладывалось, что я ношу новую жизнь. Я же это я. Понимаете? Я. Я вышла замуж за человека, который краснеет, когда снимает рубашку. Мы живём с моими родителями в десятиметровой комнате с видом на автостоянку. Я ишу работу. Муж учится в аспирантуре. По утрам я рассматриваю потолок, вспоминая все случаи из своей жизни, когда у меня что-то пошло не так. Я хотела сделать аборт.

СВЕТА. Почему не сделала?

МАША. Аборт меня пугал ещё больше.

3

Через час. Под потолком кафе кружится диско-шар. По стенам и полу скользят цветные пятна. Маша и Катя лежат на полу. Голова Маши покоится на белой салфетке.

КАТЯ. М-м-м... Ты подстелила салфетку под голову?

МАША. Так мягче.

КАТЯ (*показывает пальцем на цветные пятна на потолке*). Вон, видишь? Большая медведица...

МАША. О-о-о... Ничего уже не помню.

Подходит Света. У неё в руках две рюмки. Она выпивает одну, выпивает другую. Потом вытаскивает из-под платья накладной живот и, подложив его под голову, ложится рядом с Катей и Машей.

КАТЯ. Света?

МАША. Это что такое было?

СВЕТА. Мой муж Славик детей иметь не может. Очень-очень хочет, но не может. Про ребёнка всё правда – он у нас будет, всё уже решено. Я с накладным животом хожу, в основном, из-за сослуживцев Славика. Он у меня военный, у них там у всех пунктик на мужественности. Такое всё надо скрывать. Родственникам мы тоже не говорим. Славик боится, что проболтаются. Как же меня это задолбало, кто бы знал.

МАША. Катька, можно вопрос? Про тебя?

КАТЯ. Ну, рискни.

МАША. Ты когда-нибудь жалела, что именно они тебя удочерили?

СВЕТА. Книжка...

МАША. Что Книжка? Как будто ты об этом не думала.

КАТЯ. Нет, не жалела.

МАША. Ни капельки?

СВЕТА. Машенька нажралась, совсем Машенька офигела.

МАША. Что ты вмешиваешься постоянно?

СВЕТА. Ну, потому что с такими вопросами я бы тебя давно в пешее эротическое послала.

МАША. Катька, это правда? Я офигела?

КАТЯ. Они были хорошие люди. Любили меня. Если бы они мне не рассказали тогда, до поездки, что я приёмная... Как чувствовали, реально. Я бы... Не знаю... Я очень на них разозлилась тогда. Они меня как будто оттолкнули. Мне казалось, всё ложь, всё...

МАША. Ты на кладбище пойдёшь?

КАТЯ. Нет. Не могу. Я женщине одной деньги перевозу – она следит. Ну, там убирает, подкрашивает оградку...

Молчание.

СВЕТА. Как круто.

МАША. Что?

СВЕТА. Вот так лежать. Я и забыла...

МАША. Это всё Катя придумала.

СВЕТА. Да я поняла.

Молчание.

Славик так обрадовался. Ну, когда я ему предложила ребёнка усыновить. Такое совершенно детское лицо у него было, нежное, красивое...

КАТЯ. Ты предложила?

СВЕТА. Да. Я так устала пытаться... *(Приподнимается и оглядывается в поисках Официанта.)* Я хочу ещё выпить. *(Встает.)* Я иду в бар.

МАША. Света тебя на свадьбу приглашала?

КАТЯ. Нет.

МАША. Понятно.

КАТЯ. Что понятно?

МАША. Мне Лёша снится...

КАТЯ. Ничего себе. Тебе его в жизни не хватает?

МАША. Другой Лёша, первый.

КАТЯ. Скучаешь по нему?

МАША. Нет, что ты! Не дай Бог! Я сейчас счастлива.

СВЕТА *(возвращаясь с открытой бутылкой вина)*. Бокалы я не стала брать... *(Садится на пол поторецки.)*

Появляется Охранник.

284

ОХРАННИК. Встали и вышли.

МАША. Вы что, там же зима!

ОХРАННИК. А здесь заведение для нормальных.

МАША. Мы нормальные!

СВЕТА. Да мы сядем за стол, без проблем. Вы только не волнуйтесь.

Света, Катя и Маша встают.

ОХРАННИК. Я похож на взволнованного? Выходим.

КАТЯ. Вы похожи на испуганного.

Охранник снимает пальто Кати со стула.

Отдайте. Не ваше.

ОХРАННИК (*отдавая ей пальто*). На выход. Шустрее.

Катя надевает пальто, Маша – пуховик, Света – шубу.

СВЕТА (*тихо, невнятно*). ...удак.

ОХРАННИК. Что?

СВЕТА. Берегите себя. Я про вас мужу расскажу. Он у меня нервный.

Света, Катя и Маша выходят из кафе.

4

Ночь. Улица у кафе. Идёт снег.

МАША (*смотрит на часы*). Девочки, мне домой нужно. Уже одиннадцать. Я Лёше в это время обещала вернуться.

СВЕТА (*с иронией*). Предательница.

МАША (*принимая за чистую монету*). Света!

СВЕТА. Маша!

КАТЯ. А вы... Ну... Не хотите поехать туда?..

СВЕТА. Туда?

КАТЯ. Да.

МАША. Куда туда? Нет. Ты с ума сошла? Ни за что!

СВЕТА. Почему нет? Я бы поехала. Чисто посмотреть, да?

КАТЯ. Ну да. Всё-таки десять лет сегодня.

СВЕТА. Поехали.

МАША. Вы больные...

КАТЯ. Может, всё-таки поедешь с нами?

МАША. Не могу. Лёша ждёт.

У Светы звонит телефон.

СВЕТА. Опять звонит!

КАТЯ. Кто?

СВЕТА. Муж. Славик.

МАША. Так ответь.

СВЕТА. Нет. *(Отключает вызов.)*

КАТЯ *(смотрит в телефон)*. Пять-семь минут. Водитель рядом совсем.

МАША. Я всё-таки переживаю, не страшно вам?

СВЕТА. Тогда было страшно... А сейчас-то что? Шампанского возьмём для румянца. Постоим красивые... Да и вернёмся.

КАТЯ. А помните, как мы в универе с завидным женихом знакомиться ходили?

СВЕТА. С каким из?

КАТЯ. Свет, это на твой день рождения было. Ну же, вспоминай. Мы зависли на детской площадке, к нам на улице алкоголичка подошла...

СВЕТА. Сказала, что мы красавицы...

КАТЯ. Правда? Я помню, мы друг за друга держались, чтобы не упасть... Помните, как она нас в гости позвала? А мы такие... Почему бы нет? И пошли...

СВЕТА. А-а-а!..

МАША. Это ты про её сына, что ли?

КАТЯ. Я рада, что никто не забыл Николая...

МАША. Я ещё помню, что он вот только что ПТУ закончил и сидел всего один раз – по малолетке.

СВЕТА. А я помню, что он смущался, когда мы пришли, прятался от нас в соседней комнате. Ещё бы, столько девок! И все похожи на маму...

МАША. Я с ним так и не познакомилась. Она же всех самогоном стала угощать. Вы-то отказались, а я согласилась...

СВЕТА. А, ну да. И весь визит проблевала в туалете.

КАТЯ. Так это было... Слова не подберу. Она же нам семейный альбом показывала. Коля ее понимал, что мы это всё не всерьёз, а она нет.

СВЕТА. Что-то я сомневаюсь, что он понимал. Он так на тебя смотрел... Ты вот зачем эту историю вспомнила?

КАТЯ. Маша же спросила про «страшно». Вот тогда мне было очень страшно. Мы поднимаемся с ней на лифте, а я думаю: «Так, восьмой этаж. Выпрыгнуть из окна точно не получится». Подходим к двери – дверь железная. Таковую закроешь – не откроешь. Я уже никуда не хочу, у меня ноги поролоновые абсолютно. А вы чешете-чешете. Как ни в чём не бывало.

СВЕТА. Я очень в туалет хотела.

МАША. Я с вами была. Я думала, вы знаете, что делаете.

КАТЯ. Ага, конечно! Меня семейный альбом добил. Занавески на окнах драные, пол грязный, мебель вся продавленная. А семейный альбом – чистый, аккуратный. Почти нормальный. Просто новых фотографий нет.

СВЕТА. Да, это было очень страшно. Прямо вот О-О-ОЧЕНЬ!

Света смеётся. Глядя на неё, смеётся Маша.

КАТЯ: Что вы ржёте? Ну, правда...

СВЕТА. Николай, Николай, кого хочешь, выби-рай...

Катя хохочет. Ей приходит сообщение на телефон.

КАТЯ. Сейчас. Подождите... Машина подъехала.

288

5

Ночь. Двор, окружённый многоэтажками. Идёт снег. У подъезда стоит такси. Задняя дверь открыта. Около неё суется Катя.

КАТЯ. Маша! Маш! Просыпайся. Приехали!

МАША. Му-э...

КАТЯ. Свет, помоги мне!

Открывается задняя дверь с другой стороны машины. Выходит Света.

СВЕТА. Классика... Не помнишь, что ли? Если Маша Свет Очей Наших Книжкина в таком состоянии отрубилась, то всё. Придётся нести.

КАТЯ. Что, до сих пор?

СВЕТА. Есть вечные ценности. Ты можешь Лёше позвонить?

КАТЯ. А телефон?

СВЕТА. Точно, я ж забыла, что у нас круговорот Лёш в природе. Хорошо, что она никуда не переехала! Мы хотя бы знаем номер квартиры.

КАТЯ. Сами потащим?

СВЕТА. Нет, дорогая, я как-то не готова рисковать маникюром. Стой здесь, я схожу за Лёшей.

Света входит в подъезд.

Из машины выходит Водитель, потягивается, разминает ноги.

ВОДИТЕЛЬ. Я могу помочь.

ВОДИТЕЛЬ (*рассматривая Машу*). Недорого возьму.

КАТЯ. Не нужно.

ВОДИТЕЛЬ. Лицо у вашей подруги знакомое... Она часто ездит на такси?

КАТЯ. Не знаю. Вряд ли.

ВОДИТЕЛЬ. Хотя да. Я бы вспомнил. У меня знаете память какая... (*Стучит себя пальцем по лбу.*) Компьютер! Как её зовут?

КАТЯ. Мария Книжкина.

ВОДИТЕЛЬ. Нет, не возил.

КАТЯ. А вас как зовут?

ВОДИТЕЛЬ. Алексей.

КАТЯ. Вы бы ей понравились.

ВОДИТЕЛЬ. Думаете?

КАТЯ. Очень подозреваю.

Из подъезда выходит Света.

СВЕТА. Прикинь, нет его.

КАТЯ. В смысле?

СВЕТА. Мне Ян сказал, что Лёша ещё не возвращался. Он с сестрёнкой один сидит.

КАТЯ. Прекрасно...

ВОДИТЕЛЬ. Не передумали? Я готов.

Во двор вливает Лёша. Он пьян и весел. Заметив Свету, Лёша останавливается.

290

ЛЁША (*Свете*). Я сражен. Как вас зовут, милая девушка?

СВЕТА. Я замужем.

ЛЁША. Так и зовут? Какой ужас. Вас в школе, наверное, дразнили? Язамужем... Татарское имя?

СВЕТА. Январское.

ЛЁША. У-у! Да с вашим сердцем можно пить виски... (*Достает из внутреннего кармана дублёнки початую бутылку виски.*) Хотите?

СВЕТА. И почему у меня ощущение, что я в театре?

ЛЁША. Потому что я актёр! Великий – на минутку...

КАТЯ. Вы, наверное, Лёша?

ЛЁША. Вы откуда знаете?

СВЕТА. С ней и не такое бывает. Она у нас экстрасенс.

ЛЁША. А-бал-деть.

КАТЯ. Света преувеличивает. Я просто догадалась. Мы вам вашу Машу привезли...

Катя показывает на Машу, спящую на заднем сидении.

Лёша замирает.

СВЕТА. Как вы сказали – «я сражен?» Теперь верю.

ЛЁША. Вы меня с кем-то путаете. Я её не знаю. Некогда мне с вами здесь... тут... *(Резко поворачивается и идёт к подъезду.)*

ВОДИТЕЛЬ. Он её точно узнал. Вот сволочь!

СВЕТА *(Лёше)*. А ну, стой!

КАТЯ. Не кричи, люди же спят.

СВЕТА. Как это не кричи?! Нет, я хочу разобраться! Стой!

Катя хватается Свету за руку, чтобы остановить её.

КАТЯ. В чём? Ты сама всё видела. Поехали. Машу возьмём с собой.

СВЕТА. Ты уверена?

КАТЯ. Нет.

СВЕТА. Ладно, поехали.

ВОДИТЕЛЬ. Нет, ну какой подонок...

СВЕТА. Да вообще. По дороге у магазина остановите, пожалуйста. Жизненно необходимо.

6

*Супермаркет. Света и Катя ходят по рядам.
Включено радио.*

РАДИОВЕДУЩИЙ. Добро пожаловать в новый музыкальный час. Ненавижу эту фразу, но час, действительно, новый, и я совершенно искренне рад, что вы со мной. Одному переживать эту ночь как-то вот совсем не то. На термометрах -17. Самое время обняться, друзья.

У Светы звонит телефон.

СВЕТА. Опять Славик.

КАТЯ. Возьми, ты чего?

СВЕТА (*сбрасывает*). Он таким раньше не был. Не писал мне каждые пятнадцать минут, не звонил так часто. Чёрт, забыла живот в кафе...

Катя и Света смотрят друг на друга.

КАТЯ. Света, не смей.

СВЕТА. Я уже слышала эту фразу. В каком-то советском фильме... Они там друг другу исключительно правильные вещи говорили.

КАТЯ. Я же как лучше хочу.

СВЕТА. И это тоже говорили.

По радио звучит энергичная весёлая песня. Света танцует. Она задевает пирамидку банок с газировкой. Одна из них падает. Света поднимает банку и поёт в неё, как в микрофон.

КАТЯ. Не смейся меня. Я серьёзно хочу поговорить.

СВЕТА (*берёт с полки пакет чипсов*). Спой со мной.

КАТЯ. В чипсы?! Ты совсем уже, да?

Света беззвучно поёт в банку, танцует. Катя кладёт пакет чипсов на место, берёт с полки бутылочку с соусом и присоединяется к Свете. Теперь они обе беззвучно поют и танцуют. У них получается синхронно. Чувствуется, что они уже делали это раньше. Энергичная весёлая песня заканчивается. Катя и Света замирают, а потом как ни в чём не бывало принимают ходить по рядам. Катя и Света подходят с корзинкой к кассе. Присмотревшись, Катя узнаёт в кассире Сашу.

Саша?

Саша не отвечает.

У тебя же даже на бейдже написано «Александр». Что ты молчишь?

САША. Пакет брать будете?

КАТЯ (*поворачиваясь к Свете*). Это он.

СВЕТА. Вижу. Саш, ты чего?

Саша меланхолично пробивает покупки: шампанское, пластиковые контейнеры с готовой едой.

КАТЯ. Посмотри на меня.

САША (*смотрит*). С вас семьсот тридцать два рубля пятнадцать копеек. Мелочь поищите, пожалуйста.

СВЕТА. Вот.

КАТЯ (*Саше*). Ты помнишь, какой сегодня день?

САША. Вторник.

КАТЯ. Ты меня вытащил... Без тебя меня бы не было.

САША. Фишки собираете?

КАТЯ. Нет.

САША. Спасибо за покупку.

КАТЯ. Все ошибаются...

Саша снимает форменную кепку и вытирает пот со лба.

Света берёт пакет с покупками и уходит.

Катя продолжает смотреть на Сашу.

САША. Прошу тебя, уйди. Я тебя ненавижу.

7

Обочина дороги, впереди мост через реку. Ночь. Из такси выходят Катя и Света. Оставив

пакет с покупками на обочине, Катя и Света вместе пытаются вытащить из машины по-прежнему спящую Машу.

Из машины выходит Водитель.

ВОДИТЕЛЬ. Вам помочь?

КАТЯ. Не нужно.

ВОДИТЕЛЬ. А куда вы? Ну, дальше... Просто мороз... До города далеко. Вас подождать?

СВЕТА. Да, подождите.

ВОДИТЕЛЬ. Так куда вы?

СВЕТА. Купаться пойдём.

ВОДИТЕЛЬ. Я серьёзно спрашиваю.

СВЕТА. Вы не много вопросов задаёте?

ВОДИТЕЛЬ. Странно это всё... Если вы мне сейчас не ответите, я полицию вызову.

СВЕТА. Прямо так и вызовете!

ВОДИТЕЛЬ. Вызову!

СВЕТА. Ну, вызывайте. У вас времени много, видимо. А мы пошли.

МАША. О-ко-ко...

Катя и Света, наконец, вытащили Машу, которая ничего не сообщает. Затем берут свои покупки и идут к реке.

ВОДИТЕЛЬ. Тогда я с вами пойду!

СВЕТА. Зачем?

ВОДИТЕЛЬ. Я везучий. Со мной вы не пропадёте.

КАТЯ. Свет, пойдём.

ВОДИТЕЛЬ. Я вспомнил, где видел вашу подругу.

КАТЯ. Машу?

ВОДИТЕЛЬ. Да, Машу. На сайте знакомств. Её там, правда, Таней звали... В общем, она мне понравилась. Я ей написал.

КАТЯ. И что?

ВОДИТЕЛЬ. Ничего. Она мне не ответила.

СВЕТА. Что написали-то? Пошлое что-нибудь?

ВОДИТЕЛЬ. Не ваше дело. В кафе позвал. (*Смотрит на Машу.*) Вживую она гораздо красивее, чем на фотографии.

КАТЯ. Ладно. Берите Машу.

ВОДИТЕЛЬ. Э-э-э...

КАТЯ. Берите.

ВОДИТЕЛЬ. Пять сек, машину закрою.

Водитель достаёт ключи и нажимает на брелок. Водитель берёт Машу на руки и идёт за Катей и Светой к берегу замёрзшей реки. У Светы звонит мобильный.

296

СВЕТА (*медлит, но всё-таки на этот раз берёт трубку*). Алло. Не надо никуда приезжать! Нет. Я не хочу. Ты забыл? Я не беременная. Чего ты трясешься?

ВОДИТЕЛЬ (*едва не роняя Машу*). Ешкин-Матрешкин!

Водитель останавливается, вслед за ним останавливаются Света и Катя.

СВЕТА. М-м-м... никто. Я не знаю, кто это. Мы... в парке... Ну, так получилось. Прохожий какой-

то. Я не вру. Не вру! Я не ору. Связь плохая. Я тебя плохо слышу.

Света ещё разговаривает по телефону, как вдруг приходит в себя Маша. Она открывает глаза, осознаёт реальность: лес, ночь, мороз, себя на руках незнакомого мужчины, .

МАША. А-а-а!..

СВЕТА. Славик, мне пора.

Маша бьёт Водителя по лицу. Тот отпускает её. Маша бежит и врезается в Катю. Обе падают в снег.

КАТЯ. Ай... Больно же...

МАША. Катька...

Маша слезает с Кати. Обе поднимаются.

Я же поехала домой...

КАТЯ. Ты заснула. Тебя было совершенно невозможно разбудить.

МАША. А донести меня до квартиры вы не догадались?

Катя и Света молчат.

Я домой хочу. Лёшка там один с детьми. Чем вы думали?!

КАТЯ. Прости, пожалуйста.

МАША (*тычет в Водителя*). А это кто?!

СВЕТА. Это наш талисман...

ВОДИТЕЛЬ. Алексей.

СВЕТА. ...талисман Алексей. Он приносит удачу.

ВОДИТЕЛЬ (*Маше*). Я за вас боялся.

МАША. Почему боялись?

ВОДИТЕЛЬ. Вы как будто не хотели просыпаться.

МАША. Это какой-то бред... Отвезите меня домой!

ВОДИТЕЛЬ. Нам ещё долго идти? Я в осенней обуви...

КАТЯ. Мы пришли.

8

Высокий берег реки. Катя, Маша и Света смотрят во тьму, туда, где таится замёрзшая река. Водитель включает фонарик на телефоне.

КАТЯ. Не надо.

ВОДИТЕЛЬ. А что? Ничего ж не видно.

СВЕТА. Выключите.

298

ВОДИТЕЛЬ (*выключает фонарик*). Холодно.

МАША. Я так не хотела сюда ехать, а сейчас мне как будто легче...

СВЕТА. И мне.

ВОДИТЕЛЬ. Очень холодно!

КАТЯ (*Водителю*). Десять лет назад... Это был четвёртый курс. Мы всем курсом поехали на турбазу. Большой автобус, все пить начали ещё в городе... Сессия закончилась, такое чувство было: ещё чуть-чуть и весна... И потеплело раньше обычного. Лёд не выдержал, когда автобус упал...

ВОДИТЕЛЬ. Я помню. Почти все погибли.

КАТЯ. Да, почти все.

МАША. Вся жизнь разделилась на до и после.

СВЕТА. Давайте выпьем. А то сейчас Мария Васильевна как начнёт...

МАША. Почему ты ко мне всё время цепляешься? Ну что я тебе сделала?!

СВЕТА. Я цепляюсь?

МАША. Тебе как будто удовольствие доставляет выводить меня из себя!

ВОДИТЕЛЬ. Девочки... Девочки... *(Достаёт из пакета шампанское. Пытается открыть.)*

СВЕТА. Нужна ты мне больно. Если бы не Катя мы бы и не увиделись. Всё общение – дебилские рассылки в мессенджере по праздникам. В гробу я видала твои наклейки с цветочками и тупые тексты про счастье! Мне зачем это говно? Оно ж даже не тёплое!

МАША. А мне зачем твои звонки по ночам? У меня дети. В нормальное время сложно позвонить? Это ты там непонятно чем занимаешься, а я работаю! Я устаю! Мне ещё думать, что тебе написать?! Ты со всем, что ли?!

Звук вылетающей пробки. Водитель открыл шампанское.

ВОДИТЕЛЬ. Кому шампанское? Разбираем стаканчики, не толкаемся!

Катя, Света и Маша игнорируют его.

ВОДИТЕЛЬ. Вы ещё подеритесь. Смешно. Взрослые бабы...

СВЕТА. Слушай ты, бабовед. Смешно своё зажимай в кулачок и вали.

ВОДИТЕЛЬ. Да я...

КАТЯ. Шампанское только оставьте – и вперед. Сами доберёмся.

ВОДИТЕЛЬ. Маша, вы-то хоть понимаете, что это бред?

МАША. Вы, действительно, зря вмешались.

ВОДИТЕЛЬ. Девки! Ну, простите! Дурак я! Но я ж не со зла... Как лучше хотел! Может, всё-таки дёрнете? За мир и дружбу? Пузырики теряем, весь смысл уходит...

СВЕТА. Ладно, так уж и быть, снизойдём.

Света, Маша и Катя пьют шампанское.

ВОДИТЕЛЬ. Я смотрю, как вы пьёте, и мне прям теплее.

МАША. Вы очень легко одеты, Алексей.

ВОДИТЕЛЬ. Я как-то не собирался гулять.

МАША. Что же вы здесь делаете?

Слышно, как на обочине останавливается ещё одна машина. Появляется Влад. Бежит к реке. Он сильно взвинчен.

ВЛАД. Уродский снег... Вот же...

СВЕТА. Ну, всё... Сейчас весь мозг вынесет...

КАТЯ. Вы знакомы?

СВЕТА. С мужем? Да, в общем, да...

ВЛАД. Ты совсем меня за дурака держишь?!

СВЕТА. Ты как меня нашёл?

ВЛАД. По запаху идиотизма. Я всего-то и попросил не напиваться, в который раз уже! Мне как соседям объяснять, что моя беременная жена каждую ночь возвращается домой пьяная?! И что мы имеем? Я отсюда чувствую, как от тебя разит! И это парк вокруг, да?

СВЕТА. Славик...

ВЛАД. Влад.

СВЕТА. Славик...

ВЛАД (*кивает на Водителя*). Кто это?

СВЕТА. Мой любовник.

ВОДИТЕЛЬ. Чего?

ВЛАД (*Водителю*). Помолчи.

МАША. Это Алексей.

КАТЯ. Он нас привёз сюда. На такси.

ВЛАД. Вы тоже обе залепили дула.

СВЕТА. Ты что себе позволяешь?

ВЛАД. А ты? Хочешь на Бали – на! Машину – на! Карточку безлимитную... Я когда тебе в чем отказывал? Ты кого из меня делаешь?

СВЕТА. Ты...

ВЛАД. Где живот?

СВЕТА. Нету.

ВЛАД. Это что за ответ такой?

СВЕТА. Всё, хватит с меня. Я и ребёнку сразу скажу, что он приёмный.

ВЛАД. Только попробуй.

Света вдруг поворачивается и резко даёт пощечину Кате.

КАТЯ *(хватаясь за щеку)*. Ты что делаешь?!

СВЕТА. Я не знаю! Не знаю! Ты зачем нас сюда притащила?! Я ж тогда подумала: вот же, ну, очевидно... Шанс. Все... Почти все погибли, а я выжила. Ну, не зря же. Не может моя жизнь остаться обычной! Я ж поэтому университет бросила, искала всё чего-то... А что нашла? Да ничего я не нашла! Клоуна этого в погонах только... *(Владу.)* Ну, что ты на меня смотришь как мёртвый из колодца? Я больше не могу. Не хочу! Не буду!!!

ВЛАД. Ты кто такая, а?

СВЕТА. Я кто такая?

ВЛАД. Особенная нашлась, а я клоун у неё. Я не клоун. Я любую женщину могу сделать счастливой.

СВЕТА. Кроме меня.

ВЛАД. Ты точно выплыла? Или ты ещё там, в автобусе?

СВЕТА. Что?

ВЛАД. Света, всё закончилось, всё позади. Надо жить дальше.

СВЕТА. Ты вообще ничего не понимаешь!

ВЛАД. Так объясни! Поговори со мной! Почему ты не спишь? Что с тобой происходит? Я не тупой, я тебя люблю...

МАША. Свет, ты чего молчишь-то? Сердце у тебя есть?

СВЕТА. Я устала.

ВЛАД (*снимает пальто и отдаёт Водителю*). Надень, хватит трястись.

Водитель надевает. Влад продолжает раздеваться.

МАША. Вы что делаете? Зачем?

ВЛАД. Я же ничего не понимаю. Вон там прорубь... Должен же я как-то понять, что с ней произошло. Почему она такая...

КАТЯ. Не надо, вы что?! Это глупо!

МАША. Свет, скажи ему! Ты хочешь, чтобы он воспаление легких заработал?

СВЕТА. Вы его не знаете. Он трепло.

ВЛАД. Спасибо, дорогая. Я в тебе не сомневался. (*Раздевшись до трусов, спускается к проруби.*)

СВЕТА (*Водителю*). Где ваш фонарик? Что вы стоите?

ВОДИТЕЛЬ (*включая фонарик на телефоне*). Вы свои тоже можете включить. Так толку больше будет, хоть что-то увидим.

Катя, Маша и Света тоже включают фонарики на телефонах. Все смотрят на реку.

КАТЯ. Свет, он сейчас прыгнет...

СВЕТА. Не прыгнет. (*Водителю.*) Налейте мне ещё шампанского.

ВОДИТЕЛЬ. Да, пожалуйста. Как всё-таки хорошо, что я не женат.

МАША. Ничего хорошего, это вы зря. Сейчас столько возможностей... Зарегистрируйтесь на сайте знакомств для начала.

ВОДИТЕЛЬ. Я зарегистрировался.

КАТЯ (*Свете*). Свет, ну прыгнет же!

СВЕТА. Катька, спокойно. Знаешь сколько раз он вот так брал меня на слабо?

МАША (*Водителю*). И что? Неужели никого не нашли?

ВОДИТЕЛЬ. Нашёл.

МАША. Интересно. У вас такое лицо знакомое...

ВОДИТЕЛЬ. Но она оказалась несвободна.

МАША (*узнав Водителя*). Это ты? (*Растеряно.*)

КАТЯ. Света, прыгнул!

СВЕТА. Ну, дебил!

Света бросает недопитый стаканчик и спускается на лёд.

304

КАТЯ. Ты куда?!

СВЕТА. К нему куда!

КАТЯ. Маша, я как будто вместе с ним там, в воде...

МАША. Что?

КАТЯ. Тебе разве не страшно?

Водитель берёт Машу за руку, Маша вырывает руку.

МАША. Страшно.

КАТЯ. Я на эту реку смотрю с трудом, а Света выбежала на лёд... Ты чего? Плачешь?

МАША (*закрыла лицо руками*). Мне очень страшно. Не могу. Я как дура, прости.

КАТЯ. Я такая же. Всё нормально, всё с нами в порядке.

МАША. Не в порядке.

ВОДИТЕЛЬ (*смотрит на реку*). Она остановилась. Подходить, что ли боится? (*Кате и Маше.*) Вы что там? Фонарики-то поднимите. А! Он вылезти не может, скользит...

КАТЯ (*Водителю*). Бегите! Вытащите его!

ВОДИТЕЛЬ. Я?

МАША (*не глядя на реку*). Кто в детстве врачом хотел стать, чтобы людей спасти? Ты же, Лёша...

ВОДИТЕЛЬ. Хотел. Ты права. (*Бежит к проруби.*)

КАТЯ. Свету тошнит. На колени упала... (*Маше.*) А если Лёша потеряет равновесие и упадёт в прорубь? Скользко же... Он плавать умеет?

МАША. Нет.

КАТЯ. Почему ты с ним не встретилась?

МАША. Потому что это неправильно. Дважды я на те же грабли не наступлю. Это Света решила, что она особенная, а я после всего... Мне хотелось просто жить, мне хотелось всего: семьи, друзей, универ закончить, на работу устроиться. Я жила изо всех сил, а вокруг всё по-прежнему оставалось серым. Безвкусным. Приглушённым. А потом появился этот Лёша, живой как фейерверк, яркий, сбивающий с ног. Я тогда что-то почувствовала, мне показалось, это лю-

бовь... Я ребят из автобуса до сих пор во сне вижу. Элька Майорова застряла, ей зажало ногу. Она руками в меня вцепилась...

КАТЯ. Ты не рассказывала.

МАША. Я и сейчас не могу рассказать... Ну, что там? *(Всё ещё избегает смотреть на реку.)*

КАТЯ. Наш водитель снял пальто.

МАША. Зачем?

КАТЯ. Не понимаю...

МАША. Я не хочу возвращаться домой.

КАТЯ. Не возвращайся.

МАША. Тебе легко говорить. У тебя никого нет.

Катя молчит.

Прости, пожалуйста. Прости.

КАТЯ. Ты винишь моего отца?

МАША. Нет, у него случился инфаркт. Он физически не мог управлять автобусом.

КАТЯ. И мама не виновата.

МАША. Не виновата. Не все могут такое вынести.

КАТЯ. У меня остались только вы со Светкой.

МАША. А Саша? Он же вытащил тебя. Я помню, ты была влюблена в него.

КАТЯ. Перед самой аварией мы ведь с Мариной поменялись местами. Под водой было темно... Он её спасал, Маша, ты разве не поняла?

МАША. Нет.

КАТЯ. Он её любил.

МАША. Дорогая, хочешь шампанского?

КАТЯ. Подожди... Вытащил!

МАША. Вытащил?

КАТЯ. За пальто! Наш водитель кинул один конец в прорубь и Влад за него уцепился.

МАША. Как хорошо.

КАТЯ. Ты все выпила?

МАША. Ну, почти.

9

Тот же берег реки. Появляются Влад, Света и Водитель. Света подаёт Владу одежду. Он одевается. Здесь же Катя и Маша.

ВОДИТЕЛЬ. Пальто не забудьте.

Влад надевает пальто. Оно порвано. Ни Влад, ни Света не обращают на это внимания.

СВЕТА. Мы поедem. (*Обнимает Катю*). Катька, отличная вечеринка.

КАТЯ. Очень смешно.

СВЕТА. Лучшая. Приезжай почаще.

СВЕТА (*обнимая Машу*). Честное слово, больше не буду тебе звонить по ночам.

МАША. Звони, я понимаю.

СВЕТА. Я буду очень ждать твоих наклеек с цветочками в чате.

МАША. Так уж и быть...

*Света подходит к Водителю. Его она обнимает
дольше всех.*

СВЕТА. Спасибо.

ВОДИТЕЛЬ. Да ладно, чего там...

ВЛАД. Я тебе должен. Любая просьба... Спасибо тебе.

*Водитель и Влад жмут друг другу руки.
Влад и Света уходят.*

ВОДИТЕЛЬ. Как думаете, они разведутся?

Катя и Маша молчат.

10

*У дома Маши такси. Водитель за рулем.
Маша и Катя выходят из машины.*

308

МАША. Что мне Лёше сказать?

КАТЯ. Какому Лёше?

МАША. Моему – какому. Он же будет спрашивать, где я ночь провела.

КАТЯ. Скажи правду.

МАША. Я не могу.

КАТЯ. Почему?

МАША. Он вообще не знает про аварию. Я не рассказывала ему никогда. И что я сейчас скажу?

КАТЯ. Скажи правду.

МАША. Пойдем со мной? У тебя же ещё есть время до самолета. Чаю попьем.

КАТЯ. А как быть с Алексеем? Он же ждёт, чтобы отвезти меня в аэропорт.

Маша стучит в окно Водителя. Водитель опускает стекло.

МАША (*Водителю*). Ты чаю хочешь?

ВОДИТЕЛЬ. Серьёзно?

МАША. Да.

ВОДИТЕЛЬ. Хочу.

11

Квартира Маши. В квартиру входят Маша, Катя и Водитель. Проходят на кухню. Там сидит Лёша. Он уснул, положив голову на стол. Чуть дальше на столе полупустая бутылка, недоеденный йогурт и вазочка с печеньем.

МАША. Всю ночь ждал...

ВОДИТЕЛЬ (*берёт бутылку*). Силён! Я бы тоже так кого-нибудь с удовольствием подождал... Только без йогурта. Он у тебя зожник, что ли?

МАША. Предпринимает попытки.

Лёша просыпается.

ЛЁША. А? Что?

КАТЯ. Доброе утро.

ЛЁША (*Маше*). Ты кого привела?

МАША. Милый, я же рассказывала... Катька приехала... Мы чаю попьем, а потом она в аэропорт поедет.

ЛЁША. А мужик?

ВОДИТЕЛЬ. Алексей. *(Жмёт Лёше руку.)* Я следующий муж Маши.

МАША. Он шутит. Это таксист. Мы подружились.

ЛЁША. Подружились, значит...

МАША. Только не начинай, пожалуйста. Я потом тебе всё объясню. Мы сейчас чаю попьем, и они в аэропорт поедут.

Маша включает электрочайник. Лёша молчит, глядя на Катю и Водителя.

КАТЯ *(Лёше)*. Что отмечали?

ЛЁША. Премьера была в театре.

ВОДИТЕЛЬ. Часто премьеры бывают? Я смотрю, вы парень тренированный...

ЛЁША. Вы же таксист? Может, подождёте в машине?

МАША. Нет.

ЛЁША. Дорогая, он хамит.

МАША. Я с ним согласна. В последнее время ты пьёшь слишком много.

ЛЁША *(встаёт)*. Вы кого мне привезли? Маша! Как ты со мной разговариваешь?

МАША. Сядь, пожалуйста. У меня голова трещит...

ЛЁША. Я думаю, твоим гостям нужно уйти прямо сейчас. Немедленно!

МАША. Нет.

КАТЯ (*Лёше*). Вы меня не помните?

ЛЁША. С чего бы мне вас помнить?

КАТЯ. Странно. Мы же уже виделись.

ЛЁША. Не припомню.

ВОДИТЕЛЬ. Интересно, как вы роли свои учите, если не помните, что было вчера.

Лёша молчит. Маша дотрагивается до чайника.

МАША. Вот же. Сломался. Я в кастрюльке разогрею. (*Берёт кастрюлю, наливает в неё воды, ставит на плиту.*) Ребят, я знаю, что он сделал. Я притворилась вчера.

КАТЯ. Что ты делала?

МАША. Я всю жизнь так делаю. Очень удобно. Как будто засыпаешь и всё. Тебя тут же оставляют в покое.

ЛЁША. И здесь мне ещё что-то предъявляют, с кем я живу!

МАША. Господи, Лёша, заканчивай. Чай будешь?

ЛЁША. Какой чай? Что ты несёшь?!

МАША. Я тебя не виню. Поначалу ты был готов ради меня на всё. Я это чувствовала. Поэтому и отдала тебе всё. А теперь-то что, никакой интриги. Тебе скучно, ты развлекаешься с другими. А я... Откуда мне было знать, что твоё «всё» ничего не значит? Мы спускаем свою жизнь в унитаз. Чёрт, я заговорила как ты... Совсем всё плохо.

Маша разливает чай. Катя и Водитель садятся за стол так, что Лёша оказывается зажат между ними.

ЛЁША. Мы можем обсудить это наедине?

МАША. Наедине с тобой я чувствую публику, так пусть уж она реально будет.

ЛЁША. Бесстыдство и низость.

МАША. Пролистывай, этот текст уже был. На серости также можешь не останавливаться. Это моя квартира. Твоего здесь только шмотки. Я бы на твоём месте подкрепилась перед дальней дорогой. Тебе бутерброды сделать?

ЛЁША (*закипает, но быстро сникает*). Будь так любезна.

МАША. Хорошо. Сделаю.

ЛЁША. Почему ты мне никогда не рассказывала про аварию?

МАША. Ты знал?

ЛЁША. Меня это в тебе и зацепило. Что ты избранная... В хорошем смысле. Мне было интересно, как это в тебе проявится. Когда ты пришла ко мне тогда, в самый первый раз, я понимал, что ты совершаешь ошибку. Ты же любила мужа, это было очевидно. Но отказаться не смог. Это ведь и было то самое... Проявление. Никто до тебя не давал мне таких эмоций. Это было круче сцены, наркотиков, секса...

ВОДИТЕЛЬ. Вы больной.

ЛЁША. Вы думаете, она нас различает? Вы Лёша, я Лёша... Кто из нас ещё больной...

МАША. Печенье закончилась. *(Открывает холодильник.)* Сыр есть. *(Делает бутерброды.)*

ЛЁША *(Водителю)*. Видите? Опять якобы спит, не с нами.

ВОДИТЕЛЬ. Если она так вам нравилась, что ж вы сейчас спиваетесь?

ЛЁША. Когда мы поженились... А мы поженились. Заметьте, я ведь мог этого не делать. Всё же Машенька была не первой свежести, да ещё и с прицепом. Но она хотела, и я пошёл ей навстречу. В общем, фонтан эмоций быстро иссяк. Я оказался привязан к бабе, которая ничего больше не хотела. Но жить-то надо. И она ждала, что я что-то сделаю, что-то придумаю, верну те эмоции... Жить с человеком, который вот так ждёт, а сам как камень, как окаменевшее дерьмо...

ВОДИТЕЛЬ *(резко)*. Ты бы...

ЛЁША. Это она так о себе думает, вечно к себе цепляется. Она и меня убедила, в конце концов. И тебя убедит, уж будь уверен.

ВОДИТЕЛЬ. Всё же полегче.

ЛЁША. Ладно. Видимо, у вас это серьёзно. Я-то думал, что всё из-за меня... Дождалась, Маш?

МАША. Я не верю, что ты страдаешь.

ЛЁША. Я сам себе не верю. За годы, что я с тобой, я всё потерял. Всё свое дарование. Ты ждала от меня невозможного. Я ничего не могу сделать, когда вот так ждут. Тяжело, мучительно. То, что ты потеряла, это нельзя вернуть. Ну, нельзя, никак. *(Каме.)* Она же не была такой до аварии?

КАТЯ. Нет, не была.

ЛЁША. И вы не были.

КАТЯ. И я не была.

ЛЁША. Ну, и как это? Что вы чувствуете?

КАТЯ. Мне мама сказала, что это мой шанс.

ЛЁША. Интересная у вас мама.

КАТЯ. Через пару дней – я ещё в больнице была – она выкрутила на полную газ на кухне и спать легла. Мне следователь сказал. Он в соседнем дворе жил, мы были знакомы. Представили, конечно, как несчастный случай.

Пауза

ВОДИТЕЛЬ. Хотите анекдот расскажу?

Молчание.

Понял, проехали.

КАТЯ. Мама говорила, что мне повезло. И всё же я тогда не услышала её, мне совсем не хотелось слышать.

МАША. А когда услышала?

КАТЯ. Саша, который меня вытащил, пришёл навестить. Когда он меня увидел, ему так плохо стало... Мама моя его вывела. Я слышала, как она его успокаивает за стенкой. Стены в больнице, как бинты тоненькие. Я в жизни так не плакала... Но это было именно то, что нужно. Ему, мне, всем. И ей тоже. Мама обожала отца. Он умер мгновенно, за рулем, у него даже воды в легких не нашли. То, что мама потом сделала с собой, было совершенно неправильно. И я это поняла.

ЛЁША. Это кошмар.

КАТЯ. Наверное. Мне не с чем сравнить, у меня одна жизнь. Я перед тем, как сюда поехать, проснулась как-то утром, и вдруг очень ясно и так, что сердце сжалось, поняла, как глупо я живу. Работа эта дурацкая, которую делаешь – и всё, делаешь, чтобы делать, чтобы зарабатывать. Деньги тратишь на дом, а он пустой. Близких нет, потому что близких можно потерять. Чем старше становлюсь, тем страшнее что-то менять. И что мне этот шанс, зачем? Я чувствую себя обманутой.

МАША. Возможно, всё не так плохо, как тебе кажется. Я ошибалась и ошибалась по-крупному. Даже в этом есть свои плюсы. Теперь я точно знаю, что никто из нас ничего не знает точно.

ЛЁША. Такими словами хорошо заканчивать спектакль, но жизнь-то продолжается.

КАТЯ. Да, жизнь продолжается.

ВОДИТЕЛЬ. Ну, что? Едем в аэропорт?

КАТЯ. Да, пора.

КОНЕЦ

315

Интересующую Вас информацию Вы можете
получить в Кабинете драматургии СТД РФ:
107031, Москва, Страстной бульвар, 10.
Тел./факс: (495) 629-72-76.
E mail: stdrf-novikova@mail.ru

Playwrights Department, Theatre Union of Russia.
Address: Russia, 107031, Moscow, Strastnoy b-r, 10.
Tel./fax: (495) 629-72-76.
E mail: stdrf-novikova@mail.ru

Литературно-художественное издание

«СЮЖЕТЫ»

№ 37

Редакционный совет
Художественное оформление *Е.М. Добровинский*
Компьютерная верстка *Е.П. Корсина*
Корректор *И.А. Седова*

ЛР №04776 от 08.05.2001 г.

Подписано в печать 25.12.2020
Формат 70х100/32. Тираж 500 экз.
Заказ № ...

Союз театральных деятелей Российской Федерации (ВТО)
107031, Москва, Страстной бульвар, д.10.

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д.6

